

Universitat
de les Illes Balears

TESIS DOCTORAL
2018

**EL PAPEL Y LUGAR DE FRANCISCO JAVIER
CLAVIJERO EN LA HISTORIOGRAFÍA MEXICANA**

Irina Veselova

Universitat
de les Illes Balears

TESIS DOCTORAL

2018

**Programa de Doctorado en Historia, Historia
del Arte y Geografía**

**EL PAPEL Y LUGAR DE FRANCISCO JAVIER
CLAVIJERO EN LA HISTORIOGRAFÍA MEXICANA**

Irina Veselova

Director: Evguéniy Larin

Director: José Juan Vidal

Co-director: Antoni Picazo

Doctora por la Universitat de les Illes Balears

Resumen

En la tesis se estudian las principales etapas de la biografía creadora del ilustrado jesuita mexicano Francisco Javier Clavijero (1731-1787), se analizan su pensamiento filosófico e histórico en contexto de las corrientes intelectuales de la época colonial tardía. Esta tesis es un intento de revelar el papel de Clavijero en la ciencia histórica mexicana y definir su lugar en la historiografía mexicana de la segunda mitad del siglo XVIII, así como la contribución del pensador mexicano al patriotismo criollo de la Nueva España. La tesis permite ampliar el conocimiento sobre el desarrollo del pensamiento histórico y sociopolítico mexicano.

Abstract

In the thesis there are researched the main stages of the creative biography of the illustrated Mexican Jesuit Francisco Javier Clavijero (1731-1787), their philosophical and historical thought are analyzed in context of the intellectual currents of the late colonial period. This thesis is an attempt to reveal the role of Clavijero in Mexican historical science and to define its place in Mexican historiography of the second half of XVIII century, as well as the contribution of the Mexican thinker to the creole patriotism of New Spain. The thesis broadens idea about the development of Mexican historical, political and social thought.

Resum

En la tesi s'estudien les principals etapes de la biografia creadora de l'il·lustrat jesuïta mexicà Francisco Javier Clavijero (1731-1787), s'analitzen el seu pensament filosòfic i històric en context dels corrents intel·lectuals de l'època colonial tardana. Aquesta tesi és un intent de revelar el paper de Clavijero en la ciència històrica mexicana i definir el seu lloc en la historiografia mexicana de la segona meitat del segle XVIII, així com la contribució del pensador mexicà al patriotisme crioll de la Nova Espanya. La tesi permet ampliar el coneixement sobre el desenvolupament del pensament històric i sociopolític mexicà.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Творческий путь Ф. Х. Клавихеро	35
1.1. Годы жизни в Новой Испании: становление мыслителя.	36
1.2. Жизнь в изгнании: консолидация исторических взглядов Ф.Х. Клавихеро.....	52
Глава 2. Историософия Ф.Х. Клавихеро	69
2.1. Интеллектуальная традиция как фактор формирования исторической концепции Ф.Х. Клавихеро.....	70
2.2. Историческая концепция Ф.Х. Клавихеро.....	95
Глава 3. Актуализация исторического знания в трудах Ф.Х. Клавихеро.....	116
3.1. Общественно-политические идеи Ф.Х. Клавихеро	117
3.2. Вклад Ф.Х. Клавихеро в формирование креольского патриотизма Новой Испании	131
Заключение	149
Список источников и литературы.....	153

Введение

Актуальность проблемы исследования. Национальное самоопределение, межэтническое взаимодействие и другие глубинные проблемы современного мексиканского общества делают актуальным вопрос о становлении мексиканской нации, формировании национального самосознания и конструировании национального прошлого.

В условиях современного идеологического мифотворчества все большее значение приобретает интеллектуальное наследие ушедших эпох. В процессе борьбы за место в мире в условиях нарастающего идеологического противостояния особую значимость в современном общественном дискурсе обретает интерпретация истории латиноамериканского региона. Тем самым страны Латинской Америки стремятся продемонстрировать, что являются самостоятельными и самоценными сообществами, обладающими своим неповторимым прошлым. Для Мексики, как и ряда других латиноамериканских стран, сохраняют свою актуальность категория исторического прогресса и идеология освобождения. Истоки этих концепций уходят корнями глубоко в прошлое и связаны с магистральными течениями общественной мысли региона, оформившимися к концу колониального периода. Для предотвращения пропагандистского мифотворчества в этой сфере необходимо комплексное научное исследование интеллектуального наследия Мексики.

Одной из видных фигур в мексиканской историографии колониального периода является Франсиско Хавьер Клавихеро (1731-1787) – историк, философ, член Ордена иезуитов, написавший ряд научных работ, посвященных истории древних цивилизаций Мезоамерики и истории Новой Испании. Наиболее известной из них является «Древняя история Мексики» (опубликована в Чезене в

1780-1781 годах). Клавихеро написал ее в период своего пребывания в Италии, куда он попал после изгнания в 1767 году иезуитов из Испании и ее заморских колоний. Работы Клавихеро являются неотъемлемой частью интеллектуального наследия Мексики, а потому актуальность проблемы исследования обусловлена общественно-практическим значением его творчества, а научная значимость проблемы связана с необходимостью взвешенной оценки исторической концепции мексиканского мыслителя.

Объектом исследования является мексиканская традиция историописания колониального периода.

Предмет исследования: исторические взгляды Франсиско Хавьера Клавихеро в рамках историографии колониального периода. Учитывая, что научные интересы Клавихеро не ограничивались лишь историей, а включали разнообразные, связанные между собой направления, такие как философия, география, экономика или лингвистика, особое место в работе занимают общественно-политические идеи мексиканского мыслителя, в которых актуализировалась его историческая концепция.

Теоретико-методологическая основа исследования содержит комплекс общенаучных и специальных исторических принципов, подходов и методов и базируется на общепризнанных критериях исторических научных практик.

Современные авторы все чаще обращаются к истории исторической науки не только как к череде сменяющих друг друга историографических школ и направлений, но и как к процессу, обусловленному связями историографии с исторической культурой и ее конкретным проявлением - историческим

сознанием¹. Исходя из этого, полноценное исследование развития исторического знания возможно только при включении, наряду с характеристикой уровня исторических знаний и применяемых методов, характеристики состояния всей системы наук и господствующего стиля культуры². Такой подход позволяет рассматривать историю исторического знания в тесной взаимосвязи с социальной историей.

Диссертация написана в рамках актуального направления в исторической науке – интеллектуальной истории, рассматривающей творчество интеллектуалов с опорой на их биографии, а также с учетом влияния их окружения и социокультурного контекста эпохи. Поскольку сегодня изучение интеллектуальных традиций уже выходит за рамки истории самих идей, теорий и концепций, исследователи все чаще обращаются к анализу конкретных средств и способов их формулирования, к судьбам их творцов и к более широким социокультурным контекстам³. В рамках этого направления диссертационное исследование ориентировано на концептуальную реконструкцию интеллектуального наследия колониального периода.

Анализ биографии и творческой деятельности Клавихеро в рамках ее развития в контексте событий поздней колониальной эпохи проведен с соблюдением принципа историзма, учитывающего, что историческое знание обусловлено той действительностью, в которой живут и работают историки⁴.

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление истории. М., 1987. С. 6

² Бобкова М.С. "Historia pragmata". Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010. С.9

³ Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. № 36. М., 2011. С. 6.

⁴Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. С. 7.

Указанные исторические принципы и подходы реализованы через комплексное применение: биографического метода, позволившего проанализировать формирование и эволюцию взглядов Клавихеро в контексте становления его личности и мировоззрения; историко-генетического метода, который, в совокупности с конкретно-историческим методом, помог исследовать интеллектуальную деятельность Клавихеро в ее развитии с учетом влияния его ближайшего окружения и глобальных событий эпохи; историко-сравнительного метода, позволившего дать всестороннюю оценку результатам деятельности мексиканского мыслителя и определить его место в мексиканской историографии второй половины XVIII века.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XVIII века. Нижняя хронологическая граница определяется началом творческой деятельности Клавихеро. Отправной точкой можно считать 1760 год, когда Клавихеро опубликовал первую работу под своим именем – «Поучительные воспоминания». Верхняя хронологическая граница определяется периодом конца 1780-х – первой половины 1790-х годов. Это время появления первых посмертных публикаций Клавихеро. При этом в диссертации рассматриваются работы предшественников Клавихеро XVII – первой половины XVIII века, а также работы его современников и последователей до первой трети XIX века, что необходимо для выявления исторического контекста и составления полной картины становления научных взглядов мексиканского мыслителя, их развития в рамках основных течений общественной мысли поздней колониальной эпохи.

Следует подчеркнуть, что в данном диссертационном исследовании исторические взгляды Клавихеро рассматриваются в рамках конкретного периода мексиканской историографии – второй половины XVIII века. Это этап зарождения и становления мексиканской историографии, истоков ее национального периода,

последовавшего за Войной за независимость. Вместе с тем, он самодостаточен и во многом обособлен от более поздних периодов развития мексиканского исторического знания. Мексиканские мыслители второй половины XVIII века задавались вопросами, обусловленными спецификой эпохи Просвещения, особенностями колониального менталитета и теми проблемами, которые стояли перед обществом и государством в период кризиса колониального сознания и зарождения сознания национального. При этом исторические и философские проблемы, поднятые Клавихеро два с половиной столетия назад, вызывают полемику среди мексиканских историков до сих пор.

Степень научной изученности проблемы. Зарубежную историографию, связанную с поставленной в диссертации проблемой, можно условно разделить на три группы: работы по мексиканской историографии колониального периода, специальные исследования жизни и творчества Клавихеро, а также работы общего характера, посвященные исторической и общественно-политической мысли Новой Испании в эпоху Просвещения. Критический анализ указанных групп работ осуществлен на основе хронологического принципа.

Среди работ первой группы следует выделить труд Энрике Флорескано «История историй мексиканской нации». В нем исследователь отметил, что мексиканская историография XVI-XVII веков состояла из работ, написанных в интересах разных социальных групп⁵. Однако к концу XVII века, как указал Флорескано, в Новой Испании на передний план в сфере историописания вышли креолы, желавшие укрепить свои позиции в колониальном обществе.

Хорхе Канисарес Эсгерра, автор работы под названием «Как писать историю Нового Света», назвал временной отрезок 1750-1780 годов периодом

⁵См.: *Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 269.*

создания в Новой Испании «патриотической эпистемологии» - особого дискурса «старого порядка», воспроизводившего и усиливавшего устоявшуюся социально-расовую организацию общества и корпоративные привилегии⁶. Основными его носителями стали креолы-выходцы из церковной среды, к которым Эсгерра отнес и Клавихеро. Представители этого течения выступили с критикой европейских авторов, создававших негативный образ американского континента и ее жителей. Эсгерра пришел к выводу, что борьба латиноамериканских интеллектуалов со стереотипами о Латинской Америке, начавшаяся еще в колониальный период, пережила XIX век и продолжает проявляться в работах современных историков. В частности, Эсгерра указал на недостатки знаменитой работы «Полемика о Новом Свете» (1955), написанной Антонелло Джерби⁷. По мнению Эсгерры, Джерби, не разделяя негативных оценок европейских авторов XVIII века в отношении американского континента и ее жителей, произвольно воспроизвел их в своем труде⁸.

Особого внимания заслуживает многотомный труд «Мексиканская историография», издаваемый коллективом авторов Национального автономного университета Мехико. Его второй том под названием «Создание собственного образа», вышедший в 2012 году, посвящен колониальному периоду в мексиканской традиции историописания. Во введении исследовательница Роса Камело сделала краткий обзор развития исторического знания в Новой Испании, разобрав различные жанры и направления, и, вслед за Флорескано, отметив, что основной характеристикой колониального периода в мексиканской историографии стали попытки поиска собственной идентичности через историю

⁶ *Cañizares Esguerra J.* Cómo escribir la historia del Nuevo Mundo: historiografías, epistemologías e identidades en el mundo del Atlántico del siglo XVIII. México, 2007. P.361.

⁷ *Gerbi A.* La disputa del Nuevo Mundo. Historia de una polémica 1750-1900. (1a ed. En italiano 1955). México, 1993. 681 p.

⁸ *Cañizares Esguerra J.* Op. cit. P. 566

среди представителей различных социальных групп⁹. Роберто Морено де Лос Аркос, автор раздела о мексиканской историографии эпохи Просвещения, заключил ее в хронологические рамки с 1768 до 1821 год, прибавив к этому отрезку два периода: предшественников (вторая треть XVIII века) и последователей (с 1821 года вплоть до середины XIX века)¹⁰. По мнению исследователя, в историографии именно этого периода скрываются корни поиска национальной идентичности.

Во вторую группу вошли специальные исследования жизни и творчества мексиканского мыслителя. Первые исторические работы о Клавихеро появились еще в 1930-х годах. Рубен Гарсиа в 1931 году создал короткую и противоречивую биографию мексиканского мыслителя. Ему импонировали идеи Клавихеро, которого он назвал «самым выдающимся мексиканским историком колониальных веков»¹¹, но при этом он критиковал деятельность Ордена иезуитов в Новом Свете. В отличие от него Луис Гонсалес Обрегон признавал вклад иезуитов в культуру Новой Испании, а один из разделов своей работы о мексиканских хронистах и историках он посвятил Клавихеро, высоко оценив и его творчество. Обрегон отметил: «Труда, который бы с блестящим методом, приемлемой критикой и прекрасной эрудицией, избавленный от раздражающих текстов и обладающий элегантным стилем, создавал бы картину индейской цивилизации, у нас не было до появления «Древней истории Мексики»¹². При этом Обрегон не отрицал, что в работе Клавихеро имелись недостатки: «возможно, из-за чистого и бесхитростного патриотизма, усиленного ссылкой и ностальгией», Клавихеро, по мнению историка, преувеличил некоторые вещи или описал то, чего не

⁹ *Camelo R.* La historiografía colonial en Nueva España // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 29.

¹⁰ *Moreno de los Arcos R.* Los historiadores ilustrados novohispanos // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 525-529.

¹¹ *García R.* “Bio-bibliografía” del historiador Francisco Javier Clavijero. México, 1931. P. 22.

¹² *González Obregón L.* Cronistas e historiadores. México, 1936. P. 83.

существовало¹³. Несмотря на эти оценки раздел книги Обрегона, посвященный мексиканскому мыслителю, носит преимущественно ознакомительный характер.

В 1944 году мексиканский историк Мариано Куэвас в сборнике «Документальные сокровища Мексики»¹⁴ издал не публиковавшиеся ранее заметки Клавихеро, написанные им в первые годы пребывания в Италии. А в следующем году Куэвас переиздал и «Древнюю историю Мексики». В прологе он отметил новаторство Клавихеро в области философии, которое, по его мнению, заключалось в особенностях метода преподавания и стремлении «избавиться от банальностей и детских вопросов, которые вводились на протяжении веков, ... не выходя при этом из аристотелевской философии»¹⁵. Большим достижением Клавихеро в области истории Куэвас, вслед за Гонсалесом Обрегоном, считал создание наиболее объемной картины мексиканского прошлого. Куэвас, сам будучи иезуитом, занял отчетливую проиезуитскую позицию в оценке изгнания Общества Иисуса из Новой Испании. Он в резкой форме написал об этом событии, имевшем ощутимые последствия для страны. По его мнению, изгнание стало причиной потери 90 % мексиканского образования¹⁶.

Подъем научного интереса к фигуре Клавихеро в мексиканской историографии пришелся на вторую треть XX века. После революции 1910-1917 годов возникло стремление переосмыслить историю Мексики, в результате чего исследователи обратились к теме формирования национального самосознания. Многие мексиканские и латиноамериканские авторы того периода увидели в Клавихеро основоположника мексиканского национализма. По мнению Габриэля Мендес Планкарте, Клавихеро был ярким представителем креольской культуры и

¹³ Ibid. P. 84.

¹⁴ См.: *Cuevas M.* Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. 405 p.

¹⁵ *Cuevas M.* Prólogo // *Clavijero F.J.* Historia antigua de México (1a. ed. 1945). México, 1974. P. X.

¹⁶ См.: *Cuevas M.* Historia de la nación mexicana. T. 1. México, 1952. P. 543.

гуманизма, а также одним из основоположников идеи независимости Мексики¹⁷. Мексиканский историк Виктор Рико Гонсалес¹⁸ и его кубинский коллега Хулио Ле Риверенд Брусоне¹⁹ высоко оценивали Клавихеро как историка, но оба отмечали, что его работа во многом была основана на труде Торквемады «Индийская монархия». Ле Риверенд Брусоне считал, что Клавихеро подготовил почву для деятельности сторонников мексиканского национализма в начале XIX века. Спустя десять с лишним лет Глория Грахалес, также обратившаяся к вопросу о становлении мексиканской нации, охарактеризовала Клавихеро, как новатора, создавшего совершенное иное представление о доколумбовом прошлом Мексики²⁰.

В 1946 году в журнале *Cuadernos Americanos* вышла статья Хосе Миранды, посвященная роли Клавихеро в мексиканском Просвещении. В отличие от Куэваса, Миранда считал, что Клавихеро, наряду со своим соотечественником-просветителем Хуаном Диасом де Гамаррой (1745-1783), был «чемпионом новаторского мышления»²¹. При этом, по его мнению, Клавихеро не просто теоретизировал, но и активно внедрял новые философские идеи, и даже «едва не превратился в главу группы адептов Просвещения»²². Миранда изобразил историка-иезуита революционером, который «никогда не отказывается от своей цели в борьбе за новизну, и постоянно держит в страхе воинственных миссионеров; не отвергает идеи преподавать согласно новым тенденциям и находится в постоянном конфликте с властями»²³. Миранда выбирал наиболее

¹⁷*Mendez Plancarte G.* Humanistas del siglo XVIII. México, 1941. 199 p.

¹⁸*Rico Gonzalez V.* Historiadores mexicanos del siglo XVIII: estudios historiográficos sobre Clavijero, Veytia, Cavo y Alegre. México, 1949. 218 p.

¹⁹*Le Riverend Brusone J.* La historia antigua de México del Padre Francisco Javier Clavijero // Estudios de historiografía de la Nueva España. México, 1945. Pp. 295-323.

²⁰*Grajales G.* Nacionalismo incipiente en los historiadores coloniales. Estudio historiográfico. México, 1961. 135 p.

²¹*Miranda J.* Clavijero en la Ilustración mexicana // Cuadernos americanos. Vol. XXVIII. México, 1946. P. 180.

²² Ibid. P. 189.

²³ Ibid. P. 187.

яркие цитаты из работы Хуана Луиса Манейро, биографа и друга Франсиско, и искал подтверждение своим словам в переписке Клавихеро с его коллегами, опубликованной итальянским автором Ромеро Флоресом.

К середине XX века в мексиканской историографии окончательно закрепился образ Клавихеро как выдающегося национального историка: «Его [работа] ..., без сомнения, является самой популярной и ценной из всех трудов этого жанра, и едва ли есть хоть один историк, занимающийся древней историей империи Монтесумы, который бы не цитировал работу падре Клавихеро»²⁴. В своей статье под названием «Мексиканский гуманизм Клавихеро и Алегре» Эусебио Кастро, вслед за Мирандой, трактует образ Клавихеро как «великого страдальца мексиканского Просвещения». Кастро, как последователь Хосе Васконселоса, поддерживал идею особого предназначения мексиканской нации. Он рассматривал деятелей мексиканского Просвещения как основоположников национальной идентичности, а мексиканского мыслителя описывал следующим образом: «Темперамент Клавихеро горячий и мятежный. Внутри Ордена он переживает глубокие психологические кризисы и нерешительность в своем призвании. Ведет закрытую жизнь, демонстрируя недовольство методами и образованием своего времени и места»²⁵. Клавихеро для Эусебио Кастро – это человек, опередивший свое время, страдавший от окружающих его условий и несправедливости в отношении иезуитов, а потому одной из причин написания «Древней истории Мексики», по мнению Кастро, для Клавихеро стала обида на «деспота, который их изгнал»²⁶. В целом автор оценивал Клавихеро как интеллектуального идеологического лидера группы иезуитов-новаторов. Этот образ Клавихеро – новатора, борца с испанским деспотизмом и великого

²⁴ México a través de los siglos. Historia general y completa del desenvolvimiento social, político, religioso, militar, artístico, científico y literario de México desde la antigüedad más remota hasta la época actual. T. II. El virreinato / Vicente Riva Palacio. México, 1953. P. 895.

²⁵ Castro E. El humanismo mexicano de Clavijero y Alegre // Ensayos histórico-filosóficos. México, 1962. P. 151.

²⁶ Ibid. P. 152.

гуманиста своего времени – стал кульминационной точкой в работах патриотично настроенных мексиканских историков первой и второй трети XX века.

В 1970-е годы было положено начало новому этапу в изучении жизни и творчества мексиканского мыслителя. Одним из первых среди мексиканских авторов по-новому взглянул на Клавихеро Хесус Гомес Фрегосо. Он отметил, что национализм Клавихеро, по большей части, был логичной защитой его самого: защитой «всего креольского»²⁷. В противовес устоявшемуся мнению Гомес Фрегосо подставил под сомнение индихенизм мексиканского мыслителя и его коллег-иезуитов. Их видение индейца, по мнению автора, было романтизированным. Они не предлагали решения конкретных проблем коренного населения. По мнению Гомеса Фрегосо, чтобы оценить Клавихеро, необходимо понять двойственность его вселенной, в которой были четко обозначены две категории: мексиканское и религиозное²⁸.

Именно в период 1970-х годов научный интерес к фигуре Клавихеро вышел за пределы латиноамериканских стран: появились посвященные ему работы европейских и американских авторов. Британский исследователь Дэвид Брэдинг видел большую заслугу Клавихеро в том, что тот «освободил индейское прошлое от влияния Торквемады»²⁹. По мнению Брэдинга, «Древняя история Мексики», с гордостью возродив индейское прошлое, превратилась в символ креольского патриотизма и в исторический аргумент, чтобы потребовать независимости нации, а Клавихеро взял на себя роль «адвоката индейцев»³⁰. Однако, обратившись к поиску национального, патриотического подтекста в

²⁷*Gómez Fregoso J.* Clavijero, aportaciones para su estudio y ensayo de interpretación. Guadalajara, 1979. P. 99.

²⁸ Ibid. P. 112.

²⁹*Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 51.

³⁰ Ibid. P. 58.

исторической концепции Клавихеро, Брэдинг оставил без внимания другие ее стороны.

Практически в то же время вышла монография американского историка Чарльза Ронана. Он написал одну из самых масштабных и серьезных научных работ, посвященных Клавихеро. Как и Гомес Фрегосо, Ронан попытался избавить фигуру мексиканского мыслителя от окружавших ее мифов, выступив с критикой идей предшественников, считавших Клавихеро идеологом независимости и новатором в плане исторического подхода. Кроме того, по мнению Ронана, хотя Клавихеро «оставил у своих читателей впечатление, что он ознакомился с огромным количеством оригинальных источников», «Древняя история Мексики» по своему характеру являлась вторичной работой³¹. Гораздо более высокую оценку Ронан дал другой работе Клавихеро, «Истории древней или нижней Калифорнии», считая ее по-настоящему полным и серьезным исследованием деятельности Ордена иезуитов на калифорнийском полуострове. Работа Ронана дала еще один импульс полемике о творчестве Клавихеро. Однако его труд во многих местах носит описательный характер, а патерналистский взгляд американца в отношении мексиканского интеллектуального наследия вызывает ряд вопросов.

Отдельно следует выделить статью мексиканского историка Хуана А. Ортеги-и-Медины «Клавихеро перед лицом мексиканского исторического знания». Автор не просто обратился к исторической проблематике, поднятой в «Древней истории Мексики», но и рассмотрел ряд работ о Клавихеро, частично отразив эволюцию оценок творчества мыслителя в мексиканской историографии³².

³¹Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731-1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. (1a.ed. 1977). Guadalajara, 1993. P. 15.

³²Ortega y Medina J.A. Clavijero ante la conciencia historiográfica mexicana // Estudios de historia novohispana. Vol.10. México, 1991. Pp. 291-307.

Среди прочих авторов следует отметить мексиканских исследователей Мигеля Леона-Портилью и Энрике Флорескано. Следуя в целом устоявшимся оценкам творчества Клавихеро, Мигель Леон-Портилья отметил, что новизна исторической концепции Клавихеро, заключающаяся, прежде всего, в критическом анализе источников, была обусловлена тем, что его философские взгляды, на которые оказала большое влияние философия Нового времени, оставили отпечаток и на его исторических трудах³³. Вслед за Леоном-Портильей, Энрике Флорескано отводит Клавихеро место новатора в мексиканской историографии. Он полагает, что Клавихеро первым среди других мексиканских авторов отошел от идеи божественного провидения в истории, уделив внимание критическому анализу событий. Помимо этого, Клавихеро, по его мнению, - «первый американский автор, который признал важность вклада индейского населения в создание колониального общества»³⁴. В отличие от Чарльза Ронана, поставившего под сомнение доступ Клавихеро к оригинальным источникам, Флорескано отмечает: «Сочетая мастерское обращение с обоснованными аргументами, глубокие знания древних хроник и самую актуальную информацию о вкладах научного знания, Клавихеро доказал, как заблуждались просвещенные европейцы»³⁵. Таким образом, Флорескано отметил заслугу мексиканского мыслителя в борьбе с предубеждением европейцев в отношении американского континента и его жителей.

Интеллектуальный портрет Клавихеро в работах зарубежных историков менялся на протяжении десятилетий. Тем не менее, до настоящего времени не стихает полемика по вопросу значения творчества Клавихеро для мексиканской исторической науки. Примером этого может стать вышедший в 2015 году сборник

³³*León-Portilla M.* Humanistas de Mesoamérica. T. II. México, 1997. 68 p.; *Idem.* Francisco Xavier Clavijero // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. Pp. 605-642.

³⁴*Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 278.

³⁵ *Ibid.* P. 279.

статей, посвященных различным аспектам интеллектуальной деятельности Клавихеро³⁶. Среди авторов были упомянутые ранее исследователи: Дэвид Брэдинг, Мигель Леон-Портилья и Хесус Гомес Фрегосо, и ряд других. Все они так и не пришли к консенсусу в оценке творчества мексиканского мыслителя, т.е. дискуссия о роли и месте Клавихеро в мексиканской истории и исторической науке продолжается до сегодняшнего дня.

К третьей группе относятся работы общего характера, посвященные развитию общественной мысли и традиции историописания в Новой Испании во второй половине XVIII века, а также распространению идей Просвещения в вице-королевстве в указанный период. Маурисио Бешо и Роберто Морено рассматривают развитие философии и науки в Новой Испании в XVIII веке как, с одной стороны, процесс адаптации мексиканскими мыслителями идей европейских просветителей, а с другой, - как процесс приобретения общественной мыслью вице-королевства собственных уникальных черт³⁷.

Мария Кристина Торалес Пачеко исследовала деятельность мексиканских иезуитов и их вклад в развитие общественной мысли Новой Испании³⁸. Пачеко подчеркнула, что иезуиты, находившиеся в изгнании, несмотря на запрет, продолжали поддерживать связь со своими родственниками и друзьями через межатлантическую торговую сеть, благодаря чему удалось избежать разрыва культурных связей иезуитов-изгнанников с Латинской Америкой. В статье мексиканской исследовательницы перечислены некоторые особенности

³⁶ Francisco Javier Clavigero, un humanista entre dos mundos: entorno, pensamiento y presencia / coord. A. Alfaro, I. Escamilla; A.C. Ibarra y A. Reynoso. México, 2015. 364 p.

³⁷ *Beuchot M.* Filosofía y ciencia en el México dieciochesco. México, 1996. 169 p.; *Beuchot M., Navarro B.* Dos homenajes: Alfonso de la Veracruz y Francisco Xavier Clavigero. México, 1992. 105 p.; *Moreno R.* La filosofía de la Ilustración en México y otros escritos. México, 2000. 311 p.

³⁸ *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // *Destiempos*, №14. México, 2008. Pp. 397-412.

деятельности иезуитов в культурном поле Новой Испании, однако сама она указывает, что намеченные проблемы требуют более детального исследования.

Одним из авторов, создавшим ряд наиболее значимых работ о патриотизме и национализме в истории Мексики, является уже упомянутый ранее британский историк Дэвид Брэдинг³⁹. Исследованием этой темы также занимались мексиканский историк Энрике Флорескано⁴⁰ и французский исследователь Жак Лафайе⁴¹. В их работах формирование креольского патриотизма рассматривается как длительный исторический процесс, обусловленный множеством политических и социокультурных факторов. В работе «Корни мексиканского национализма» Дэвид Брэдинг пришел к выводу, что Клавихеро писал свою историю не только для того, чтобы опровергнуть Поу, Райналя, Робертсона и других европейских авторов, но и для того, чтобы дать креольским патриотам историю, которая обеспечила бы им легитимность⁴². Энрике Флорескано назвал «Древнюю историю Мексики» «манифестом креольского сознания»⁴³. По мнению итальянского исследователя Стефано Тедески, Клавихеро посредством истории пересмотрел саму суть мексиканского общества, а также восстановил «потерянное достоинство» перед лицом европейцев⁴⁴. Все перечисленные авторы сходятся во мнении о том, что в работе Клавихеро отразились патриотические настроения креолов, которые впоследствии легли в основу мексиканского

³⁹*Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. 223 p.; *Idem.* Orbe indiano: de la monarquía católica a la República criolla, 1492 – 1867. México, 1991. 770 p.; *Idem.* Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VI. Birmingham, 1995. Pp. 1-18; *Idem.* Tridentine Catholicism and Enlightened Despotism in Bourbon Mexico // Journal of Latin American Studies, Vol. 15, No. 1. Cambridge, 1983. Pp. 1-22.

⁴⁰*Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. 530 p.; *Idem.* Memoria mexicana. México, 1994. 676 p.

⁴¹*Lafaye J.* Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness, 1531-1813. Chicago, 1976. 336 p.

⁴²См.: *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 58.

⁴³*Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 279.

⁴⁴*Tedeschi S.* La riscoperta dell'America: l'opera di Francisco Javier Clavigero e dei gesuiti messicani in Italia. Roma, 2006. Pp. 127-128.

национализма, однако такая позиция авторов вызывает ряд вопросов по поводу степени осознания мексиканским мыслителем его собственной идентичности.

В работах общего характера дается представление о картине развития научного знания и исторической науки в эпоху мексиканского Просвещения в целом, однако в них практически не уделяется внимания творчеству отдельных мыслителей, а о Клавихеро некоторые авторы не упоминают совсем.

Колониальный период истории Мексики и отдельные его проблемы остаются малоизученными в отечественной историографии. Отечественными историками был издан ряд работ общего характера по истории Латинской Америки⁴⁵. В том, что касается исследований истории Мексики, внимание ученых сосредоточено в большей степени на истории доколумбовых цивилизаций Мезоамерики и проблематике встречи Старого и Нового Света⁴⁶, истории Войны за независимость Мексики (с выявлением ее причин и предпосылок, к которым, в частности, относится общественно-политическая мысль в испанских колониях во второй половине XVIII века)⁴⁷, а также истории Мексиканской революции⁴⁸. В России пока не вышло ни одной работы, специально посвященной Франсиско

⁴⁵ Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. М., 1981. 299 с.; История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991. 520 с.; Ларин Е.А. Всеобщая история. Латиноамериканская цивилизация. М., 2007. 493 с.; Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005. 240 с.; Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987. 192 с.

⁴⁶ Еришова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М., 2007. 391 с.; Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики. Сб. статей. М., 1996. 306 с.; Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л., 1971. 364 с.; Гуляев В.И. Забытые города майя. М., 1984. 184 с.; Баглай В.Е. Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй (Доколониальный период). М., 1998. 432 с.; Александренков Э.Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV-XVI в. // Источники по этнической истории аборигенного населения Америки. М., 2012. С. 6-57; Александренков Э.Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе: конец XV - середина XVI века. Saarbrücken, 2017. 500 с.; Зубрицкий Ю.А. Встреча миров: открытие и сокрытие Америки. М., 1992. 75 с.; Кофман А.Ф. Кортес и его капитаны. М., 2007. 352 с.

⁴⁷ Война за независимость Латинской Америки. М., 2011. 422 с.; Альперович М.С. Рождение Мексиканского государства. М., 1979. 168 с.

⁴⁸ Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М., 1958. 330 с.; Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972. 290 с.; Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. В 3-х т. М., 2011.

Клавихеро. Некоторым исключением здесь является одностраничный ознакомительный раздел в «Истории Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков», изданной РАН⁴⁹. Да и в целом, колониальная история Латинской Америки, а вместе с ней латиноамериканская и, в частности, мексиканская, историография колониального периода остаются за пределами внимания отечественных исследователей.

Таким образом, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до настоящего времени не создано комплексного труда, посвященного исследованию взглядов Клавихеро в рамках развития мексиканской историографии. Отечественные историки еще не составили завершеного представления о творчестве этого мексиканского мыслителя, а их зарубежные коллеги в основном концентрируют внимание на отдельных гранях его биографии, упуская из виду целостную картину. Таким образом, творческий путь Клавихеро и его историческая концепция требуют объективного и всестороннего исследования для определения вклада этого мыслителя в мексиканскую историографию второй половины XVIII века.

Цель исследования: определение характера исторических взглядов Клавихеро в интеллектуальном контексте эпохи.

Актуальность и характер поставленной цели исследования позволяет сформулировать следующие **задачи**:

- выявить факторы социальной среды, повлиявшие на формирование исторических взглядов Клавихеро;
- определить основные этапы его творческой деятельности;

⁴⁹ История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. М., 2010. 810 с.

- охарактеризовать интеллектуальную традицию, на основе которой сформировалась историческая концепция Клавихеро;
- определить теоретико-методологические взгляды и основные элементы исторической концепции мексиканского мыслителя;
- охарактеризовать интеллектуальную деятельность Клавихеро в рамках магистральных течений общественной мысли эпохи;
- определить концептуальный подход Клавихеро к интерпретации национального прошлого.

Источниковая база исследования включает опубликованные и неопубликованные (архивные) исторические материалы. Их можно разделить на три крупные группы: источники личного происхождения, материалы официального характера и публицистика. Каждая из указанных групп включает несколько видов источников. Среди *источников личного происхождения*, использованных в диссертационном исследовании, можно выделить произведения художественного и научного творчества, эпистолярные источники и мемуары. *Материалы официального характера* представлены делопроизводством административных органов и документами судопроизводства, а *публицистика* – критическими статьями и заметками в периодической печати. Следует подчеркнуть, что подобная классификация условна, поскольку сочинения исследуемой эпохи обладают синтетической природой. В ряде случаев жанровое своеобразие литературного наследия XVIII века затрудняет определение вида источников.

Основным источником для данного диссертационного исследования являются собственные работы Франсиско Клавихеро, опубликованные как при жизни, так и после смерти автора, и по своей видовой принадлежности относящиеся к *произведениям научного творчества*. За свою жизнь, с 1731 по

1787 годы, Клавихеро написал не так много работ, однако их количество не умаляет значимости их содержания. К сожалению, некоторые работы из его раннего творчества, относящегося к периоду пребывания в Новой Испании, были утеряны. Главным его трудом является «Древняя история Мексики», посвященная доколумбовому прошлому региона. Работа включает 10 книг и 9 девять кратких заметок, которые автор озаглавил как «рассуждения» (*disertación*). Изначально работа была написана на испанском языке, а затем переведена самим Клавихеро на итальянский. Она была впервые опубликована на итальянском языке в 1780-1781 годах в Чезене в Италии⁵⁰. На испанском языке «Древняя история Мексики» увидела свет лишь в 1826 году благодаря испанскому просветителю Хосе Хоакину де Мора, сделавшему перевод итальянского варианта рукописи⁵¹. После смерти Клавихеро оригинальная рукопись на испанском находилась у Игнасио, брата Франсиско, и в 1814 году была перевезена в Мехико. Она долгое время хранилась в мексиканских архивах и впоследствии едва не была продана в США⁵². Ее смог выкупить мексиканский иезуит Карлос Мария де Эредиа. Оригинал был опубликован только в 1944 году издательством *Porrúa*. В данном диссертационном исследовании используется последнее, третье, переиздание этой книги⁵³.

Второй по значимости работой мексиканского мыслителя стала «История древней или нижней Калифорнии». Трудности, возникшие с публикацией «Древней истории Мексики» на испанском, побудили Клавихеро написать свой второй масштабный труд сразу на итальянском. Он также был впервые опубликован в Италии в 1789 году, уже после смерти автора⁵⁴. Испанский перевод

⁵⁰ *Clavigero F.S.* Storia antica del Messico, cavata da' migliori storici spagnuoli e da' manoscritti e dalle pitture antiche degl'Indiani. Cesena, 1780-1781. 4 vols.

⁵¹ *Clavigero F.J.* Historia antigua de México. Trad. del italiano por José Joaquín de Mora. Londres, 1826. 2 vols.

⁵² См.: Prólogo de Mariano Cuevas // Historia antigua de México. México, 1974. P. IX.

⁵³ *Idem.* Historia antigua de México. México, 1974. 621 p.

⁵⁴ *Clavigero F.S.* Storia della California. Opera póstuma. Venezia, 1789. 2 vols.

рукописи, владельцем которой стал известный мексиканский библиограф Хосе Мария Андраде, был сделан Николасом Гарсией де Сан Висенте и был издан в Мехико в 1852 году⁵⁵. В работе содержатся сведения о природе, флоре и фауне региона, о коренном населении и, прежде всего, о деятельности иезуитов-миссионеров в этой провинции.

Благодаря мексиканскому историку Мариано Куэвасу увидели свет несколько небольших работ Клавихеро, написанных мыслителем уже в период его пребывания в Италии, но до реформ колониальной торговли, проведенных Карлом III в конце 70-х годов XVIII века⁵⁶. Они посвящены описанию Мехико и окружающих провинций, а также некоторым аспектам экономики вице-королевства Новая Испания. Точная дата их создания неизвестна. Среди этих работ следует выделить две: «Товары, которыми торгует или может торговать Новая Испания» и «Полезные проекты для развития торговли Новой Испании». Они позволяют реконструировать экономические и, частично, социально-политические взгляды автора, которые до этого момента отечественная и зарубежная историографии обходили стороной.

В диссертации использованы *источники мемуарного характера*. К ним относятся «Поучительные воспоминания» - биография Мануэля Клавихеро, младшего брата Франсиско⁵⁷. Мануэль умер в 1760 году. Франсиско, который был близок с братом, написал его краткую биографию, часть которой посвятил

⁵⁵Clavijero F.J. Historia de la antigua o baja California. Trad. del italiano por Nicolás García de San Vicente. México, 1852. 123 p.

⁵⁶Idem. Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 363-387; Idem. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 391-398; Idem. Descripción de la ciudad de La Puebla de los Ángeles o Angelopolis // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 321-360; Idem. Descripción de la Ciudad de México, capital de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 311-320.

⁵⁷Clavijero F.J. Memorias edificantes (1761) // Francisco Javier Clavigero, un humanista entre dos mundos: entorno, pensamiento y presencia. México, 2015. Pp. 207-230.

воспоминаниям об их детстве и взаимоотношениям внутри семьи. Опубликованный в 1761 году вариант работы был утерян. Труд был переиздан на основе рукописи только в 2015 году. Он является важным источником для реконструкции жизненного пути мыслителя.

Остальные источники, как уже было сказано выше, делятся на две большие группы: неопубликованные (архивные) и опубликованные материалы. Часть информации была получена из документов фондов испанского Архива Индий, Национального Исторического Архива Испании, а также Архива Нации в Мексике. Основной их массив относится к *делопроизводственным источникам*. Отношение властей к идеям Клавихеро выявляется через изучение цензурных практик Совета по делам Индий – института, в ведении которого находился контроль над колониальной печатью. Нами была обнаружена архивная государственная документация, связанная с выдачей лицензий на публикацию текстов колониальных авторов как на территории Индий, так и в метрополии. В случае Клавихеро речь идет о ходатайстве издателя и о рецензиях цензоров и экспертов, среди которых были видные испанские историки XVIII века, такие как Хуан Баутиста Муньос и Франсиско Серда-и-Рико, а в качестве главного критика выступил изгнанный испанский иезуит Рамон Дьосдадо Кабайеро. Указанные документы разрознены и находятся в разных архивных собраниях. В Национальном историческом архиве Испании хранится письмо издателя Антонио Санча, направленное в 1774 году в Совет по делам Индий с ходатайством о разрешении на печать «Древней истории Мексики»⁵⁸, лицензия на публикацию книги, датированная 1784 годом⁵⁹, а также официальные письма и личные заметки

⁵⁸ Carta del impresor Antonio de Sancha a Francisco Cerdá Rico, primer oficial de la Secretaría de Indias, pidiéndole su parecer sobre la 'Historia de Méjico' de Clavijero. Archivo Histórico Nacional (AHN). Diversas colecciones, 28. N. 48.

⁵⁹ Licencia de impresión de la traducción del italiano al castellano de la obra "Historia antigua de México..." de Francisco Javier Clavijero, solicitada por el impresor Antonio Sancha. AHN. 5548. Exp.10.

Рамона Дьосдадо Кабайеро⁶⁰. В Архиве Индий находится дело, заведенное в 1784 году Советом по делам Индий для рассмотрения возможной публикации «Древней истории Мексики» в Испании⁶¹. Эти документы представляют особую важность для выявления отношения властей к идеям Клавихеро, реконструкции оценок его современников-интеллектуалов, а также для объяснения судьбы его трудов.

К документам, помогающим реконструировать жизненный путь Клавихеро, определить его социальный статус и общественное положение его семьи, относятся еще два *делопроизводственных источника*. Они представлены официальными документами колониальной администрации: документ из Архива Индий о найме в 1730 году Бласа Клавихеро, отца Франсиско, на должность старшего алькальда в регионе Ла-Миштека вице-королевства Новая Испания⁶², а также хранящееся в Генеральном Архиве Нации в Мексике свидетельство о назначении в 1792 году капелланом Игнасио Клавихеро, одного из младших братьев Франсиско⁶³.

К *эпистолярным источникам* относится письмо Клавихеро ректору Университета Мехико, написанное в Болонье и датированное 29 февраля 1784 года⁶⁴. Оно хранится в Генеральном Архиве Нации в Мексике. В письме Клавихеро раскрывает некоторые причины написания «Древней истории

⁶⁰ Sobre elaboración de la obra "Observaciones americanas...". AHN. Diversas colecciones, 29. N.21; Memoria de trabajos hcos. y literarios de Ramón Caballero. AHN. Diversas colecciones, 30. N. 8.

⁶¹ Historia de México de Javier Clavigero. Archivo General de Indias (AGI). Patronato, 296 A. R. 1.

⁶² Contratación de Blas Clavijero. AGI. Contratación, 5478. N. 1. R. 6.

⁶³ Informe al señor juez de Capellanías del Obispado de Puebla, sobre el nombramiento de patrono y capellán que dió Vuesta Merced, en el ex-jesuita don Iganacio Eduardo Clavigero, de la capellanía de misas que fundó don Manuel Clavigero, su hermano. México. 1792. Archivo General de la Nación (AGN). Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 5000-5999. Caja 5322. Exp. 119.

⁶⁴ Francisco Xavier Clavigero, al Señor Rector y Claustro de la Real y Pontificia Universidad de México, carta en que da razón del envío de 50 ejemplares de la obra Historia Antigua de México, destinados al propio rector, a la librería pública y a los catedráticos de dicha institución. Bolonia, 29 de febrero de 1784. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 4000-4999. Caja 4429. Exp. 039.

Мексики», а также сообщает о направлении 50 экземпляров итальянского варианта работы в Новую Испанию.

Об интересе к работе Клавихеро среди мексиканских интеллектуалов свидетельствует рукописный перевод с итальянского языка одной из глав «Древней истории Мексики», сделанный неизвестным мексиканским автором и хранящийся в Генеральном Архиве Нации⁶⁵. На документе нет точной даты, однако он хранится в фонде колониальных учреждений.

К группе *опубликованных источников* относятся работы предшественников и современников Клавихеро. Это источники личного происхождения, представленные произведениям научного творчества. Среди предшественников мексиканского мыслителя, оказавших серьезное влияние на его исторические взгляды, особое место занимают историки XVII-XVIII веков Хуан де Торквемада⁶⁶, Карлос Сигуэнса-и-Гонгора⁶⁷, Августин Бетанкур⁶⁸ и Лоренцо Ботурини⁶⁹. Научно-познавательная ценность их работ заключается в том, что они раскрывают философские и методологические основы формирования исторических взглядов Клавихеро. Современниками Клавихеро, создавшими работы по истории и философии, являлись такие мексиканские авторы как Франсиско Хавьер Алегре⁷⁰, Мариано Эчиверриа и Вейтия⁷¹, Хосе Антонио

⁶⁵ Traducción literal hecha a la obra Historia de México de Francisco Xavier Clavijero, del tomo 2 páginas 45 a 48, sobre el sacrificio común de las víctimas humanas. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 2000-2999. Caja 2301. Exp. 014.

⁶⁶*Torquemada J. de.* Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblaciones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la misma tierra (1615). México, 1975. 8 vols.

⁶⁷*Sigüenza y Góngora C. de.* Glorias de Querétaro en la nueva congregación eclesiástica de María Santísima de Guadalupe, con que se ilustra y en el sumptuoso templo que dedicó a su obsequio D. Juan Cavallero Yocio. México, 1680. 80 p.

⁶⁸*Vetancurt A. de.* Teatro mexicano: descripción breve de los sucesos exemplares, históricos, políticos, militares, y religiosos del nuevo mundo Occidental de las Indias. México, 1698. 2 vols.

⁶⁹*Boturini Benadici L.* Creencias de los pueblos nahuas durante la primera de las tres edades // León-Portilla M. De Teotihuacan a los aztecas. México, 1972. Pp. 521 – 525; *Idem.* Idea de una nueva historia general de la América Septentrional. Madrid, 1746. 96 p.

⁷⁰*Alegre F.J.* Historia de la Compañía de Jesús en Nueva España. México, 1841-1842. 3 vols.

Альсате⁷² и Антонио де Леон и Гама⁷³. Их труды посвящены философским и историческим проблемам, актуальным для мексиканских мыслителей эпохи Просвещения. Эти источники позволяют составить представление о развитии общественной мысли в Новой Испании во второй половине XVIII века.

«Древняя история Мексики» стала откликом Клавихеро на носящие полемический характер работы европейских мыслителей-натуралистов. Среди них следует выделить англичанина Робертсона⁷⁴, француза Рейналя⁷⁵ и голландца Корнелия де Поу⁷⁶. Они описывали Америку и ее жителей в негативном свете. Их работы, особенно де Поу, явились для Клавихеро важным стимулом для написания «Древней истории Мексики», которая стала ответом на очернение европейцами американского климата, флоры, фауны, а также умственных и физических способностей как коренного населения, так и потомков переселенцев.

К *мемуарам* относятся работы Хуана Луиса Манейро и Феликса де Себастьяна. Наиболее полным документом, дающим представление о жизни мексиканского мыслителя, является биография Клавихеро, составленная уже после смерти Франсиско его другом и коллегой-иезуитом Хуаном Луисом Манейро⁷⁷. Работа была написана на латыни и опубликована в Болонье в 1791 году. Вторая биография Клавихеро, автором которой являлся еще один изгнанный иезуит Феликс де Себастьян, была написана практически сразу после смерти

⁷¹Veytia M. Historia antigua de México. T. I. México, 1836. 289 p.

⁷²Alzate J.A. Descripción de las antigüedades de Xochicalco (1791) // Gacetas de literatura de México. T. II. Suplemento a la Gaceta de literatura. – Puebla: Reimpresas en la oficina del hospital de S. Pedro, 1831. Pp. 1-24.

⁷³León y Gama A. de. Descripción histórica y cronológica de las dos piedras, que con ocasión del nuevo Empedrado que se está formando en la Plaza Principal de México, se hallaron en ella el año de 1790. México: imprenta de A. Valdés, 1832. 148 p.

⁷⁴Robertson W. The History of America. London, 1777. 3 vols.

⁷⁵Raynal G-T. F. Histoire philosophique et politique des établissements & du commerce des européens dans les deux Indes. T. II. Geneve, 1780. 629 p.

⁷⁶Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. 550 p.

⁷⁷Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México, 1956. 292 p.

мексиканского мыслителя⁷⁸. Она долгое время оставалась неопубликованной и увидела свет в 1987 году. Следует отметить, что указанные мемуары носят апологетический характер; в них Клавихеро описан как выдающийся ученый и добродетельный изгнанник. Обе биографии соответствовали духу времени и представляли собой, скорее, литературные произведения. Они изобилуют восторженными отзывами о личности историка, а о его недостатках авторы попросту умалчивают. Во многих местах события сильно приукрашены. Несмотря на это, работа Манейро, благодаря своей подробности изложения деталей биографии мексиканского мыслителя, стала одним из наиболее важных источников информации для историков, изучавших жизнь и творчество Клавихеро. Работы также свидетельствуют о репутации и авторитете Клавихеро как мыслителя среди своих современников и единомышленников.

К *эпистолярным источникам* относится переписка Клавихеро с его современниками, опубликованная Хесусом Ромеро Флоресом⁷⁹. Она охватывает период с 1748 по 1767 годы. Среди этих источников имеются письма представителей высшего духовенства Новой Испании, раскрывающие специфику взаимоотношений внутри Ордена иезуитов в вице-королевстве и необходимые для воссоздания интеллектуальной среды, в которой сформировались взгляды Клавихеро и развивалась его деятельность до изгнания. Особый интерес представляют письма Франсиско Хавьера Алегре, мексиканского иезуита, просветителя, который давал Клавихеро советы по составлению курса философии для преподавания в иезуитских коллегиях Новой Испании. Указанные эпистолярные источники позволяют выявить социокультурный климат, в котором развивались научные, философские и религиозные взгляды Клавихеро, а также

⁷⁸*Sebastian F. de, S. J. Vida de Francisco Xavier Clavigero, Estudio de Elías Trabulse. México, 1987. 53 p.*

⁷⁹*Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero // Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. Pp. 307-335.*

проследить процесс обмена идеями в среде мексиканских интеллектуалов второй половины XVIII века.

Ценные для исследования сведения были получены из *делопроизводственных источников*, представленных официальными завещаниями и описью имущества семьи Клавихеро, зарегистрированными колониальной администрацией и хранившимися в архиве города Пуэбла. Они были опубликованы Энрике Кастро Моралесом⁸⁰. Эти документы раскрывают подробности жизни семьи Клавихеро и некоторые детали его биографии.

К *публицистике* относятся заметки Хосе Антонио Альсате, которые он опубликовал в 1792 году на страницах издаваемого им самим «Литературного журнала»⁸¹. В этих заметках Альсате неоднократно упоминал о «Древней истории Мексики». Данный источник подтверждает сведения о знакомстве некоторых мексиканских интеллектуалов с работой Клавихеро еще до ее публикации на испанском языке. Другая заметка публицистического характера, связанная с изданием в 1787 году английского перевода «Древней истории Мексики», была опубликована 13 октября 1788 года в испанской газете под названием «Дух лучших литературных дневников, которые публикуются в Европе»⁸². Заметка представляла собой перевод критического очерка безымянного английского автора и отражала реакцию некоторых европейских критиков на труд Клавихеро, изданный к тому моменту уже в нескольких странах.

Историк Ринальдо Фрольди опубликовал речь, произнесенную Клавихеро в 1773 году в Болонье перед изгнанными иезуитами накануне упразднения

⁸⁰Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla, 1970. 73 p.

⁸¹ Gaceta de literatura. 2 de octubre de 1792 // Gacetas de literatura de México. T. II. Puebla: Reimpresas en la oficina del hospital de S. Pedro, 1831. Pp. 449-459.

⁸² Espíritu de los mejores diarios literarios que se publican en Europa. 13 de octubre de 1788. Num. 150. Madrid, 1788. 24 p.

Ордена⁸³. Она представляет собой открытое письмо, в котором мексиканский мыслитель призывал своих коллег сохранять надежду и веру перед лицом грядущих перемен. Вторым документом, опубликованным Фрольди, стало найденное им в итальянских архивах письмо Клавихеро, посвященное реакции мексиканского мыслителя на упразднение Ордена иезуитов⁸⁴. Предполагаемая дата его написания – 1776 год. Оно предназначалось анонимному адресату, но не было отправлено. Оба письма следует отнести скорее к публицистическим источникам, поскольку они раскрывают деятельность Клавихеро как публициста, отстаивающего интересы Общества Иисуса во время изгнания.

В целом информация, полученная из указанных исторических источников, представляет собой репрезентативную базу, достаточную для реализации цели исследования. Данная источниковая база позволила комплексно и всесторонне исследовать проблему в рамках поставленных задач, а также обеспечила достоверность исследования.

Научная новизна исследования определяется рядом факторов:

1) постановкой проблемы: в диссертации впервые в отечественной историографии определяются особенности творческой деятельности Франсиско Хавьера Клавихеро, характер его исторических взглядов и его вклад в развитие мексиканской исторической науки.

2) введением в научный оборот ряда архивных источников, которые ранее не использовались в исследованиях.

⁸³Sermón de Francisco Javier Clavijero dirigido a sus hermanos exiliados en Bolonia en vísperas de la supresión de la compañía de Jesús / Estudio de *Froldi R.* // Bulletin Hispanique, tome 104, № 1. Bordeaux, 2002. Pp. 181-194.

⁸⁴ Una carta inédita de Francisco Javier Clavijero, en torno a la supresión de la Compañía de Jesús / Estudio de *Froldi R.* // Revista de literatura, LXIII, №126. Madrid, 2001. Pp. 517-533.

3) рассмотрением творческой деятельности Клавихеро как части процесса конструирования образа национального прошлого в мексиканской традиции историописания.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Научные взгляды Клавихеро представляют собой синтез нескольких интеллектуальных течений – испанского гуманизма, философского скептицизма, критицизма и рационализма, католических обновленческих течений, а также миссионерских традиций.

2) Историческая концепция Клавихеро носила полемический характер, обусловленный спецификой социально-политической обстановки в Новой Испании, сложившейся ко второй половине XVIII века.

3) Восприятие мексиканским мыслителем автохтонной культуры было связано с гуманистической традицией, направленной на нивелирование проявлений социальной (в случае Новой Испании - расовой) несправедливости, а также с миссионерскими практиками иезуитов, обусловившими интерес к разнообразию проявлений человеческой природы и утверждением самоценности каждого из людей.

4) Своей философской и педагогической деятельностью Клавихеро вместе с коллегами-иезуитами заложил основы мексиканского Просвещения, а его основные исторические труды, написанные уже в изгнании, оказали влияние на дальнейшее развитие мексиканского исторического знания.

5) Социально-политические и экономические взгляды Клавихеро в контексте поздней колониальной эпохи имели умеренный характер. В его оценке социально-экономической ситуации внутри Новой Испании и политики, проводившейся Испанией в вице-королевстве, не прослеживались идеи о необходимости завоевания независимости.

б) Вклад Клавихеро в формирование креольского патриотизма Новой Испании заключался в обращении мексиканского мыслителя к национальным символам и индейскому прошлому страны, и был связан с его осознанием Новой Испании как своей родины.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в решении актуальной научной проблемы, которая служит приращению знаний по истории мексиканской исторической науки, истории Новой Испании и позднего колониального периода испанской империи.

Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности для изучения проблем развития мексиканской историографии, а также в учебной работе при подготовке курсов лекций по зарубежной истории исторической науки.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается всесторонним изучением широкого круга источников и литературы по исследуемой проблеме для выявления роли и места Клавихеро в мексиканской историографии, а также комплексным использованием исторических принципов и подходов, указанных в теоретико-методологической основе исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в ряде публикаций в журналах, рекомендованных ВАК. Результаты исследования были представлены автором на нескольких университетских конференциях и круглых столах, а также на международной конференции «Ломоносов – 2017».

Структура исследования предопределена его предметом, целью, задачами, источниково-информационной базой, методологическими основами и логикой рассуждений. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1. Творческий путь Ф. Х. Клавихеро

Творческая биография любого исторического деятеля неразрывно связана со становлением и развитием его личности, а также с окружающей его средой. Цель данной главы – реконструировать творческую биографию Клавихеро, обращая особое внимание на факторы, оказавшие влияние на формирование его философских и исторических взглядов. Для достижения этой цели необходимо выявить происхождение и социальный статус Клавихеро и его семьи, рассмотреть отношения внутри его семьи, процесс образования мексиканского мыслителя и определить, в каком окружении он провел юные годы, а также выявить, какие события поздней колониальной эпохи оказали ключевое влияние на его творчество.

Поставленная цель и задачи обусловили деление главы на два параграфа. Первый посвящен начальному периоду творчества Клавихеро. Особое внимание в нем уделяется влиянию ближайшего окружения мексиканского мыслителя на формирование и развитие его личности. В нем рассматриваются люди, события и явления, заложившие основы мировоззрения Клавихеро. Анализируются такие факторы как семья, воспитание, вступление в Общество Иисуса, знакомство с другими мексиканскими интеллектуалами, отношения с коллегами и первые научные поиски.

Во втором параграфе разбирается исторический контекст, в котором развивались взгляды мексиканского мыслителя: его изгнание, пребывание в Италии и знакомство с работами европейских авторов. Помимо этого, рассматривается реакция Клавихеро на глобальные события поздней колониальной эпохи, к которым относятся такие акты колониальной практики Испании как изгнание иезуитов, политические и экономические реформы.

1.1. Годы жизни в Новой Испании: становление мыслителя.

Франсиско Хавьер Клавихеро-и-Эчегарай родился 9 сентября 1731 года в городе Веракрус в семье Бласа Клавихеро и Марии де Эчегарай. Он стал третьим по счету ребенком. Всего в семье было одиннадцать детей.

Отец Франсиско, Блас Клавихеро, родился в Испании в семье обедневших дворян из провинции Кастилия-и-Леон, и получил образование в Парижском университете в эпоху короля Людовика XIV⁸⁵. После восшествия на испанский престол Филиппа V (Анжуйского), принадлежавшего к французской ветви Бурбонов, многие молодые испанские дворяне отправлялись на учебу во Францию. Это был «золотой век» французской культуры, и Блас Клавихеро впитал в себя ее ценности: он свободно владел французским языком и увлекался французской литературой. Затем он вернулся в Испанию, и после недолгого пребывания на родине, переехал в Новый Свет, сделав выбор в пользу вице-королевства Новая Испания. По всей видимости, Блас Клавихеро эмигрировал в Веракрус в поисках лучшей доли, поскольку ему не удалось получить должность в Испании⁸⁶. В Новой Испании Блас некоторое время прослужил чиновником финансового ведомства с аудиторскими полномочиями (*controlaría*). Там он познакомился с будущим тестем, Хуаном де Эчегарай.

Невеста Бласа Клавихеро, Мария Исабель Эчегарай, была уроженкой Веракруса. Семья Эчегарай относилась к знатному баскскому роду. Многие родственники Марии занимали видные военные и административные посты. Ее племянница Франсиска Хавьера Эчегарай, двоюродная сестра Франсиско

⁸⁵ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México, 1956. P. 120.

⁸⁶ См.: *Ronan Ch. E.* Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731-1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara, 1993. P. 27.

Клавихеро, вышла замуж за Педро де Гарибая и, впоследствии, стала вице-королевой Новой Испании⁸⁷.

Свадьба Бласа и Марии состоялась 27 апреля 1726 года⁸⁸. Через год срок службы Бласа в финансовом ведомстве истек, но родители невесты обеспечили ей хорошее приданое, тем самым поддержав молодую семью. О своем затруднительном финансовом положении в тот период Блан сообщил в собственном завещании: «я обладал малым капиталом, из которого по своей воле не взял ничего, поскольку большая часть была потрачена в пользу родственников, а остальное ушло на путешествие в Испанию, которое я совершил после женитьбы...»⁸⁹. Следует пояснить, о каком путешествии идет речь. Поскольку карьера Бласа Клавихеро в Новом Свете складывалась не слишком успешно, он решил предпринять определенные шаги для получения хорошей должности. В этом ему помог удачный брак и, по-видимому, личные связи на родине. В 1730 году он отправился обратно в Испанию⁹⁰, где за 8300 песо он купил должность старшего алькальда провинции Ла-Миштека, которую занял в 1734 году⁹¹. В 1739 году, после окончания службы в качестве алькальда, Блас с женой и детьми переехал в Пуэблу, где семья Клавихеро окончательно осела. Там, с 1741 года он занимал пост агента инквизиции (*familiar*), а с 1743 года, параллельно, пост судьи интендантского ведомства (*juez asentista*)⁹². Он также контролировал сбор алькабалы. По всей видимости, благодаря получению этих должностей Блас Клавихеро стал достаточно состоятельным человеком.

⁸⁷ См.: *Beristain de Souza J.M.* Biblioteca hispanoamericana setentrional. T.I. Seg. ed. México, 1883. P. 312.

⁸⁸ См.: *Romero Flores J.* Op.cit. P. 316.

⁸⁹ Testamento de Blas Clavijero // *Castro Morales E.* Op. cit. P. 31.

⁹⁰ Contratación de Blas Clavijero. AGI. Contratación, 5478. N. 1. R. 6.

⁹¹ См.: *Ronan Ch. E.* Op. cit. P. 28.

⁹² Ibid. P. 36.

Отец оказал большое влияние на Франсиско. Блас занимался начальным образованием сына. Благодаря отцу будущий мыслитель получил базовые знания по истории, географии и астрономии. У Бласа Клавихеро была обширная библиотека. Он интересовался историей, философией и иностранными языками, о чем свидетельствует опись имущества, проведенная после смерти родителей Франсиско. В ней указаны труды Цицерона и Овидия, Кеведо и Фейхоо, а также различные исторические сочинения⁹³. Мексиканский библиограф Беристаин де Соуса (1756-1817) отметил, что Клавихеро был эрудитом и к 17 годам уже прочитал ряд книг Сервантеса, Фейхоо, Парры и Инес де ла Крус, «которые знал почти наизусть»⁹⁴. Возможно, де Соуса преувеличил знания Клавихеро, однако не вызывает сомнения то, что мексиканский мыслитель с детства был знаком с трудами видных испанских и мексиканских авторов.

О матери Франсиско и ее отношениях с ним нет практически никакой информации. Известно лишь, что мать занималась с сыном музыкой⁹⁵. Сам Клавихеро в «Поучительных воспоминаниях» описывал ее как женщину добродетельную, однако вспыльчивую и «склонную к гневу»⁹⁶. В указанной работе Франсиско гораздо больше написал об отце, упоминая исключительно о его положительных чертах, из чего можно сделать вывод, что он был более близок с отцом, чем с матерью.

Раннее детство Клавихеро проходило в Хамильтепеке (современный штат Оахака) в окружении индейцев. Ввиду занимаемой должности Блас Клавихеро был в постоянном контакте с коренным населением, находившимся под его юрисдикцией. Франсиско имел возможность вблизи познакомиться с образом

⁹³ *Inventario y aprecio de los bienes de don Blas Clavijero // Castro Morales E. Op. cit. P. 70-73.*

⁹⁴ *См.: Beristain de Souza J.M. Op. cit. P. 313.*

⁹⁵ *Ibid. P. 312-313.*

⁹⁶ *Clavijero F.J. Memorias edificantes // Francisco Javier Clavigero, un humanista entre dos mundos: entorno, pensamiento y presencia. México, 2015. P. 216.*

жизни и традициями коренного населения. По утверждению одного из биографов Франсиско, Хуана Луиса Манейро, Блас Клавихеро хорошо обращался с индейцами, а те, в свою очередь, окружили его сына любовью и заботой⁹⁷. Эти контакты повлияли на сферу будущих научных интересов автора.

С самого раннего возраста у креолов формировалась «двойная идентичность»⁹⁸. Индейские женщины, работавшие прислугой в домах зажиточных креольских семей, нянчились с их детьми. Они убаюкивали младенцев, разговаривая на собственном языке. Они знакомили детей постарше с традициями своего народа. Параллельно с этим в семье прививали любовь к испанской и европейской культуре. Детство Клавихеро прошло в подобных условиях.

В раннем возрасте Франсиско отправили в иезуитскую коллегию Святого Иеронима в Пуэбле для изучения латинской грамматики, поэзии и риторики, а затем - в коллегию Святого Игнатия, где прошел курс философии. Закончив его, Клавихеро пожелал остаться в учебном заведении для изучения теологии. 13 февраля 1748 года он стал послушником (новицием) ордена иезуитов в новициате маленькой деревушки Тепотсотлан недалеко от Мехико. Немаловажную роль в выборе духовного пути сыграла атмосфера, царившая в доме Клавихеро. Манейро полагал, что на Франсиско сильно повлиял пример его отца, «человека уважаемого и скромного»⁹⁹. В своём завещании Блас Клавихеро просил отправить его тело в госпиталь при обители Святого Бернардина в Пуэбле. Монахи должны были провести обряд погребения так, словно это «бедняк умер в том госпитале», и от этого правила душеприказчики не должны были отступать никоим

⁹⁷ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 122.

⁹⁸ *Hernández Sotelo A.* Francisco Javier Clavijero: una revisión historiográfica. P. II // *Boletín cultural de la Escuela Nacional de Antropología e Historia*. México, 2002. P. 22.

⁹⁹ *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 127.

образом¹⁰⁰. Эта информация позволяет заключить, что Блас Клавихеро был человеком богобоязненным и склонным к самоуничтожению ради спасения души. О набожности семьи Клавихеро также свидетельствует обширный список изображений святых, содержащийся в описи имущества Бласа¹⁰¹.

Клавихеро-отец поддерживал выбор своих сыновей в пользу духовной карьеры. Двое младших братьев Франсиско также стали священниками: Мануэль, – аффилированным членом Ордена, а Игнасио, последовавший примеру Франсиско, – иезуитом¹⁰². В целом, подобная практика была широко распространена среди младших сыновей в креольских семьях. Однако, приветствуя духовную карьеру своих детей, Блас руководствовался в том числе и чисто практическими взглядами, учитывая положение иезуитов в колониальном обществе.

Орден иезуитов, или Общество Иисуса – монашеский орден римско-католической церкви, был учрежден папой Павлом III в 1540 году. К середине XVII века он обрел большое влияние в Европе и за ее пределами. Смыслом деятельности иезуитов было миссионерство: члены Ордена могли свободно общаться с иноверцами и еретиками и проповедовать во всех частях света. Стремление к христианизации язычников и обращению в католическую веру представителей иных конфессий воплотилось в широкой просветительской и благотворительной деятельности Общества. Помимо традиционных монашеских

¹⁰⁰ Testamento de don Blas Clavijero // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla, 1970. P. 25.

¹⁰¹ См.: Inventario y aprecio de los bienes de don Blas Clavijero // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla, 1970. P. 65-68.

¹⁰² См.: Informe al señor juez de Capellanías del Obispado de Puebla, sobre el nombramiento de patrono y capellán que dio Vuestra Merced, en el ex-jesuita don Ignacio Eduardo Clavigero, de la capellanía de misas que fundó don Manuel Clavigero, su hermano. México. 1792. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 5000-5999. Caja 5322. Exp. 119.; *León-Portilla M.* Francisco Xavier Clavijero // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 607.

обетов члены Общества давали клятву верности папе, что позволяло им пользоваться многочисленными привилегиями: они имели право заниматься любыми видами предпринимательства, не платить податей и не подчиняться местным законам, как церковным, так и светским. Иезуиты появились в латиноамериканских колониях еще во второй половине XVI века и за короткое время добились там внушительных успехов в духовной, миссионерской и образовательной деятельности. Орден открыл перед Клавихеро большие возможности, поскольку в нем состояли выдающиеся мексиканские мыслители той эпохи.

Любопытно, что влиятельным другом семьи Клавихеро был прелат Андрес де Акре-и-Миранда, который помогал мексиканскому библиографу Хуану Хосе де Эгиара-и-Эгурену составлять знаменитую «Мексиканскую библиотеку» - сборник документов по истории Мексики¹⁰³. Не исключено, что связи отца оказали определенное влияние на формирование взглядов Франсиско.

24 февраля 1751 года Блас Клавихеро умер. Чуть менее, чем через год, 14 января 1752 года умерла и мать Франсиско, Мария. Молодой человек остался сиротой в 20 лет. По правилам Ордена он отказался от наследства. Клавихеро отзывался о родителях с любовью, называя их «людьми, уважаемыми за свое благочестие, свою веру... и усердие в воспитании своих детей»¹⁰⁴. Семья заложила в Клавихеро базовые нормы морали и жизненные ориентиры.

Подводя итог, следует принять во внимание то, что Клавихеро вырос в обеспеченной и благочестивой семье. Сильное влияние на него оказал образованный отец, поощрявший интеллектуальные занятия детей и их духовную

¹⁰³*Castro Morales E.* Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla, 1970. P. 12.

¹⁰⁴*Clavijero F.J.* Memorias edificantes // Francisco Javier Clavigero, un humanista entre dos mundos: entorno, pensamiento y presencia. México, 2015. P. 213.

карьеру. Ближайшее окружение семьи составляли мелкие колониальные чиновники-креолы и образованное духовенство, занимавшееся наукой. Эти факторы во многом определили жизненный путь будущего мыслителя.

Учитывая рассмотренные факты, можно было бы предположить, что после окончания семинарии Клавихеро сделал осознанный, взвешенный выбор, раз и навсегда решив связать свою жизнь с церковным служением. Однако все оказалось сложнее. Первые месяцы послушничества дались Франсиско непросто. По всей видимости, Клавихеро неоднократно жаловался на свое положение, отказываясь проявлять смирение и следовать некоторым правилам Ордена. Дело дошло до того, что провинциал Андрес Хавьер Гарсия написал Клавихеро письмо, в котором убеждал молодого новicia проявить смирение: «Все вещи в начале кажутся сложными, и если Вам, мой любезный, невыносима жизнь, посвященная вере, это потому, что Вы в начале пути, и принимаете ее с тоской, не желая преодолевать»¹⁰⁵. Гарсия уверял Клавихеро, что его состояние – это происки дьявола, пытающегося сбить его с истинного пути, и посоветовал «сопротивляться искушению»¹⁰⁶.

Слова ли наставников возымели действие, или же Клавихеро сам нашел в себе силы принять избранный путь, сказать сложно. Известно одно: послушание он не оставил. Вероятно, отдушиной в рутинной жизни Ордена для него стала наука, поскольку с этого момента он приступил к активному изучению языков: греческого, французского и португальского, а также иврита и науатля. В Пуэбле, в коллегии Святого Ильдефонсо, Клавихеро снова прошел курс схоластической философии. В этот период Клавихеро начал изучать философию Нового времени,

¹⁰⁵ Carta de provincial Andrés García. México, 23 de abril de 1748 // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero // Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. P. 318.

¹⁰⁶ Ibid. P. 318

читая труды Томаса Висенте Тоски и Бенито Херонимо Фейхоо¹⁰⁷. Он ознакомился с трудами Декарта, Лейбница, Гассенди, Ньютона и других авторов. Однако это знакомство происходило в сложных условиях, поскольку Манейро упоминает о духе консерватизма, царившем в учебном заведении¹⁰⁸. Обсуждение идей философов Нового времени не было запрещено, однако не приветствовалось.

Еще в период обучения Клавихеро был временно назначен на должность репетитора (*prefecto de estudiantes*) в коллегии Святого Ильдефонсо. Он пробыл на этом посту всего несколько месяцев. Его главной целью в рамках полученной должности стало изменение методики преподавания философии в семинарии. Однако коллеги отказались пойти навстречу Клавихеро. Он написал письмо провинциалу Хуану Антонио Бальтасару с просьбой помочь в разрешении проблемы, но тот, признавая достижения преподавателя, все же отказал ему во избежание скандала¹⁰⁹. Причин для отказа было несколько. Описав этот эпизод, Жерар Декорме отметил, что на тот момент Клавихеро состоял в Ордене всего пять лет - малый срок, чтобы предлагать реформы в образовании¹¹⁰. Другим фактором могли стать консервативные взгляды высшего духовенства и их предубеждение в отношении новых философских течений.

После окончания курса в Пуэбле Клавихеро отправился в Мехико, чтобы изучать теологию в иезуитской коллегии Святых Петра и Павла. Там он познакомился с группой молодых иезуитов, ведущих активную интеллектуальную деятельность. Общение с ними, безусловно, оказало сильное влияние на Клавихеро. Наставником и другом Клавихеро стал Хосе Рафаэль

¹⁰⁷ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 132.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 136.

¹⁰⁹ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 137.

¹¹⁰ См.: *Decorme G.* La obra de los Jesuitas Mexicanos durante la época colonial 1572-1767 (compendio histórico). T. I. Fundaciones y obras. México, 1941. P. 228.

Кампой (1723-1777) – мексиканский ученый, уроженец Соноры, один из видных деятелей мексиканского Просвещения. Он проявлял живой интерес к новым философским течениям, возникшим в Европе, и сыграл большую роль в их распространении в Новой Испании. Именно Кампой познакомил молодого исследователя с коллекцией исторических документов, находящихся в коллегии Святых Петра и Павла. Клавихеро особенно заинтересовала коллекция манускриптов, собранных мексиканским мыслителем Карлосом Сигуэнса-и-Гонгорой (1645-1700), несколько томов которой были посвящены древним мексиканцам. Эти источники заинтересовали Клавихеро и подтолкнули его к изучению истории, и, в частности, к исследованию индейских кодексов. Впоследствии, находясь в коллегии Святого Григория, он посвятил этому занятию пять лет.

В 1753 году Клавихеро завершил курс теологии, но ему еще не исполнилось 22 года. Он вынужден был ждать достижения положенного возраста, чтобы принять сан. В этот короткий период с 1753 по 1754 год он преподавал риторику в коллегии Святых Петра и Павла¹¹¹. Затем, 13 октября 1754 года Клавихеро принял сан. Вплоть до 1758 года он получал краткосрочные назначения в качестве преподавателя в различные учебные заведения Новой Испании.

В 1758 году Клавихеро был назначен в коллегию Святого Григория в Мехико для обучения индейцев. Ещё один биограф Франсиско Феликс де Себастьян отметил, что поскольку Клавихеро неоднократно просил отправить его изучать язык коренного населения и «посвятить себя службе на благо индейцев»¹¹², церковные верхи уступили его просьбам и назначили в коллегию

¹¹¹ *Ronan Ch. E. Op. cit. P. 61.*

¹¹² *Sebastian F. de, S. J. Vida de Francisco Xavier Clavigero, Estudio de Elías Trabulse. México, 1987. P. 42.*

Святого Григория. Однако по мнению ряда современных авторов, это назначение не было желанным для мексиканского мыслителя, поскольку не было связано с миссионерской деятельностью¹¹³. Эту точку зрения подтверждают некоторые эпизоды биографии Клавихеро, относящиеся к указанному периоду.

В коллегии Святого Григория у Клавихеро произошел конфликт с ректором учебного заведения. В своем письме провинциал Педро Реалес сетовал на то, что Клавихеро отказывался выполнять свои обязанности, «посвятив себя другим заботам и исследованиям...»¹¹⁴. Внимание Франсиско было полностью захвачено собственными научными изысканиями, в угоду которым он игнорировал правила, установленные в учебном заведении. Этот эпизод из жизни Клавихеро свидетельствует о его непростом характере. В упомянутом выше письме провинциал Педро Реалес обвинил Клавихеро, помимо непослушания, в его «нелюбви и неприязни к индейцам»¹¹⁵. Это обвинение в отношении Клавихеро звучит, по меньшей мере, странно, поскольку известно, что он вырос в окружении представителей коренного населения, а также неоднократно просил отправить его миссионером в Калифорнию. В этом случае можно предположить два варианта: либо Реалес перечислил все поступившие к нему жалобы, не разбираясь, какие из них являются правдой, а какие – домыслами, либо Клавихеро был настолько недоволен атмосферой, царившей в коллегии, что вел себя неподобающим образом со всеми окружающими людьми, в том числе и с учениками-индейцами. Если второй вариант верен, то он подтверждает своенравный характер мыслителя.

¹¹³ См.: *León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 608; Ronan Ch. E. Op. cit. P. 63-64.*

¹¹⁴ Carta de provincial Pedro Reales. Abril 23 de 1761 // *Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavijero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. P.319.*

¹¹⁵ *Ibid.* P.319.

Специалисты по-разному интерпретируют конфликты Клавихеро с начальством Ордена, равно как и природу его темпераментности. По мнению мексиканского историка Хосе Миранды, Клавихеро по своей природе был чувствительным человеком. Миранда даже назвал его «великим страдальцем мексиканского Просвещения»¹¹⁶. По его мнению, Клавихеро пережил глубокий эмоциональный кризис, оказавшись в новом окружении, и с тех пор неоднократно становился заложником собственных переживаний. Американский историк Чарльз Ронан также отмечал сложный характер Клавихеро, исходя из указанных выше свидетельств. Однако он считал, что Миранда и другие исследователи искажают характер мексиканского мыслителя, приписывая ему чрезмерную эмоциональность и страсть к наукам. Ронан отрицал идею о том, что Клавихеро был «пылким вестником новой философии, боровшимся за освобождение от оков, дабы войти в аудитории и поделиться со своими студентами открывшимся ему знанием»¹¹⁷. По его мнению, мексиканскому мыслителю, скорее всего, не приносила удовольствия преподавательская деятельность. Такой вывод Ронан сделал, исходя из сведений о том, что Клавихеро неоднократно просил отправить его миссионером в Нижнюю Калифорнию. По мнению Ронана, упомянутый конфликт был всего лишь одной из общих дисциплинарных проблем для всех религиозных орденов¹¹⁸. Следует подчеркнуть, что на основе единичного случая сложно судить о характере Клавихеро в целом, о его отношении к работе, к своим студентам и коллегам. Однако, принимая во внимание подоплеку конфликта и свидетельства биографов Клавихеро, можно с уверенностью сказать, что Франсиско привлекало миссионерство.

Трудно сказать, как Клавихеро в действительности относился к преподавательской деятельности, но ему, несомненно, импонировала идея

¹¹⁶ *Miranda J. Clavijero en la Ilustración mexicana // Cuadernos americanos. Vol. XXVIII. México, 1946. P. 192.*

¹¹⁷ *Ronan Ch. E. Op. cit. P. 64.*

¹¹⁸ *Ibid. P.68.*

обновления традиционного философского курса, преподаваемого в учебных заведениях Новой Испании. Манейро указал, что в этот период Клавихеро начал издавать небольшие произведения, с целью принести пользу обществу¹¹⁹. При этом он часто подписывался вымышленными именами или оставлял работы анонимными. Эти небольшие труды были посвящены проблемам риторики, изучению языков, истории, философии и другим вопросам.

Клавихеро был отстранен от прежних занятий, однако остался в коллегии Святого Григория. Там он опубликовал первые работы уже от своего имени: «Поучительные воспоминания» и перевод с итальянского жития Святого Яна Непомуцкого (Хуана Непомусено). «Поучительные воспоминания» — это биография Мануэля Клавихеро, умершего в 1760 году. Она увидела свет в 1761 году. В этой короткой работе, посвященной младшему брату, Клавихеро раскрыл некоторые подробности жизни своей семьи. За публикацией последовала негативная реакция одного из родственников, представленного в сочинении не с лучшей стороны¹²⁰. Назревал публичный скандал, в котором Клавихеро мог быть обвиненным в клевете. Этот период стал для Франсиско испытанием. В ожидании разрешения сложившейся ситуации, Клавихеро обратился к жизни Святого Яна Непомуцкого, покровителя священнослужителей и защитника от наговоров. Результатом стал перевод с итальянского языка жития Святого, написанного Чезаре Калино. Книга была опубликована в 1762 году. Клавихеро отметил, что мотивом перевода стал тот же, что был у автора при написании жития: «дать публике свидетельство его благодарности [Святому]»¹²¹. Со стороны мексиканского мыслителя это был знак признательности Непомуцкого, поскольку он «ощутил на себе воздействие его благодати»¹²². Для Клавихеро, желавшего

¹¹⁹ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 141.

¹²⁰ *Sebastian F. de, S. J.* Op. cit. P. 43.

¹²¹ *Clavigero X. M.* Prólogo del traductor // *Calino C.* Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno. México, 1762. P. II.

¹²² *Ibid.* P. II.

очистить свое имя после скандала с «Поучительными воспоминаниями», Святой Ян Непомуцкий стал символом стойкости. С того момента образ Святого Хуана неоднократно проявлялся в его жизни, особенно в связи с изгнанием и упразднением Ордена. Ссылка побудила Клавихеро, как и других мексиканских иезуитов, еще больше ассоциировать себя с фигурой чешского мученика¹²³. Любопытно, что Ян Непомуцкий также являлся одним из покровителей Университета Мехико, которому Клавихеро посвятил «Древнюю историю Мексики».

В 1762 году Клавихеро был отправлен в коллегию Святого Хавьера в Пуэбле. Он оказался оторван от группы иезуитов, находящихся в столице, а также от манускриптов и индейцев, с которыми работал в коллегии Святого Григория. К радости самого Клавихеро, он пробыл в Пуэбле совсем недолго.

В 1763 году провинциал Франсиско Себайос собрал в коллегии Святого Ильдефонсо молодых ученых-иезуитов, среди которых присутствовали Хосе Рафаэль Кампой, Диего Хосе Абад, Галиано Серда, Хуан де Диос Сиснерос и Франсиско Клавихеро¹²⁴. Речь шла об обновлении учебных курсов по философии, теологии и других наук, а также о других возможных нововведениях в образовательных учреждениях, к примеру, об использовании книг, повествовавших современным языком. Вероятно, причиной реформы стало характерное для иезуитов стремление к адаптации к современным веяниям. Поскольку основными инструментами отстаивания интересов католической церкви для членов Общества Иисуса были воспитание и дипломатия, иезуитские

¹²³ См.: *Cuadrillero J.* El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno// *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. Vol. XXXIII. Num. 99. México, 2011. P. 175.

¹²⁴ См.: *Palomera E.J.* La obra educativa de los jesuitas en Guadalajara, 1586-1986: visión histórica de cuatro siglos de labor cultural. Guadalajara, 1986. P. 109.

методы обучения умело продумывались¹²⁵. Ордену необходимо было получать образованных священников, разбиравшихся в новых тенденциях общественно-политической мысли. Однако на пути реализации этих задач возникла проблема бюрократического характера. Многие ученики иезуитских коллегий столицы также проходили обучение в университете Мехико. На тот момент начальство университета, настроенное консервативно, не пожелало менять собственные образовательные программы, в результате чего от идеи общего обновления учебных курсов пришлось отказаться.

Возможность читать собственный курс философии была предоставлена Клавихеро благодаря назначению в 1764 году на должность преподавателя философии в другой коллегии Святого Франциска, в Вальядолиде, провинция Мичоакан¹²⁶. По словам Манейро, Клавихеро хотел преподавать философию, «которую образованная Европа опробовала и ввела в своих школах, и которую он сам считал наиболее полезной и хорошо усваиваемой молодыми людьми»¹²⁷. Старый философский курс был перегружен сложным языком, и в нем отсутствовали работы современных философов. Клавихеро создал новый, включив в него широкий спектр вопросов, начиная с древнегреческой философии и заканчивая современными авторами, такими как Декарт, Лейбниц и Франклин.

Резюмируя сказанное выше, мы можем отметить, что на данном этапе формирования Клавихеро как мыслителя основными направлениями его деятельности стали обновление курса философии, преподаваемого в образовательных учреждениях колонии, а также изучение индейских кодексов и работ по древней истории Мексики.

¹²⁵ См.: История Европы. Т.3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993. С. 309.

¹²⁶ См.: Carta de Dávila. 22 dec. 1762 // *Romero Flores J.* Documentos para la biografía del historiador Clavigero / *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939-1940. P. 321.

¹²⁷ *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 145.

В 1766 году Клавихеро был переведен в коллегию Святого Томаса в Гвадалахаре. По всей видимости, он не желал этого назначения, из-за чего пребывал в подавленном настроении. В письме провинциалу Сальвадору Гандаре Клавихеро жаловался на свое здоровье и душевное состояние: «Мой дух исполнен беспокойством и горечью, меня одолевают идеи столь зловещие, что мало того, что я делаюсь непригодным для своих обязанностей, я боюсь, что они или лишат меня рассудка, или подорвут мое здоровье, или же приведут меня к полному отчаянию»¹²⁸. В связи с этим Клавихеро просил перевести его обратно в Вальядолид. Не стоит воспринимать слова Клавихеро о его отчаянном положении буквально. Столь экспрессивный стиль переписки, изобилующий преувеличениями, был характерен для той эпохи. Письмо не произвело впечатления на провинциала, и Франсиско пришлось остаться в Гвадалахаре.

В библиотеке коллегии Святого Томаса Клавихеро нашел записи иезуита Сегизмундо Тараваля, миссионера, свидетеля индейского восстания 1734 года в Калифорнии. Информация, полученная из этих материалов, стала одним из первых кирпичиков в фундаменте будущей «Истории древней или нижней Калифорнии» - второй по значимости работы Франсиско.

По мнению Виктора Рико Гонсалеса, одного из исследователей жизни и творчества историка, Клавихеро – это «яркий пример человека, который сделал себя сам»¹²⁹. Ранее в тексте диссертационного исследования уже было обращено внимание на любознательность, проявленную Клавихеро с самого детства. Безусловно, тяга к знаниям и усердный труд стали залогом успеха мексиканского

¹²⁸ Carta de Clavijero. Guadalajara. 3 de junio de 1766 // *Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. P. 330.*

¹²⁹ *Rico Gonzalez V. Historiadores mexicanos del siglo XVIII: estudios historiográficos sobre Clavijero, Veytia, Cavo y Alegre. México, 1949. P. 16.*

мыслителя Важнейшую роль в его формировании как историка также сыграли его семья и друзья, которых он приобрёл прежде всего благодаря вступлению в Орден иезуитов. Однако не стоит упускать из поля зрения глобальные факторы, повлиявшие на его личность. Под этими факторами подразумеваются политическая, социально-экономическая и культурная обстановка эпохи и специфика региона, в котором он вырос. Одним из событий мирового масштаба, разделившим жизнь Клавихеро на до и после, стало изгнание иезуитов из Испанской империи в 1767 году.

Проанализировав первый период творческой деятельности мексиканского мыслителя, следует отметить, что с самого раннего детства Франсиско Клавихеро оказался погружен в смешанную культурную среду. Европейские и, в частности, испанские интеллектуальные традиции, к которым ему привили любовь в семье, сочетались с индейской культурой, окружавшей его в повседневной жизни. Эти условия способствовали появлению интереса Клавихеро к изучению европейских и индейских языков.

У Клавихеро были непростые отношения с высшим духовенством. Его церковную карьеру нельзя однозначно назвать успешной, поскольку во многих ситуациях ему приходилось отстаивать свои интересы перед вышестоящими сановниками. Однако вступление в Орден иезуитов открыло перед ним большие возможности. Там он познакомился с молодыми интеллектуалами-современниками. Клавихеро впитал интеллектуальные и духовные традиции иезуитов, что оказало решающее влияние в его дальнейшей деятельности. Миссионерские практики Ордена, привлекавшие Клавихеро, также отчасти обусловили его интерес к индейской культуре.

1.2. Жизнь в изгнании: консолидация исторических взглядов Ф.Х. Клавихеро

В 1765 году генеральным инспектором (виситадором) вице-королевства Новая Испания был назначен Хосе де Гальвес-и-Гальярдо (1720-1786). В июле того же года он прибыл в Веракрус. Выходец из бедной дворянской семьи, он смог сделать блестящую карьеру в Испании, став адвокатом в королевской администрации, а затем – личным секретарем первого министра Карла III маркиза Х. Гримальди¹³⁰. Вступив в должность генерального инспектора, Гальвес получил широкие финансовые и административные полномочия. Он упорядочил систему налогообложения, реформировал таможенный режим, установил в вице-королевстве монополию на табак, активно боролся с контрабандой, а также намеревался покончить с доминированием креолов в колониальном управлении. На Гальвеса также была возложена ответственность за исполнение еще одного серьезного шага к укреплению королевской власти в Новом Свете – изгнание иезуитов, ставшее одним из знаковых исторических событий той эпохи, как на локальном, так и на мировом уровне.

Церковь занимала прочную позицию в Латинской Америке на протяжении всего колониального периода в истории региона. Она представляла собой целостную, сплоченную структуру: хотя некоторые приходские священники поддерживали простое население, в целом, духовенство ассоциировало себя с креольской верхушкой и белым меньшинством. Даже к концу XVIII века длительный процесс секуляризации, который уже ослабил позиции Церкви в Европе, был едва заметен в Мексике¹³¹. Социальное влияние церкви в Новой Испании было сильным.

¹³⁰ См.: История Испании. Т.2 От войны за испанское наследство до начала XXI века. М., 2014. С. 74-75

¹³¹ См.: *Brading D.A.* Tridentine Catholicism and Enlightened Despotism in Bourbon Mexico // *Journal of Latin American Studies*, Vol. 15, No. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 22.

В середине XVIII века Орден иезуитов переживал расцвет в вице-королевстве. В иерархичном колониальном обществе, которое метрополия старалась контролировать на всех уровнях, иезуиты были наименее зависимы от светских властей¹³². Они составляли значительную часть креольской элиты, а также занимали главенствующие позиции в сфере образования и в значительной степени влияли на общественное мнение. Благодаря своим экономическим привилегиям Орден располагал большими доходами. Кроме того, Общество Иисуса обладало такими преимуществами, как мультикультурализм, корпоративное знание и межконтинентальные интеллектуальные связи¹³³. Эти факторы также представляли опасность для властей.

Привилегии Ордена стали вызывать недовольство европейских государей, стремившихся к единовластию в своих владениях и видевших в иезуитах проводников интересов Святого престола. Короли Франции, Испании, Португалии претендовали на полный контроль и над церковной жизнью, особенно над ее материальной стороной, что приводило к конфликтам католических государей с папой римским. Общины иезуитов стали называть «государством в государстве», а влияние Общества в системе образования, активное участие его членов в международных контактах настораживало политиков, ратовавших за укрепление королевского суверенитета. Напряженность в отношениях между Орденем и королевской властью осложнялась развитием теологических дискуссий - полемикой между Обществом Иисуса, последовательным защитником католической ортодоксии, и янсенистами, поборниками обновления вероучения и религиозной практики. Последователи

¹³²См.: *Barandas J.M.* The Catholic Church in colonial Spanish America // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge, 1984. P. 537.

¹³³ См.: *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // *Destiempos*, №14. México, 2008. P.399.

доктрины Корнелия Янсена¹³⁴ стали главными противниками иезуитов. Являясь представителями августинского крыла католического богословия, янсенисты критиковали иезуитское учение об искуплении и спасении человека, согласно которому любой, кто способен к искреннему раскаянию, может найти путь к спасению.

В Испании политический конфликт и богословские противоречия слились воедино, и там янсенистами стали называть сторонников верховенства королевской власти над властью папы, стремившихся к реформе государственно-церковных отношений. Янсенисты быстро укрепили свои позиции при дворе. Многие из них добились высоких постов. Одним из ярких примеров янсенистов во власти был Мануэль Рода, с 1765 года занимавший пост министра юстиции при Карле III¹³⁵.

Отношения между Обществом Иисуса и королевской властью в Испании обострились после заключения в 1750 году Мадридского трактата, который установил новые границы между владениями испанского и португальского монархов в Южной Америке, проходившие по территории иезуитских миссий. Разрушение миссий сопровождалось столкновениями между королевскими войсками и индейцами, что дало повод обвинить Орден в подстрекательстве «дикарей» к сопротивлению законным властям.

Конфликт с Обществом Иисуса в колониях сопровождался ростом неприязни к нему и в метрополии. В 1763 году Карл III провозгласил право *regium*

¹³⁴ Янсен (Янсений) Корнелий (1585—1638) – голландский богослов, ратовавший за обновление католической доктрины и практик благочестия (представление о Спасении на основе интерпретации Бл. Августина и учение о трех либидо). Учение Янсена было запрещено буллой Unigenitus в 1713 году. В полемику с иезуитами вступил последователь Янсена французский мыслитель Блез Паскаль в своих памфлетах «Письма к провинциалу».

¹³⁵См.: *Brading D.A. Orbe indiano: de la monarquía católica a la República criolla, 1492 – 1867. México, 1991. P. 538.*

exequatur, по которому документы Папского престола не могли вступить в силу на территории испанской империи без санкции короля. Со стороны Карла III это был еще один шаг в демонстрации примата королевской власти над церковной. Согласно королевскому указу иезуиты, ранее напрямую подчинявшиеся Святому престолу, попадали под «королевский патронат», что вызвало недовольство Ордена и попытки отстоять свою независимость. Кроме того, для испанских властей иезуиты были препятствием не только на пути к политике, не зависящей от интересов церкви, но и на пути к светскому обществу, способному воспринять современную европейскую культуру¹³⁶.

В 1767 году иезуиты были обвинены в организации городских восстаний весной 1766 года. По итогам следствия Педро Родригес Кампоманес, занявший в 1762 году должность прокурора Королевского Совета Кастилии, в своей работе «Прокурорское суждение об изгнании иезуитов из Испании» (1766) доказывал, что Общество Иисуса является источником смуты, а его члены призывают к неподчинению королевской власти¹³⁷. Он также обвинил их в мошенничестве и обмане казны. Карл III, последовав примеру португальского и французского королей, 27 февраля 1767 года принял решение об изгнании иезуитов из Испании и ее колоний. Через месяц с небольшим, 2 апреля, королевский указ был приведен в исполнение. В отношениях между Испанией и Святым престолом наступило охлаждение.

Из испанской империи были изгнаны около 6000 тысяч иезуитов, из них – примерно 2600 человек из заморских колоний. Из Новой Испании были изгнаны

¹³⁶ *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. T. III. Del Barroco a la Ilustración (siglos XVII y XVIII). Madrid, 1981. P. 467-468.

¹³⁷ См.: *Campomanes P. R.* Dictamen Fiscal de Expulsión de los Jesuitas de España, 1766-1767. Madrid, 1977. P. 138.

678 иезуитов (464 креола и 153 испанца)¹³⁸. Многие латиноамериканские изгнанники погибли от болезней во время тяжелого плавания в Европу. Лишь малая часть уже состарившихся изгнанников смогла вернуться на родину в 1814 году. Вопрос о том, насколько сильным ударом по образованию в колониях стало изгнание иезуитов, вызывает много споров среди исследователей. Мексиканский историк-иезуит Мариано Куэвас оспаривал идею о восстановлении спокойствия и привычных торговых отношений после изгнания иезуитов¹³⁹. Он утверждал, что с того момента пришло в упадок то, что являлось основой экономики страны – образование молодежи. С другой точки зрения, по мнению Фернандо Тарраго и Марии Торалес Пачеко, изгнание дало толчок реформе образования, проведенной Карлом III в испанских колониях¹⁴⁰. Власти вице-королевства занялись вопросами, связанными с бывшими иезуитскими коллегиями, начав с раздела имущества Ордена. Затем внимание было уделено изменению учебных программ. Испанский вариант Индекса запрещённых книг контролировался правительством и исключал из круга чтения «добрых католиков» произведения, противоречившие доктринам Тридентского собора¹⁴¹. В соответствии с ним из библиотек учебных заведений Новой Испании были изъяты книги ненадлежащего содержания¹⁴². Для преподавания философии стали применять более практические и экспериментальные методы в противовес традиционному схоластическому подходу. Однако Испания не располагала необходимыми человеческими ресурсами, чтобы заполнить пустоту, оставленную такой сильной организацией

¹³⁸ O'Neill Ch.E., Domínguez J.M. Diccionario histórico de la Compañía de Jesús. T. II. Costa Rossetti-Industrias. Madrid, 2001. P.1355

¹³⁹ См.: Cuevas M. Historia de la nación mexicana. T. 1. México, 1952. P. 551.

¹⁴⁰ См.: Tarragó F.R. Science and religion in the Spanish American Enlightenment // The catholic social science review. Num. 10. Steubenville, 2005. P. 184-185; Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, №14. México, 2008. P. 404.

¹⁴¹ Юрчик Е.Ю. Испанское просветительское движение // Общественно-политическая мысль европейского просвещения / под ред. Мещеряковой Н.М. М., 2002. С. 218.

¹⁴² Carta al señor Conde de Aranda. México, 27 de junio de 1772. Del № 24 // Documentos sobre la Expulsión de los Jesuitas y Ocupación de sus temporalidades en Nueva España (1772-1783) / Introd. V. Rico González. México, 1949. P. 54-67.

как Общество Иисуса¹⁴³. Поэтому с отъездом иезуитов из Новой Испании в сфере образования появилась лакуна, для заполнения которой понадобилось некоторое время.

18 июня 1768 года в Веракрус прибыли испанские войска. Не только для защиты от англичан, но и из-за активного недовольства населения политикой метрополии и, в частности, изгнанием иезуитов¹⁴⁴. Таким образом испанский монарх утверждал свою независимость от Святого престола. Однако в этом событии скрывался парадокс: церковь, которой был нанесен серьезный удар, являлась одним из оплотов Короны в Новом Свете. Она решала конфликты между разными социальными группами, а также выступала в роли элемента, объединяющего столь разношерстное общество¹⁴⁵. Иезуиты были связующим звеном креольской элиты с короной и с остальным миром. Коллегии потеряли львиную долю своего преподавательского состава, а многие семьи лишились братьев и сыновей.

Изгнание иезуитов стало не только сильным ударом по церкви, но и по классу колониальных землевладельцев, в земли которых была вложена значительная часть церковного капитала¹⁴⁶. Здесь следует пояснить, что иезуиты, благодаря своим экономическим привилегиям, фактически существовали в режиме наибольшего благоприятствования, вне монополий, вне таможенного режима и с доступом ко всем видам предпринимательства. Они активно занимались и кредитованием под залог недвижимости, и операциями с выморочным имуществом. Таким образом, они стали активным и - к середине

¹⁴³ Abellán J.L. Op. cit. P. 467.

¹⁴⁴ См.: México a través de los siglos. Historia general y completa del desenvolvimiento social, político, religioso, militar, artístico, científico y literario de México desde la antigüedad más remota hasta la época actual. T. II. El virreinato / Vicente Riva Palacio. México, 1953. P. 824.

¹⁴⁵ См.: Hernández Sotelo A. Francisco Javier Clavijero: una revisión historiográfica. P. I // Boletín cultural de la Escuela Nacional de Antropología e Historia. México, 2002. P. 7.

¹⁴⁶ См.: Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge, 1984. P. 437.

XVIII века - необходимым участником хозяйственной жизни колоний. После их изгнания образовалась лакуна, которую ни епископальная церковь, ни другие ордена долго не могли заполнить ввиду отсутствия у них подобных привилегий. Отсюда проистекало недовольство всех тех, кто был связан с иезуитами хозяйственными узами.

Декрет об изгнании иезуитов, обнародованный в Мехико 25 июня 1767 года, застал врасплох всех членов Ордена. Ровно четыре месяца спустя Клавихеро вынужден был навсегда покинуть Новую Испанию. Манейро умалчивает о том, как ученый воспринял внезапное известие об изгнании иезуитов из Нового Света. Сам Клавихеро сдержанно и кратко описал события того периода на примере своих коллег, находившихся в миссиях в Калифорнии¹⁴⁷.

Путь в Европу стал большим испытанием. 25 октября 1767 года иезуиты отплыли из Веракруса и в конце ноября прибыли в Гавану. Там они провели несколько месяцев в тяжелых условиях, а затем отплыли в Европу¹⁴⁸. В середине апреля 1768 года они прибыли в Кадис, а затем в середине июня переправились на Корсику. Остров должен был стать их окончательным пристанищем, согласно договоренности между Карлом III и папой Климентом XIII. Папа не хотел принимать иезуитов из испанской империи, поскольку вынужден был до этого дать приют иезуитам, изгнанным из Португалии. Однако произошло событие, спутавшее планы высокопоставленных лиц. В 1768 году Франция купила Корсику у генуэзцев, и на острове разгорелся вооруженный конфликт. Испанские комиссары сообщили в Мадрид, что иезуитов следует забрать с Корсики, если

¹⁴⁷См.: *Clavijero F.J.* Historia de la antigua o baja California. México, 1852. P. 114-115.

¹⁴⁸Об изгнании иезуитов из Нового Света и их путешествии в Италию см.: *Dávila y Arrillaga J.M.* Continuación de la Historia de la Compañía de Jesús en Nueva España del Padre Francisco Javier Alegre. T. II. Puebla, 1889. P. 3-33; *St. Clair Segurado E.M.* Expulsión y exilio de la provincia jesuita mexicana, 1767-1820. Alicante, 2005. 488 p.

правительство не желает их смерти¹⁴⁹. 4 сентября 1768 года иезуиты отплыли с острова.

Долгое и опасное путешествие из Новой Испании закончилось для Клавихеро в сентябре 1768 года в Болонье. Оттуда он отправился в Феррару. Иезуитам пришлось заново организовывать свою жизнь в чужой стране. Многие из них продолжали надеяться, что декрет будет отменен, и они смогут вернуться на родину. Феликс де Себастьян отметил, что Клавихеро «жил в радости, несмотря на то, сколько всего ему приходилось переносить, и был утешением для всех своих пострадавших товарищей»¹⁵⁰.

Следует отметить, что, вопреки запрету со стороны властей, многие иезуиты продолжали поддерживать отношения со своими родственниками, друзьями и учениками, оставшимися в Новой Испании. Более того, родственники и бывшие ученики поддерживали их морально и материально, используя межконтинентальные торговые каналы¹⁵¹. Клавихеро, как и остальные, переписывался с родственниками и другими иезуитами. Его старший брат Хуан высылал ему деньги¹⁵². Назначенное испанской Коронай пособие выплачивалось нерегулярно.

Знание иностранных языков и, прежде всего, итальянского, помогло Клавихеро быстро адаптироваться в Италии. Он сблизился с графом Феррары Акилесом Криспи и его сыном Бенедиктом¹⁵³. Очевидно, Клавихеро заинтересовали принадлежавшие им собрания книг. Франсиско произвел

¹⁴⁹ См.: *Ronan Ch. E.* Op. cit. P. 126.

¹⁵⁰ *Sebastian F. de, S. J.* Op. cit. P. 47.

¹⁵¹ См.: *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // *Destiempos*, №14. México, 2008. P.410.

¹⁵² См.: *Ronan Ch. E.* Op. cit. P. 144.

¹⁵³ *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 154.

приятное впечатление на своих новых знакомых, которые были поражены его кругозором, благодаря чему он смог воспользоваться их библиотеками.

В Италии с момента его пребывания в Чезене у Клавихеро установились тесные дружеские связи с испанским иезуитом Лоренсо Эрвасом Пандуро¹⁵⁴. Пандуро был выдающимся лингвистом и ярким представителем испанского Просвещения. Наиболее известными его работами стали «Идея вселенной» и «Каталог языков известных наций». Пандуро проявил большой интерес к доколумбовым культурам Мезоамерики и интересовался языками коренного населения региона. Клавихеро поддерживал интеллектуальную переписку с Пандуро и даже включил в «Древнюю историю Мексики» его письмо о мексиканском календаре¹⁵⁵.

В результате изгнания в лице Клавихеро и его товарищей Мексика потеряла ряд выдающихся мыслителей. С другой стороны, это изгнание, а также тесный контакт с европейской культурой Просвещения, стали толчком для написания ряда блестящих работ, которые оставили после себя латиноамериканские иезуиты. Италия на тот момент была одной из передовых стран в деле Просвещения. Однако в ее культурном поле также сталкивались и переплетались традиции и новшества. Как отметил итальянский исследователь Мигель Батлори, иезуиты принесли в Италию ростки испанской (по своему началу) культуры, сделали их более универсальными и посадили их в

¹⁵⁴ См.: *Hernán Perrone N.* Una mirada a la comunidad de jesuitas americanos expulsos a través de las obras de Lorenzo Hervás y Panduro S.J. (1735 – 1809). URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/una-mirada-a-la-comunidad-de-jesuitas-americanos-expulsos-a-traves-de-las-obras-de-lorenzo-hervas-y-panduro-sj-1735-1809/html/adac72c4-bec7-4251-9b17-c24786d54327_3.html#I_0_ (дата обращения: 14.01.2018).

¹⁵⁵ См.: *Clavigero F.J.* Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. I . México, 1844. Pp. 279-283.

итальянскую почву, получив плоды для своей далекой родины¹⁵⁶. Вслед за Батлори мексиканский историк Элиас Трабульсе отметил, что в Италии изгнанным иезуитам удалось добиться блестящих результатов, и сложно сказать, были бы реализованы многие из их проектов, если бы они остались на родине¹⁵⁷. Итальянское окружение повлияло на латиноамериканских иезуитов, а те, в свою очередь, обогатили итальянскую и, в целом, европейскую общественную мысль своими работами.

Изгнанных иезуитов объединял интерес к исследованиям истории. Как и другие его коллеги Клавихеро не оставил свои научные поиски, несмотря на изгнание и тяжелое путешествие в Европу. У него родилась идея создания Академии наук¹⁵⁸, которая бы объединила мексиканских мыслителей-изгнанников. Этот проект, задуманный в просветительском ключе, к сожалению, так и не был реализован.

В июне 1770 года Клавихеро переехал в Болонью, где оставался до самой смерти. Город, в котором проживали выдающиеся умы Италии, безусловно, произвел сильное впечатление на мексиканского ученого. После неудачного проекта создания Академии наук он оказался предоставлен сам себе и приступил к занятию, которое привлекало его на протяжении всей жизни – к изучению документов, которые он нашел в библиотеках города.

¹⁵⁶ См.: *Batllori M.* La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. Madrid: Gredos, 1967. P. 495; *Mazzeo G.E.* Jesuitas expulsos del siglo XVIII en el destierro // Revista hispánica moderna, XXXIV. Pennsylvania, 1968.

¹⁵⁷ См.: *Trabulsee E.* Clavigero, historiador de la Ilustración mexicana // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_20_ (дата обращения: 14.01.2018).

¹⁵⁸ См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 154.

В Болонье его застало еще одно печальное событие - упразднение Ордена иезуитов. Изгнание иезуитов из Испании и других европейских государств не удовлетворило противников Общества Иисуса. В октябре 1772 г. в Рим с особым поручением был направлен полномочный посланник Испании Педро Моньино (будущий граф де Флоридабланка)¹⁵⁹. Ему было приказано добиться у папы буллы на упразднение Ордена. 21 июля 1773 года папа Климент XIV под давлением французского и испанского дворов издал указ *Dominus ac Redemptor*, упразднивший Общество Иисуса. Это событие произвело на Клавихеро едва ли не более сильное впечатление, чем изгнание из Новой Испании. Если само изгнание он принял с покорной обреченностью, то упразднение Общества стало в его глазах настоящим преступлением. Клавихеро гордился достижениями Ордена, который, по его словам, «за два века получил больше мучеников в своих миссиях, обратил в христианство больше варварских стран и искоренил для церкви больше ересей, чем все остальные религиозные ордена, вместе взятые за то же самое время»¹⁶⁰.

Итальянский историк Ринальдо Фрольди опубликовал два документа, связанных с этим событием. Первый – речь Клавихеро, произнесенная перед его братьями в Болонье незадолго до упразднения Ордена. Она была наполнена хрупкой надеждой на то, что упразднения удастся избежать. Все несчастья, постигшие Орден, Клавихеро расценивал как испытания, посланные свыше. Он призывал братьев не поддаваться меланхолии и надеяться на лучшее, уповая на милость Господа. Однако местами в тексте все же скользила горечь: «Какая боль, какая тоска была бы видеть, как рушится это благородное здание под ударами

¹⁵⁹ Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испанско-русских отношений. М., 2011. С.429.

¹⁶⁰ Carta de N. sobre el juicio que formará la posteridad de la destrucción de los Jesuitas / Estudio de Frolidi R. // Revista de literatura, LXIII, №126. Madrid, 2001. P. 529.

зависти и клеветы!»¹⁶¹. Этот фрагмент позволяет понять, какие мотивы Клавихеро видел в действиях тех, кто был ответственен за преследования иезуитов. Вторым документом – это письмо Клавихеро, которое было написано приблизительно в 1776 году и предназначалось анонимному адресату¹⁶². Письмо было наполнено разочарованием в эпоху Просвещения. В упразднении Ордена иезуитов мексиканский мыслитель видел упадок всей католической церкви.

Клавихеро не только сам стойко переживал удары судьбы, но и поддерживал своих братьев-иезуитов. В этом ему помогала непрерывная творческая деятельность, результатом которой стали две масштабные исторические работы. Первой была «Древняя история Мексики», материалы для которой Клавихеро начал изучать еще в Новой Испании. Тоска по родине, желание спасти от забвения свою историю, опровергнуть ложные доводы европейских ученых и оставить потомкам серьезный труд мотивировали Клавихеро реализовать задуманное. Помимо его собственных стремлений, большую роль сыграла обстановка, в которой он находился. Наличие доступных документов в итальянских библиотеках, помощь знакомых в поиске материала и свободное время облегчили задачу. Благодаря этим факторам Клавихеро смог накопить достаточно сведений, которые в итоге составили основу его исторической работы. Конечно, он был сильно ограничен в возможностях. Манейро отметил, что «из-за нехватки книг было очень сложно довести до конца столь важную работу на таком расстоянии от Мексики»¹⁶³. Сам Клавихеро писал в посвящении Университету Мехико о том, что он – «человек, обреченный на жалкое существование из-за потрясений», вынужден писать работы, «находясь в

¹⁶¹ Sermón de Francisco Xavier Clavijero dirigido a sus hermanos exiliados en Bolonia en vísperas de la supresión de la compañía de Jesús // Estudio de *Froldi R.* / Bulletin Hispanique, tome 104, № 1. Bordeaux, 2002. P. 189.

¹⁶² См.: Carta de N. sobre el juicio que formará la posteridad de la destrucción de los Jesuitas / Estudio de *Froldi R.* // Revista de literatura, LXIII, №126. Madrid, 2001. Pp. 523-533.

¹⁶³ *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 158.

более чем в 2300 лигах от своей родины, лишенный многих необходимых документов»¹⁶⁴.

Работа была закончена в марте 1778 года. Мечтой Клавихеро было издание текста на испанском языке и признание на родине¹⁶⁵. Изначально оригинал «Древней истории Мексики» был написан на испанском. Однако автор принял решение издать книгу на итальянском. Мексиканская исследовательница Кармен Х. Алехос-Грау полагает, что автор изначально стремился написать работу, предназначенную для прочтения европейцами¹⁶⁶. Сам Клавихеро описывает ситуацию следующим образом: «Ставя основной целью пользу моим соотечественникам, я сначала написал ее [«Древнюю историю Мексики»] на испанском; затем, с подачи некоторых итальянских интеллектуалов, проявивших желание прочитать ее на своём собственном языке, я принялся... [за перевод]»¹⁶⁷. Возможно, решение Клавихеро действительно было обусловлено желанием того, чтобы его работа быстрее распространилась в Европе. Таким образом он смог бы донести до европейцев правдивую, по его мнению, историю своей родины. Благодаря публикации на итальянском языке, «Древняя история Мексики» действительно снискала международное признание.

В 1784 году издатель Антонио Санча собирался опубликовать работу Клавихеро в Мадриде. Он связался с Советом по делам Индий¹⁶⁸, запросил

¹⁶⁴ Clavijero F.J. Historia antigua de México. México, 1974. P. XVII.

¹⁶⁵ См.: Maneiro J.L., Fabri M. Op. cit. P. 163.

¹⁶⁶ См.: Alejos-Grau C.J. El método histórico en Francisco Javier Clavijero (1731-1787). // Qué es la historia de la Iglesia. XVI Simposio Internacional de Teología de la Universidad de Navarra. Pamplona, 1996. P. 734

¹⁶⁷ Clavijero F.J. Historia antigua... P. XVII.

¹⁶⁸ Carta del impresor Antonio de Sancha a Francisco Cerdá Rico, primer oficial de la Secretaría de Indias, pidiéndole su parecer sobre la 'Historia de Méjico' de Clavijero. AHN. Diversas colecciones, 28. N. 48. 2 fol.

лицензию на печать и даже получил ее¹⁶⁹. В официальном заключении утверждалось, что «Древняя история Мексики» - это работа «полезная, очень интересная и достойная публичного обсуждения»¹⁷⁰. Однако национально настроенные испанцы-противники идей Клавихеро помешали публикации, что стало одной из главных причин столь позднего издания испанского варианта работы.

Несмотря на возникшие препятствия для публикации работы на испанском языке, Клавихеро в 1784 году отправил ректору Университета Мехико пятьдесят экземпляров «Древней истории Мексики» на итальянском, сопроводив их письмом¹⁷¹. В нем Клавихеро, с пожеланиями развития науки и процветания вице-королевству, сообщил о публикации своей работы и просил простить ее скромность, ссылаясь на «не слишком благоприятное положение автора»¹⁷². Речь шла, прежде всего, об изгнании и отсутствии доступа к ряду исторических документов. В Генеральном Архиве Нации в Мехико также храниться рукописный перевод одной из частей «Древней истории Мексики», посвященной индейским жертвоприношениям¹⁷³. Он свидетельствует об интересе к работе Клавихеро в Новой Испании, проявленном мексиканскими интеллектуалами еще до того, как книга была переведена на испанский язык.

¹⁶⁹ Licencia de impresión de la traducción del italiano al castellano de la obra "Historia antigua de México..." de Francisco Javier Clavigero, solicitada por el impresor Antonio Sancha. AHN. Consejos. 5548. Exp.10. 5 fol.

¹⁷⁰ Ibid. Fol. 4.

¹⁷¹ Francisco Xavier Clavigero, al Señor Rector y Claustro de la Real y Pontificia Universidad de México, carta en que da razón del envío de 50 ejemplares de la obra Historia Antigua de México, destinados al propio rector, a la librería pública y a los catedráticos de dicha institución. Bolonia, 29 de febrero de 1784. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 4000-4999. Caja 4429. Exp. 039. Fol. 1-4.

¹⁷² Ibid. Fol. 2.

¹⁷³ Traducción literal hecha a la obra Historia de México de Francisco Xavier Clavigero, del tomo 2 páginas 45 a 48, sobre el sacrificio común de las víctimas humanas. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 2000-2999. Caja 2301. Exp. 014.

Следующей работой Клавихеро, которую высоко оценивают современные исследователи, стала «История древней или нижней Калифорнии»¹⁷⁴. Мексиканский мыслитель никогда не был в Калифорнии. Он познакомился с калифорнийскими миссионерами уже будучи в изгнании. Там же он прочитал заметки Мигеля дель Барко и Лукаса Вентуры¹⁷⁵. Клавихеро начал работу над книгой по просьбе новых знакомых, которые хотели защитить корпоративную честь иезуитов от нападок своих противников¹⁷⁶. «История древней или нижней Калифорнии» состоит из четырех книг. Первая описывает природу региона и жизнь ее древних обитателей, вторая повествует о попытках Кортеса и других конкистадоров завоевать эти территории, а третья и четвертая посвящены преимущественно миссионерской деятельности католических орденов в этом регионе.

Последней полноценной и завершенной работой Клавихеро стало «Краткое сообщение об удивительном и прославленном образе Девы Марии Гваделупской из Мексики»¹⁷⁷. Она была опубликована в Чезене в 1782 году. В сообщении Клавихеро рассказал о явлении Девы Марии, развитии культа и о чудесах, которые происходили благодаря ей. В 1783 году мексиканский мыслитель составил отдельный сборник правил грамматики языка науатль, который долгое время хранился в архивах, и был опубликован лишь в 1974 году в Мексике¹⁷⁸. Эта

¹⁷⁴См.: *Clavijero F.J.* Historia de la antigua o baja California. México, 1852. 123 p.

¹⁷⁵См.: *González L.* Un mexicano en Europa // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_28_ (дата обращения: 14.05.2018).

¹⁷⁶ См.: *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, №14. México, 2008. P. 403.

¹⁷⁷ См.: *Clavigero F.S.* Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. Cesena, 1782. 39 p.

¹⁷⁸ См.: *Tanck de Estrada D.* Clavigero: defensor de los idiomas indígenas frente al desprecio europeo // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_16.html#I_2_ (дата обращения: 14.05.2018).

книга, которая до сих пор остается чрезвычайно полезной для всех, кто изучает науатль, является еще одним свидетельством широкого круга интересов ее автора.

Одной из последних работ, которую Клавихеро, по-видимому, не успел завершить, была церковная история Мексики. Лоренсо Эрвас Пандуро подтвердил, что за год до своей смерти Клавихеро сказал ему, что почти закончил «Географическую и церковную историю Мексики»¹⁷⁹. Биограф мексиканского мыслителя Феликс де Себастьян также упомянул о неоконченной работе, посвященной «людям, выделяющимся своими добродетелями»¹⁸⁰. По словам биографа, она «могла бы стать гордостью испанской нации»¹⁸¹. Однако автор не смог завершить ее поскольку по причине тяжелого заболевания. Болезнь урологического характера развивалась постепенно, и, в конце концов, Клавихеро не смог работать с книгами. Уже будучи прикованным к постели, он получил письмо из университета Мехико с признанием его работы и его заслуг перед родиной¹⁸². После продолжительной и тяжелой болезни Клавихеро скончался 2 апреля 1787 года в возрасте 55 лет. Он был захоронен в церкви Святой Люции в Болонье. В 1970 году останки мыслителя были возвращены на родину и ныне покоятся в Ротонде выдающихся деятелей в Мехико.

Подводя итог главы, следует отметить, что творческая «лаборатория» Клавихеро начала формироваться в период его пребывания в Новой Испании. Однако уже будучи в изгнании, несмотря на отсутствие доступа ко многим источникам, мексиканский мыслитель написал свои ключевые исторические труды. На него оказала большое влияние интеллектуальная атмосфера Италии и тесное общение с другими иезуитами-изгнанниками, прибывшими не только из

¹⁷⁹ См.: Cuevas M. Prólogo // *Clavijero F.J. Historia antigua de México*. México, 1974. P. XII.

¹⁸⁰ *Sebastian F. de, S. J.* Op. cit. P. 48.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 48.

¹⁸² См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 171-172.

Латинской Америки, но и из европейских стран. Исходя из этого, можно выделить два основных периода творчества Клавихеро – новоиспанский и итальянский.

Клавихеро не сразу стал историком. Первый период своей творческой деятельности он посвятил преимущественно философии. Однако история заинтересовала его еще в детстве, благодаря влиянию отца и иезуитов-мыслителей, с которыми он познакомился, вступив в Общество Иисуса. Став послушником Ордена, Клавихеро занялся поиском и изучением документов, связанных с доколумбовым прошлым Новой Испании, а попав в Италию и познакомившись там с работами европейских интеллектуалов, мексиканский мыслитель получил дополнительный стимул для написания собственных исторических трудов.

Глава 2. Историософия Ф.Х. Клавихеро

Цель данной главы – определение историософских взглядов Клавихеро.

В первом параграфе рассматриваются магистральные интеллектуальные течения второй половины XVIII века, а также развитие традиции историописания региона и концепции мыслителей, повлиявших на исторические взгляды Клавихеро. Во второй половине XVIII века в Новой Испании наступил период расцвета научного знания. Формировавшаяся мексиканская наука стала приобретать характерные черты в результате длительного процесса укоренения и адаптации европейского знания на латиноамериканской почве. Для понимания интеллектуальной атмосферы, установившейся в вице-королевстве в указанный период, в параграфе обращается внимание на ключевые категории эпохи мексиканского Просвещения.

Второй параграф посвящен исторической концепции Клавихеро на примере его ключевой работы – «Древняя история Мексики». Внимание уделяется основным составляющим исторической концепции мексиканского мыслителя: его методу, работе с источниками, видению истории, а также оценке отдельных исторических событий. Помимо этого, разбирается вопрос об участии Клавихеро в Полемике о Новом Свете.

2.1. Интеллектуальная традиция как фактор формирования исторической концепции Ф.Х. Клавихеро

Историософские взгляды Клавихеро сформировались в своеобразной интеллектуальной среде Новой Испании, которая определялась сосуществованием и взаимовлиянием разнообразных интеллектуальных традиций. Ключевыми из них в сфере философского знания являлись новая европейская философия и традиционная схоластика. Под новой философией в данном диссертационном исследовании понимаются философские идеи, возникшие в Европе в раннее Новое время. XVII век стал апогеем научной революции. В основу нового мировоззрения легла идея о том, что окружающий мир, вне зависимости от того, сотворен он Богом или нет, развивается согласно определенным физическим законам¹⁸³. И если человек не был способен понять замысел Творца, то, по крайней мере, он мог познать эти законы, используя в качестве инструмента собственный разум. В основу познания легли наблюдение и опыт. Научная революция принесла с собой механистическую картину мира, идею прогресса и отказ от безоговорочного признания авторитетов. Наука сделала скачок вперед в XVII столетии, но XVIII век стал процессом ее трансформации: научное знание, до этого доступное узкому кругу лиц, стало активно распространяться и захватило умы многих людей.

Просветители были поклонниками новой философии. При этом они не просто задумались о методах, с помощью которых научное знание могло бы принести пользу обществу, но и написали новую историю науки, в которой увидели плод усилий общества и человека¹⁸⁴. Также следует отметить, что знание эпохи Просвещения было по своей природе синтетическим, поскольку различные

¹⁸³ Бовыкин Д.Ю. Научная революция // Всемирная история. Т.3. Мир в раннее новое время. М., 2013. С. 82

¹⁸⁴ Ферроне В. Наука // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 349.

области знания были тесно связаны между собой и еще не оформились в самостоятельные научные направления. Деятелей Просвещения в равной степени интересовали история, социальные проблемы и физические законы, которым подчинялся окружающий мир.

Просветители верили в возможности человека и реабилитировали человеческую природу, освобождая ее от проклятия первородного греха. Ключевые категории эпохи Просвещения, такие как «разум», «человечность» или «общественная польза», наднациональные по своему характеру, выступили в качестве замены христианских ценностей¹⁸⁵. При этом произошло столкновение универсализма философских идей и замкнутости национальных запросов, что породило полемику об отношениях между людьми, об общечеловеческих ценностях и политических стремлениях.

В эпоху Просвещения произошла историографическая революция. История перестала быть «развлечением для эрудитов»¹⁸⁶. Отныне прошлое должно было излагаться скрупулёзно и с позиций критики. Профессиональный уровень историков возрос, их понимание истории стало более глубоким. Они начали связывать историю с социальными проблемами их современности. Просветители задались вопросами о смысле и ценности истории, ее роли в системе научного знания, а также ее пользе для общества¹⁸⁷. История превратилась в опору для социальных преобразований, а также в инструмент национальной интеграции. Теперь через историю происходило познание национального характера, достоинств и пороков общества.

¹⁸⁵ *Фрейхоф В.* Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 35.

¹⁸⁶ *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. T. III. Del barroco a la Ilustración (siglos XVII y XVIII). Madrid, 1981. P. 764

¹⁸⁷ *Maravall J.A.* Estudios de la historia del pensamiento español (siglo XVIII). Madrid, 1991. P. 115.

Метрополия оказывала большое влияние на общественную мысль Новой Испании. Новое научное знание начало активно распространяться в Испании в первой половине XVIII века. Его влияние было столь сильным, что оно проникло даже в самые консервативные среды. Более того, испанские иезуиты, фактически, стали проводниками этой новой философии¹⁸⁸. Эпоха Карла III стала периодом расцвета, когда реформы в науке и образовании исходили сверху, от испанских государственных деятелей, так называемых «просвещенных» министров – П.Аранды, П. Кампоманеса, Х. Флоридабланки, М.Роды и других. Основные характеристики испанского Просвещения – энциклопедизм, критицизм, индивидуалистский оптимизм и просветительство – в целом совпадали с общими характеристиками европейского Просвещения. Однако в отличие от мыслителей других европейских стран той эпохи, превозносивших разум, испанские просветители восхваляли культуру как инструмент преобразования, «перевоспитания» общества¹⁸⁹. Культура с этой точки зрения понималась как полезное знание, а потому во главу угла ставились естественно-научные, прикладные дисциплины. Ещё одной отличительной особенностью испанского Просвещения стала его опора на особый социальный субстрат, состоявший из аристократов среднего и низшего уровней, для которого, при этом, было характерно «буржуазное» мышление. Буржуазный характер испанского Просвещения подразумевал не социальную, а интеллектуальную среду.

В Новой Испании второй половины XVIII века сохранялись препятствия для распространения новых европейских научных идей. Помимо «естественного» препятствия – удаленности от метрополии и Европы – существовали преграды, связанные с цензурными практиками. Еще с XV века в ведении Священного Трибунала находился очень широкий круг вопросов, поскольку религия в раннее Новое время определяла нормы права и социальный статус, а, следовательно, и

¹⁸⁸ *Abellán J.L.* Op. cit. P. 524.

¹⁸⁹ *Ibid.* P. 473.

повседневную культуру. Инквизиторы занимались делами иноверия, ереси, преступлениями канонического права, духовной цензурой, контролем над содержанием образовательных программ и другими сферами. Книжная цензура и в метрополии, и в колониях была прерогативой церкви и государства. Кроме того, ввоз книг в колонии был королевской монополией, что повышало стоимость книжной продукции. Колониальных типографий было мало, а бумага была очень дорогой. Таким образом, даже разрешенные церковью сочинения европейских авторов были труднодоступны, не говоря уже о сомнительных или запрещенных трудах. Согласно официальным таможенным документам, мексиканцы почти не были знакомы с европейскими научными сочинениями XVII века, однако эта информация, по мнению Элиаса Трабульсе, не отражает достоверной картины¹⁹⁰. Личные библиотеки, собрания документов и работы мексиканских мыслителей XVII века свидетельствуют об обратном. Книги проникали на континент, прежде всего, путем контрабанды.

Многие члены латиноамериканского духовенства, включая епископов, вносили свой вклад в Просвещение в сфере теологии и философии, естественных наук и медицины¹⁹¹. Мексиканский мыслитель XVII века Карлос Сигуэнса-и-Гонгора завещал свое тело для медицинского исследования, а некоторые мексиканские авторы первой половины XVIII века открыто писали о философии Нового времени. Можно утверждать, что движущей силой латиноамериканского Просвещения были сами представители католической церкви. Среди них особенно выделялись иезуиты, поддерживавшие интеллектуальные связи между Европой и Америкой. У членов Ордена иезуитов было больше возможностей получить доступ к европейским книжным новинкам, поскольку они не подчинялись светским властям. Членство в Ордене облегчало получение

¹⁹⁰ См.: *Trabulse E.* Los orígenes de la ciencia moderna en México (1630-1680). México, 1992. P. 92-93.

¹⁹¹ См.: *Tarragó F.R.* Science and religion in the Spanish American Enlightenment // *The catholic social science review*. Num. 10. Steubenville, 2005. P. 192.

разрешения на чтение сочинений, включенных в Индекс запрещенных книг. Мексиканский биограф Беристайн де Соуса указывал, что Клавихеро изучал философов Нового времени тайно, поскольку «среди мексиканских иезуитов в середине XVIII века все еще считалось опасным для чистоты религии чтение подобных книг»¹⁹². Однако известно, что с новой философией Клавихеро познакомился именно благодаря своим собратьям из Общества Иисуса и доступу к библиотекам иезуитских коллегий. Таким образом, Орден представлял собой особую интеллектуальную среду, в которой было больше возможностей для освоения новых философских идей.

Перечисленные выше факты свидетельствовали скорей не о постепенном ослаблении цензуры в Испанской империи, а об изменении ее характера. На первый план вышла идеологическая составляющая. Наиболее отчетливо эти изменения проявились после 1755 года¹⁹³. На основанную в 1738 году в Испании Королевскую Академию Истории были возложены обязанности, которые ранее выполняли официальные хронисты Индий. Академия ревностно оберегала полученные полномочия цензора исторических работ. Со стороны испанских властей в отношении трудов по истории Индий была выработана четкая позиция. 7 февраля 1762 года был издан доклад Мануэля Пабло де Сальседо, чиновника Королевского совета Индий, посвященный тому, как следует писать историю Нового Света. Прежде всего, рекомендовалось при выборе между социальной и естественной историей отдавать предпочтение последней, как знанию, полезному для нужд торговли и правительства¹⁹⁴. Не рекомендовалось писать общую Историю Индий, ее следовало делить на периоды и заниматься каждым из них по

¹⁹²*Beristain de Souza J.M.* Biblioteca hispanoamericana setentrional. T.I. Seg. ed. México, 1883. P. 313.

¹⁹³См.: *Torre Revello J.* El libro, la imprenta y el periodismo en América durante la dominación española. México, 1991. Pp. 68-69.

¹⁹⁴См.: Informe del fiscal del Consejo de Indias D. Manuel Pablo Salcedo: sobre el método que ha de seguirse para escribir la historia de Indias (5 de febrero de 1762) / Estudio de *Chacón y Calvo J.M.* // Boletín de la Biblioteca Menéndez Pelayo. Núm.2. 1932. México, 1932. P. 309.

отдельности. История, по мнению Сальседо, - «это зеркало прошлого и ожидание будущего»¹⁹⁵. Она должна была излагаться ясно и быть упорядочена. Авторы должны были опираться на источники. Этот документ появился в тот период, когда Испания участвовала в Семилетней войне, главным ее соперником была Англия, а основным театром военных действий стали колонии и Карибский бассейн. В тот период идеологическая составляющая была как никогда важна для Испании. История стала инструментом обоснования испанского господства в заморских колониях, призванным приносить пользу государству.

В 1764 году Священный Трибунал Мехико запретил чтение трудов Вольтера и Руссо, даже тем духовным лицам, которые имели на это разрешение¹⁹⁶. Однако это запоздалое решение не только не могло препятствовать давно начавшемуся процессу распространения нового знания, но и не могло повлиять на новые течения общественно-политической мысли в латиноамериканских колониях. Запрещенные работы европейских философов, таких как Руссо, Локк, Монтескье и Вольтер, продолжали храниться в частных библиотеках Новой Испании¹⁹⁷. Эти частные библиотеки, постоянно пополнявшиеся книгами, в том числе благодаря контрабанде, внесли первичный вклад в процесс распространения новых философских идей.

Таким образом, в Новой Испании во второй половине XVIII века на передний план вышла духовная и идеологическая цензура. Под запрет попадали труды, содержавшие наиболее радикальные и «вредные» с точки зрения испанских властей идеи. Несмотря на это, процесс укоренения нового научного

¹⁹⁵ Ibid. P. 317.

¹⁹⁶ См.: *Saldaña J.J.* Ilustración, ciencia y técnica en América // *La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica.* Madrid, 1995. P. 26.

¹⁹⁷ См.: *Gómez Álvarez C.* Libros, circulación y lectores: de lo religioso a lo civil, 1750-1819 // *Transición y cultura política. De la Colonia al México independiente.* México, 2004. P. 36.; О наличии черного рынка запрещенных книг см. также: *Saladino García A.* Libros científicos del siglo XVIII latinoamericano. México, 1998. P. 69.

знания, почва для которого уже была подготовлена, пошел еще быстрее. Более того, Церковь и колониальные власти отчасти поддерживали его, ставя при этом определенные условия и ограничения в собственных интересах.

1630-1680 годы – это начальный период проникновения нового европейского научного знания в вице-королевство. В 1637 году в Университете Мехико появилась кафедра математики и астрономии¹⁹⁸. Новые подходы и методы были связаны, прежде всего, со сферой естественных наук. Не было свидетельств того, что в Священный Трибунал в XVII-XVIII веках преследовал мексиканских авторов, занимавшихся естественными науками с использованием достижений европейских ученых¹⁹⁹. Возвращаясь к синтетической природе знания эпохи Просвещения, следует отметить, что деление на социальную и естественную отрасли в данном случае условно, поскольку строгое оформление этих двух ветвей произошло гораздо позже. Однако для задач диссертационного исследования среди многообразия интересов деятелей мексиканского Просвещения наиболее значимыми представляются философия и история.

Распространение философии Нового времени в Новой Испании шло медленно и являлось результатом трудов нескольких поколений. Это был переход от индивидуального интереса к коллективному. Одними из первых среди мексиканских мыслителей XVII столетия, заинтересовавшихся идеями европейских философов, были Гийен де Лампарт, Мельчор Перес де Сото и Диего Родригес²⁰⁰. Поскольку церковь имела огромное влияние в Латинской Америке, картезианский материализм не получил в ней широкого распространения. Кроме того, научной деятельностью занимались в основном представители духовенства.

¹⁹⁸Trabulse E. Los orígenes de la ciencia moderna en México (1630-1680). México, 1992. P. 158.

¹⁹⁹Ibid. P. 154.

²⁰⁰См.: Saldaña J.J. Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. P. 36.

Во многом благодаря этому латиноамериканское Просвещение приобрело собственные оригинальные черты. Существенное влияние также оказала традиция испанской и колониальной гуманистической мысли. Если европейский гуманизм был ответом схоластике, переживавшей упадок, то мексиканский гуманизм вырос на основе схоластики, признавшей природу человека и открывшейся новому знанию²⁰¹. Мексиканский гуманизм был связан с социальной ситуацией в колонии и был своеобразным ответом колониализму.

Самым влиятельным и многочисленным католическим орденом в Новом Свете был Орден иезуитов, члены которого составляли большую часть преподавательского состава колониальных учебных заведений. Реакция на новую философию в иезуитской среде была различной: некоторые члены Ордена отвергали ее полностью, другие пытались сочетать с аристотелевской философией, традиционно преподаваемой в коллегиях. К последним относился и Клавихеро.

Клавихеро познакомился с философией Нового времени благодаря трудам испанского мыслителя, бенедиктинца Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро (1676-1764). Фейхоо оказал большое влияние не только на испанских, но и на латиноамериканских авторов. Его работа «Универсальный критический театр, или речи о материях всякого рода, разоблачающие всеобщие заблуждения» (8 т., 1726-1739) неоднократно переиздавалась. Фейхоо отстаивал достижения философии рационализма, критиковал суеверия, а также сословные и расовые предубеждения. Обратившись к понятию «нация», он следовал традиции XVII века, описывая в качестве атрибутов национальной общности природную среду,

²⁰¹См.: *Carmen Rovira Gaspar M.del.* Filosofía y humanismo. La obra de los jesuitas criollos mexicanos // *Revista de hispanismo filosófico*. Núm. 14. Madrid, 2009. P.20; О гуманизме и индихенизме в Новой Испании см.: *Velasco Gómez A.* Humanismo hispanoamericano // *Revista de hispanismo filosófico*. Núm.13. México, 2008. Pp. 13-30.; *Villoro L.* Los grandes momentos del indigenismo en México. México, 1996. 303 p.

характер, язык, религию и обычаи²⁰². Однако в отличие от своих предшественников, Фейхоо считал, что национальный характер определяется климатом. Фейхоо критиковал представления об исключительности испанской нации и трактовал патриотизм не просто как чувство, а как действия во благо сообщества. Испанский исследователь Карлос Беорлеги определил Фейхоо как ученого, занявшего место между «новаторами», ему предшествовавшими, и «просветителями», появившимися вслед за ним²⁰³. Отнести его к той или другой группе, по мнению Беорлеги, не представляется возможным. Фейхоо открыто заявлял, что Декарт и Гассенди превзошли Аристотеля в сфере естественных наук²⁰⁴. Испанский мыслитель также стал одним из участников первого витка полемики о Новом Свете, о которой будет сказано чуть позже.

Среди современников большое влияние на Клавихеро в разработке его курса философии оказал Франсиско Хавьер Алегре (1729-1788). Алегре был сторонником эклектики в своем философском подходе. Он изучал научные работы разных авторов, но не являлся сторонником какого-то конкретного направления в науке. Клавихеро и Алегре поддерживали интеллектуальную переписку. В 1764 году Клавихеро был назначен на должность преподавателя философии в коллегии Святого Франциска в Вальядолиде. В этот же период он обратился к Алегре с вопросом о его курсе философии. В ответном письме Алегре извинился, что не смог отправить Клавихеро рукопись, но описал ему основные составляющие своего курса²⁰⁵. По традиции курс включал две части: *Phisica General* и *Phisica Particular*. В письме Алегре указал авторов, на работы которых он опирался. Среди них были Декарт, Мопертюи, Нолле и Мальбранш. Однако

²⁰² Юрчик Е.Э. представления о нации и национальное сознание в Испании // Национальная идея в Западной Европе в новое время / отв. ред. Бондарчук В.С. М., 2005. С.262.

²⁰³См.: *Beorlegui C. Benito Jerónimo Feijoo // El pensamiento filosófico latinoamericano, del Caribe y "latino" (1300-2000): historia, corrientes, temas y filósofos. México, 2009. P. 732.*

²⁰⁴См.: *Feijoo B.J. Teatro crítico universal. T. III. (1729). Madrid, 1777. Pp. 187-223.*

²⁰⁵См.: *Carta de F.X. Alegre. Queretaro. 2 de octubre de 1764// Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. P. 323-324.*

сам Алегре подчеркнул, что выбрал те идеи, которые казались ему наиболее верными, и, фактически, рекомендовал Клавихеро самому ознакомиться с работами перечисленных авторов, чтобы составить собственное представление о них. Алегре, в свою очередь, консультировался с Клавихеро по вопросам истории. В своем письме от 12 февраля 1765 года он благодарил Франсиско за присланные ему заметки о францисканском монахе и миссионере Васко де Кирогe (1470-1565)²⁰⁶. Клавихеро также отправил Алегре рукопись биографии Кирогe, написанной Хуаном Хосе Морено, с просьбой одобрить работу. Алегре вежливо отказался, ответив, что автор заслуживает одобрения более достойной персоны²⁰⁷.

В переписке с Клавихеро Алегре упомянул примечательный момент, относящийся к вопросу о цензуре. Он указал, что его работа (по-видимому, речь шла о «Хронике провинции Ордена иезуитов») находится в руках квалификаторов, и отметил следующее: «Но цензоры, полагаю, читают по странице в месяц, и Бог знает, если, найдя время или план, скажут еще, что я кальвинист...»²⁰⁸. Таким образом, Алегре сетовал на медлительность цензуры и консерватизм квалификаторов.

Когда Клавихеро составил собственный философский курс, он поделился своими идеями с Алегре. Тот рекомендовал ему исключить все неоспоримые вещи и обратить внимание на спорные вопросы. Алегре уверял Клавихеро, что нужно избавиться от страха перед всем новым: «Цитировать Аристотеля и отрицать в каждом моменте все противоречащие суждения – похоже на пустую

²⁰⁶См.: Carta de F.X. Alegre. México. 12 de enero de 1765 // *Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939-1940. P. 325.

²⁰⁷См.: Carta de F.X. Alegre. México. 28 de setiembre de 1765 // *Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939-1940. P. 326.

²⁰⁸ *Ibid.* P. 326.

трату денег, и можно истолковать как притворство...»²⁰⁹. Эта переписка позволяет сделать вывод о том, что накануне изгнания в среде иезуитов-мыслителей остро стоял вопрос об отношении к новым научным идеям. Игнорировать эти идеи уже было нельзя, однако границы, которые они не должны были переходить, еще не были четко установлены.

Дошедшая до нас *Phisica Particularis*, написанная Клавихеро, наглядно раскрывает попытки автора примирить старое и новое знание. Одна из частей работы посвящена космогонии. Клавихеро изучил три варианта: систему Птолемея, Коперника и Тихо Браге, и признал их все несостоятельными. Рассмотрев систему Птолемея, Клавихеро сделал следующее заключение: «после точнейших наблюдений современных астрономов и философских опытов уже нет никого, кто бы осмелился защищать ее, за исключением некоторых перипатетиков, игнорирующих астрономию и физику»²¹⁰. Точно так же Клавихеро отказался от системы Тихо Браге, поскольку она не совпадала с данными астрономии и физики. Однако главным аргументом против гелиоцентрической системы стало то, что она «противоречит Священному Писанию»²¹¹. В случае с Коперником Клавихеро апеллировал к авторитету Церкви, отодвинув рациональные аргументы на второй план. Таким образом, автор одновременно применил два совершенно разных подхода в доказательстве. При этом следует отметить, что аргументы религиозного характера, которые привел в своей работе Клавихеро, были для него важнее, чем научные. Мексиканский историк Бернабе Наварро высказал предположение, что для Клавихеро существовало два уровня философской деятельности: публичный, в котором он не осмеливался подрывать авторитет Церкви, и личный, в котором

²⁰⁹ Carta de F.X. Alegre. Sin fecha // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. México, 1939-1940. P. 334.

²¹⁰ Clavijero F.J. De la Física Particular // Filósofos mexicanos de siglo XVIII. México, 1995. P. 139.

²¹¹ Ibid. P. 142.

главной целью становился поиск правды²¹². Идея Наварро привлекательна, однако однозначно высказаться по этому поводу сложно, поскольку для изучения доступны источники, в которых нашел отражение лишь публичный уровень философской деятельности Клавихеро.

Коллега Наварро, мексиканский историк Маурисио Бешо назвал Клавихеро «модернизированным схоластом»²¹³. В своих работах Франсиско не порывал окончательно с традиционными взглядами, но уже использовал рациональные аргументы и апеллировал к опыту. По сути, *Phisica Particularis* Клавихеро – это смесь традиционного аристотелизма и философии Нового времени. Используя новые философские идеи, он попытался обновить традиционную схоластическую философию. По этой причине некоторые авторы относят Клавихеро к так называемому «христианскому Просвещению»²¹⁴. Франсиско и его коллеги, осознав важность нового знания, пытались показать, что аристотелевская философия может гармонично сосуществовать с философией Нового времени. Представители этого направления видели благополучное будущее Церкви и Ордена в примирении новых философских концепций с католическими традициями. В плане теологии современные авторы обнаруживают в работах Клавихеро скрытую борьбу с янсенизмом²¹⁵.

Можно предположить, что Клавихеро, как человек, интересовавшийся философскими трудами современников, находился под давлением противоречий. Новые взгляды зачастую не совпадали с христианским учением. Однако Марсела Суарес полагает, что мексиканский мыслитель «прекрасно вписался в философию

²¹² См.: *Navarro B.* *Filosofía y cultura novohispanas.* México, 1998. P. 244.

²¹³ *Filósofos mexicanos de siglo XVIII / Introd., selec. y notas de Beuchot M.* México, 1995. P. XXVII.

²¹⁴ *Ronan Ch. E.* *Op. cit.* P. 47; Об истории христианской философии в Мексике см.: *Sanabria J.R., Beuchot M.* *Historia de la filosofía cristiana en México.* México, 1994. 375 p.

²¹⁵ См.: *Díaz Ávila A.* *Francisco Javier Clavijero // El entrecruce de la racionalidad en el siglo XVIII novohispano: tradición, modernidad y ética / coord. Esquivel Estrada N. H., Díaz Ávila A.* México, 2014. Pp. 157-168.

эпохи Просвещения», познавая человека через историю²¹⁶. На основе анализа философских взглядов Клавихеро можно сделать вывод, что мексиканский мыслитель попытался найти баланс между рациональными и традиционным, схоластическими установками, примирить старое и новое знание в своем исследовательском подходе, что ему, очевидно, удалось.

Следующий шаг в мексиканской философии сделал Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745-1783). Как и многие видные деятели мексиканского Просвещения, он учился в коллегии Святого Ильдефонсо. Приступив к преподавательской деятельности, он переработал традиционный курс философии, преподаваемый в мексиканских образовательных заведениях. В своей работе *Elementa recentioris philosophiae* (1774) он критиковал метод, которым руководствовались в иезуитских коллегиях, преподавая схоластику. Диас де Гамарра предложил свой вариант эклектической философии, суть которой заключалась в сочетании традиционных аристотелевских идей, на которых базировалась схоластика, и идей европейских мыслителей XVII-XVIII веков. Попытки создать такой философский курс, как уже отмечалось выше, были сделаны еще мексиканскими иезуитами. Как и Клавихеро, Диас де Гамарра признавал авторитет Церкви в решении метафизических вопросов. К примеру, в естественных науках он рекомендовал «ту свободу, которая ни в чем не отталкивает церковь и ее догмы»²¹⁷. Но по сравнению с Клавихеро Диас де Гамарра сделал шаг вперед, поскольку принял систему Коперника в качестве гипотезы для объяснения физических процессов. Сильное влияние на Гамарру оказал Лудовико Антонио Муратори (1672-1750). Придворный библиотекарь и архивист герцогов Моденских, Муратори соединил в своих трудах догматическую ортодоксию с требованиями разумного, умеренного

²¹⁶*Suarez M. Clavijero en la filosofía de la historia // Tempus. Revista de Historia de la facultad de Filosofía y Letras. № 2. México, 1993. P. 127.*

²¹⁷*Díaz de Gamarra J.B. Tratados. México, 1995. P. 154.*

обновления общества, основанными на раннехристианских идеалах²¹⁸. Опираясь на работу Муратори, Гамарра объяснил все внутренние противоречия космогонии тем, что нельзя понимать буквально все, что сказано в Священном Писании. В целом его философский дискурс поддерживал рационалистическую европейскую модель мышления.

Таким образом, философия Нового времени слабым ручейком проникла в испанские колонии еще в XVII веке, и к концу XVIII столетия превратилась в настоящий поток. Если Клавихеро и его коллеги-иезуиты пытались сочетать традиционную и новую философию, то у Диаса де Гамарры последняя уже преобладала. Справедливым будет отметить, что сосуществование разных научных парадигм было характерно и для Европы того времени. Однако, как подчеркнул Бешо, схоластика продолжала оставаться устойчивой основой для подавляющего большинства мексиканских мыслителей вплоть до начала XIX века²¹⁹. В этом состояла главная особенность мексиканской философии в указанный период.

Развитие научного знания сопровождалось изменениями в подходах к образованию. В общих библиотеках иезуитских коллегий не трудно было найти работы европейских философов, но вывести полученное знание в аудитории было проблематично. Идея о популяризации нового мировоззрения и нового отношения к миру являлась элементом просветительской практики. Одним из первых представителей мексиканского Просвещения, попытавшихся познакомить своих учеников с новым философским знанием, был иезуит Диего Хосе Абад (1727-1779), хотя многие исследователи считают его философом старой школы²²⁰.

²¹⁸ Дель Негро П. Италия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С.446.

²¹⁹ Beuchot M. Filosofía y ciencia en el México dieciochesco. México, 1996. P. 61.

²²⁰ См.: Filósofos mexicanos de siglo XVIII/ Introd., selec.y notas de Beuchot M. México, 1995. P. XIII.

Клавихеро и его коллега Хуан Бенито Диас де Гамарра были одними из первых иезуитов, целенаправленно занявшихся созданием образовательного курса по философии, включавшего идеи европейских авторов раннего Нового времени и философов-современников. Клавихеро и Гамарра написали философские трактаты ознакомительного характера, основанные на принципе эклектики – сочетания традиционной схоластики и новых философских идей. По мнению Ронана, верхи Ордена не препятствовали деятельности Клавихеро и его коллег, занимавшихся образованием²²¹. Напротив, они выступали за внедрение нового научного знания, при условии, что оно будет встроено в традиционную аристотелевскую концепцию.

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что в результате столкновения традиционных и новых идей, философия, преподаваемая в мексиканских коллегиях, приобрела эклектические черты. Аристотелевская философия дополнялась идеями философов Нового времени, которые подавались как одно из возможных объяснений законов природы. Изгнание иезуитов положило конец этим попыткам примирить старую и новую философию. Однако они дали толчок движению, широко развернувшемуся впоследствии: настоящему расцвету научного знания в Новой Испании. В плане философии он означал переход от просвещенной схоластики к зрелой философии Нового времени.

Историография эпохи Просвещения, изучавшая мексиканские древности, была наследницей историографии XVI-XVII веков, посвященной доколумбовым культурам. Эти хроники, казалось, угасли в первой половине XVIII столетия, но в середине века данное направление снова вызвало живой интерес. Историческая тематика обрела огромную популярность. Во второй половине XVIII века в вице-

²²¹ См.: *Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731-1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara, 1993. P. 53.*

королевстве было в три раза больше историков, чем в первой²²². Если историки первой половины XVIII столетия были все еще религиозными хронистами, то во второй половине века появились исследователи, интересовавшиеся светской историей. Наметилась тенденция секуляризации истории. В работах появилась рациональная критика. Авторы стали уделять особое внимание источникам.

В XVII - первой половине XVIII века в историографии Новой Испании преобладали провинциальные хроники религиозных орденов. Их авторы, оставив в прошлом интерес к природе индейца, обратились к традициям и верованиям коренного населения для того, чтобы продемонстрировать их несостоятельность и заблуждения. Ключевой характеристикой исторического подхода предшественников Клавихеро являлся провиденциализм. Среди авторов, на которых опирался Франсиско, наиболее ярко идея Божественного Провидения как движущей силы истории проявилась у историка-францисканца Хуана де Торквемады (1557-1624). Торквемада, испанец по происхождению, приехал в Новую Испанию еще в юности и прожил там до самой смерти. В 1614 году в Мадриде был опубликован его труд «Индийская монархия». Опираясь на работы ранних авторов, таких как Андрес де Олмос, Мотолиния, Диего Дуран, Бернардино де Саагун и других, Торквемада создал сборник по истории и традициям коренного населения. Как и его предшественников, Хосе де Акосту и Бартоломе де Лас Касаса, Торквемаду интересовала проблема природы индейца. Британский историк Дэвид Брэдинг обратил внимание читателей на дуализм в работе Торквемады²²³. Этот францисканец одним из первых провел аналогию между цивилизацией ацтеков и древнеримской цивилизацией. Но его история носила ярко выраженный церковный характер. Религия и обряды индейцев были представлены в ней как результат влияния дьявола. Исходя из этих предпосылок,

²²²См.: *Moreno de los Arcos R.* Los historiadores ilustrados novohispanos // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 540.

²²³См.: *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 26.

Конкиста расценивалась Торквемадой как божья кара и соответствующее очищение для индейцев. Она символизировала восстановление позиций Церкви после Реформации. Поэтому в труде Торквемады конкистадоры предстали перед читателем первопроходцами, проложившими путь настоящими основателям Новой Испании – монахам-миссионерам. Большое количество частей, на которые разделена работа, посвящено их деятельности в вице-королевстве²²⁴. Используя эту риторику, Торквемада прочно связал колониальное общество с Церковью. В подобной трактовке Конкиста представлялась актом Божественного Провидения, которое указало язычникам путь к спасению через приобщение к истинной вере. Если гибель Рима под мечом варваров была Божественным возмездием, то через завоевание Нового Света явилась и Божья кара, и Божественная милость, ведь завоевателями были христиане, которые исполняли святую миссию обращения язычников. Авторы, придерживавшиеся данной точки зрения, обосновывали тем самым цивилизаторскую миссию церкви. Однако его библейский взгляд на историю древних мексиканцев препятствовал на тот момент признанию ценности индейского прошлого. Это произошло позже, уже в XVIII веке, когда мексиканские авторы начали избавляться от провиденциализма.

Некоторые критики вменяли в вину Клавихеро плагиат работы Торквемады. Клавихеро действительно высоко оценивал работу своего предшественника, назвав ее наиболее полной из всех опубликованных до его времени²²⁵. Отдельно он обратил внимание на то, что Торквемада собрал большое число индейских рисунков, и его история была написана с уважением к мексиканским древностям. Однако, по мнению Клавихеро, несмотря на многие

²²⁴См.: *Torquemada J.de. Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblaciones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la misma tierra* (1615). Vols. V-VII. Libros 15-21. México, 1975.

²²⁵*Clavijero F.J. Historia antigua de México. México, 1974. P. XXX.*

преимущества, Торквемаде не хватало «памяти, критики и вкуса»²²⁶. В его истории Франсиско увидел много противоречий, в том числе хронологических, а также осудил излишнюю эрудицию, подразумевая обилие ненужных фактов. Клавихеро сетовал, что был вынужден, изучая труд Торквемады, делать то же, что и Вергилий с трудами Энния - «искать жемчужины в навозе»²²⁷. В 1698 году францисканец Августин Бетанкур (1620-1700) опубликовал свою работу по истории под названием «Мексиканский театр». По мнению Клавихеро, работа Бетанкура была не более чем «подборкой из Торквемады, написанной в спешке и плохо откорректированной»²²⁸.

Особое внимание следует обратить на Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгору (1645-1700). Как и остальные его современники, он был эрудитом и интересовался самыми разными областями знания: математикой, астрономией, картографией, агрономией, физикой и историей. Наиболее известные его работы: «Театр политических добродетелей» (1680), «Жалкий триумф» (1683), «Западный рай» (1684), «Индийская весна» (1688), а также «Астрономические Весы» (1690). В работах Сигуэнса-и-Гонгоры уже были видны ростки новых идей. В сфере естественных наук он выступил против обоснования утверждений только на основе авторитета предыдущих мыслителей. Сигуэнса-и-Гонгора одним из первых среди мексиканских интеллектуалов выступил против европоцентризма. Он отошел от традиционной философии истории Блаженного Августина, опиравшейся на идею линейного развития истории согласно Божественному замыслу, а также попытался встроить индейскую культуру в общемировую, наряду с классическими культурами древности. Сигуэнса-и-Гонгора он одним из первых попытался объединить в креольской культуре две традиции: европейскую и индейскую.

²²⁶ Ibid. P. XXX.

²²⁷ Ibid. P. XXX.

²²⁸ Ibid. P. XXXI.

Несмотря на большое количество работ, имя Сигуэнсы-и-Гонгоры вошло в историю, прежде всего, благодаря страсти к коллекционированию книг и исторических документов. Он был обладателем одной из самых обширных частных библиотек Новой Испании. В его коллекции были оригиналы книг, манускриптов, карт и рисунков, связанных с жизнью коренного населения до прибытия европейцев на континент. После смерти Сигуэнсы-и-Гонгоры в 1700 году его племянник, Габриэль, передал иезуитам в коллегию Святых Петра и Павла в Мехико около 470 книг, принадлежавших дяде²²⁹. Там, спустя годы, с ними смог ознакомиться Клавихеро. В 1759 году он, по совету Рафаэля Кампоя, изучил документы из коллекции Сигуэнсы-и-Гонгоры²³⁰. Увы, далеко не все документы сохранились к тому моменту. Клавихеро ознакомился с девятью манускриптами из собрания «Историки Мехико, Аколуга и Тлашкальтеки». Помимо этого, он прочитал некоторые исторические работы Сигуэнса-и-Гонгоры, опубликованные в Мехико.

Франсиско отводил своему предшественнику почетное место среди прочих историков вице-королевства. Из его опубликованных работ он выделял «Мексиканскую циклографию», посвященную вопросам датировки событий древней истории путем сопоставления данных астрономии и исторических свидетельств, а также «Историю империи Чичимеков» и «Генеалогию мексиканских правителей». Клавихеро сетовал, что все эти записи, которые «были мне так полезны, утеряны из-за беспечности наследников ученого»²³¹. Остались лишь некоторые фрагменты, которые дошли до современного читателя через работы более поздних авторов.

²²⁹См.: *Burrus E. Clavigero and the Lost Sigüenza y Góngora Manuscripts // Estudios de Cultura Náhuatl. No. 1. México, 1959. P. 63.*

²³⁰*Ibid. P. 67.*

²³¹*Clavijero F.J. Op. cit. P. XXXI.*

Сигуэнса-и-Гонгора вошел в историю как один из наиболее ярких эрудитов Новой Испании XVII века. Его вклад в развитие мексиканской науки огромен, поскольку частные коллекции сыграли большую роль в формировании научных взглядов мыслителей эпохи мексиканского Просвещения. Частные собрания книг дали толчок распространению новых философских идей в среде образованных креолов, а коллекции документов, собранные такими эрудитами, как Сигуэнса-и-Гонгора, позволили мексиканским историкам написать ряд блестящих работ.

Инициатором исследований доколумбовой культуры в первой половине XVIII века стал итальянец Лоренцо Ботурини (1698-1755). Ботурини занимался научной деятельностью в эпоху, когда в Европе уже началось обновление науки, что позволяет считать этого автора, несмотря на его иностранное происхождение, предтечей мексиканского Просвещения. Одним из наиболее значимых достижений Ботурини можно считать его коллекцию мексиканских древностей, которую он собрал, находясь в Новой Испании. На ее основе он опубликовал работу под названием «Идея новой общей истории Северной Америки» (1746). Клавихеро ставил в пример своим соотечественникам деятельность этого «любопытного и эрудированного иностранца»²³². Благодаря Ботурини увидели свет никогда не публиковавшиеся ранее данные по древней истории Мексики. Однако Клавихеро также отмечал, что «система истории, которую он сформулировал, была слишком фантастической»²³³. Под «фантастичностью» Франсиско подразумевал изобилие мифологических сюжетов в канве повествования, созданной Ботурини.

Современники обвинили Ботурини в копировании работы его соотечественника Джамбаттисты Вико. Несмотря на то, что Ботурини не ссылаясь

²³² *Clavijero F.J.* Op. cit. P. XVIII.

²³³ *Ibid.* P. XXXII.

на Вико в своей работе, влияние итальянского гуманиста было явным²³⁴. Вико совершил настоящий переворот в сфере исторического знания. Он выступил с дуалистической позиции, разделив историю на естественную, созданную Богом, и человеческую, созданную людьми. В своей ключевой работе «Основания новой науки об общей природе наций» Вико выдвинул идею циклического развития истории, но при этом полагал, что каждая эпоха в истории нации самоценна. Таким образом, к XVIII веку структура картины мира, включающая категории «Бог», «природа» и «человек», сохранялась, однако социальные феномены, ранее рассматривавшиеся как «природные», начинали осмысливаться как результат деятельности человека²³⁵. Эти социальные феномены теперь расценивались как доступные человеческому пониманию.

Некоторые исследователи полагают, что Клавихеро во время своего вынужденного пребывания в Италии смог ознакомиться с работой Джамбаттисты Вико²³⁶. Даже если этого не произошло, то: во-первых, Клавихеро прочитал работу Ботурини, который отразил взгляды Вико, а во-вторых, на мексиканского мыслителя, несомненно, повлияла атмосфера итальянского Просвещения. Труд Вико был хорошо известен итальянским интеллектуалам, и многие из них разделяли идею о том, что человек в истории являлся инструментом Божественного Провидения.

Кроме упомянутых мыслителей второй половины XVII – первой половины XVIII века были и другие, было множество авторов, внесших вклад в развитие

²³⁴ *Mestre Sanchis A.* Apología y crítica de España en el siglo XVIII. Madrid, 2003. P. 357.

²³⁵ *Бобкова М.С.* Historia pragmata. Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010. С. 212.

²³⁶См.: *Trabulse E.* Clavigero, historiador de la Ilustración mexicana // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_20_ (дата обращения: 14.05.2018); *Alba-Koch B.* de. Providence, Indigenous Protagonism, and Enlightenment: Clavigero's Rendition of the Conquest of México // Lumen: Selected Proceedings from the Canadian Society for Eighteenth-Century Studies. Vol. 24. Montréal, 2005. P. 61-62.

общественной мысли Новой Испании и мексиканской традиции историописания. Однако в рамках диссертационного исследования внимание было уделено тем персонам, чьи работы оказали непосредственное влияние на Клавихеро и его творчество. Многие из рассмотренных авторов интересовались новыми философскими идеями, однако пока не могли вместить эти идеи в прокрустово ложе доминировавшего на тот момент традиционного знания. И все же в их работах можно увидеть истоки будущего мексиканского Просвещения.

Иезуиты уже не застали процесс широкого распространения новых научных идей в латиноамериканских колониях. Однако они смогли внести ощутимый вклад в мексиканское Просвещение, даже будучи в изгнании. Ссылка в Италию привела к появлению на ее территории особой интеллектуальной среды. До этого рассеянные по Испании и ее заморским колониям, иезуиты вдруг оказались в одном месте. Такая концентрация мыслителей на небольшой территории способствовала активному обмену идеями как внутри сообщества, так и с итальянскими эрудитами²³⁷. Магистральными течениями мысли внутри этой среды стали обновленный гуманизм и эрудитская культура. Преподаватели новоиспанских коллегий превратились в публицистов, а миссионеры, прибывшие из отдаленных уголков вице-королевства, заложили основы латиноамериканской этнографии и лингвистики.

Клавихеро продолжал поддерживать связи со своей семьей и коллегами, находящимися в Новой Испании. Уже в период его изгнания в Италии, на его родине были изданы два письма Святого Франсиско де Салеса (1567-1622), епископа Женевы, канонизированного в 1665 году, и считавшегося покровителем писателей. Письма были переведены Клавихеро с французского и дополнены его

²³⁷ См.: *Abellán J.L.* Op. cit. P. 711

пояснениями²³⁸. Они были изданы анонимно одним из друзей мыслителя. Этот эпизод свидетельствует о стремлении изгнанников участвовать в латиноамериканской научной и общественно-политической жизни даже будучи оторванными от дома. Таким образом, иезуиты выступили посредниками в сфере культурного обмена между двумя континентами.

Поскольку «Древняя история Мексики» Клавихеро не была переведена на испанский язык, она оставалась недоступна широкому кругу читателей испанской империи. Однако просвещенные умы Новой Испании смогли ознакомиться с ней, в том числе благодаря экземплярам, отправленным Клавихеро в Университет Мехико. Они же стали первыми посредниками между Клавихеро и мексиканской образованной публикой, которая узнала о «Древней истории Мексики» благодаря ее упоминаниям в публикациях мексиканских интеллектуалов.

Характерной чертой мексиканского Просвещения стало появление периодических изданий, заложивших основы научной культуры. Одним из первых таких изданий стал вышедший в 1768 году *Diario literario de México* (Литературный журнал Мексики), издателем которого был Хосе Антонио Альсате-и-Рамирес. Это событие имело большое значение для мексиканского общества, поскольку журнал познакомил образованную публику с новыми научными идеями. Благодаря ему знание «вышло» из аудиторий и стало доступно образованной читающей публике.

Хосе Антонио де Альсате-и-Рамирес (1737-1799) окончил коллегию Святого Ильдефонсо, а затем получил степень бакалавра искусств и теологии в Королевском папском университете Мехико. Альсате принял от мыслителей-

²³⁸См.: *Trabulse E. Clavigero, historiador de la Ilustración mexicana* // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_20_

иезуитов эстафету развития науки в вице-королевстве. Он, как и многие его современники, интересовался мексиканскими древностями. Альсате был знаком с Клавихеро до его изгнания и высоко оценил «Древнюю историю Мексики». В ряде своих статей он ссылался на работу Франсиско²³⁹. В качестве одного из эпитафов к короткой заметке под названием «Описание древностей Шочикалько» Альсате использовал цитату Клавихеро из «Древней истории Мексики»: «Я хотел бы, чтобы мои соотечественники постарались сохранить те немногочисленные остатки военной архитектуры мексиканцев, потому что они позволили погибнуть стольким другим особенным древностям»²⁴⁰.

Альсате также готовил комментарии для предстоящей публикации истории Клавихеро в Мадриде. Об этом он упомянул в статье, опубликованной в «Литературной газете Мехико» 2 октября 1792 года. Из нее читатели могли узнать, что Альсате «занят созданием корректирующих и подтверждающих заметок к изданию работы Клавихеро, которую намереваются опубликовать в Испании»²⁴¹. Увы, испанский вариант работы так и не увидел свет. Из заметок, которые Альсате, по-видимому, все же отправил издателю Антонио Санча, сохранились лишь комментарии к VI и VII книгам «Древней истории Мексики». В этих книгах шла речь о религии и обрядах древних мексиканцев, а также о политическом устройстве их общества и экономике. Роберто Морено, исследовавший эти заметки, отметил, что Альсате раскрыл в них свои взгляды в духе просвещенного гуманизма. С одной стороны, он использовал рациональный подход в оценке индейцев и их культуры, а с другой, - проявил гуманизм, схожий

²³⁹ См.: *Moreno R.* Las notas de Alzate y la Historia antigua de Clavijero // *Estudios de Cultura Náhuatl*. No. 10. México, 1972. P. 362.

²⁴⁰ Цит. по: *Alzate J.A.* Descripción de las antigüedades de Xochicalco (1791) // *Gacetas de literatura de México*. T. II. Suplemento a la Gaceta de literatura. Puebla, 1831. P. 1-24.

²⁴¹ *Gaceta de literatura*. 2 de octubre de 1792 // *Gacetas de literatura de México*. T. II. Puebla, 1831. P. 458

с гуманизмом Лас Касаса²⁴². Это любопытно, поскольку, как было упомянуто выше, сам Клавихеро упрекал Лас Касаса в том, что тот использовал записи Сумарраги и других первых миссионеров против конкистадоров.

Интерес к истории привел не только к появлению многочисленных исторических трудов, но и к археологическим раскопкам. С 1770-х годов в Новой Испании начали организовывать экспедиции для исследования древних городов и монументов. В 1773 году такая экспедиция отправилась в Паленке, где были произведены исследования древностей майя. В связи с темой археологии отдельного упоминания заслуживает Антонио де Леона и Гама (1735-1802) – автор «Исторического и хронологического описания двух камней, найденных на главной площади Мехико»²⁴³. Работа была издана в 1792 году. В ней автор провел анализ каменной фигуры богини Коатликуэ и знаменитого Камня солнца. Оба объекта были найдены при раскопках в Мехико в 1790 году. Работа Леон и Гама стала одним из первых исследований по археологии в мексиканской науке. Ее значимость состояла в том, что автор впервые попытался объяснить систему религиозных представлений древних мексиканцев, опираясь на археологические находки.

Период конца XVII – начала XVIII века в Новой Испании можно условно назвать первым мексиканским Просвещением. В это время были заложены основы нового мышления, которое приобрело окончательную форму к концу XVIII столетия. Общественная мысль мексиканского Просвещения носила переходный характер и представляла собой движение от традиционного мышления к новому рациональному, критическому взгляду на окружающий мир.

²⁴² См.: *Moreno R.* Las notas de Alzate y la Historia antigua de Clavijero // *Estudios de Cultura Náhuatl*. No. 10. México, 1972. P. 373.

²⁴³ См.: *León y Gama A.* de. Descripción histórica y cronológica de las dos piedras, que con ocasión del nuevo Empedrado que se está formando en la Plaza Principal de México, se hallaron en ella el año de 1790. México, 1832. 148 p.

Творчество Клавихеро, а особенно его размышления о прошлом Новой Испании, таким образом, было связано с разнообразными, взаимопроникающими течениями колониальной мысли. В работах мексиканских мыслителей XVII-XVIII веков прослеживалась преемственность традиции историописания, в которой наряду с сохранявшимся провиденциализмом, присутствовало эрудитство, гуманизм и добавился критический рационализм.

2.2. Историческая концепция Ф.Х. Клавихеро.

За свою жизнь Клавихеро написал ряд научных работ, каждая из которых представляет особый интерес. Однако квинтэссенцией его деятельности как историка по праву считается «Древняя история Мексики», впервые опубликованная на итальянском языке в Чезене в 1780-1781 годах. Этот фундаментальный труд представляет читателю картину жизни племен науа – наиболее многочисленной этноязыковой общности, населявшей Центральную Америку – до прихода испанцев и в период Конкисты. Автор писал о науа как о племенах «наиболее известных и сыгравших значительную роль в нашей истории»²⁴⁴. Главным народом в общности науа являлись ацтеки, которых Клавихеро называл мешиками согласно их самоназванию.

Работа состоит из 10 книг и 9 «рассуждений» (*disertaciones*). Первая книга посвящена описанию королевства Мексика, его земле, климату, горам, рекам и озёрам, а также минералам, растениям, животным и людям. Вторая книга повествует о народах, проживавших в долине Анауак, о появлении на этой земле ацтеков и основании Мехико. В третьей, четвёртой и пятой книгах речь идёт об основании мексиканской монархии, исторических событиях в периоды правления представителей различных династий, завоеваниях ацтеков и расширении

²⁴⁴ *Clavijero F.J. Op. cit. P. 63.*

империи. Шестая книга посвящена религии, летоисчислению и обычаям науа. В седьмой книге разбираются политические, военные и экономические аспекты жизни мексиканцев, их судебная система, сельское хозяйство, культура, язык, искусство и восприятие истории. Восьмая, девятая и десятая книги повествуют о прибытии испанцев и подробно описывают события Конкисты.

Попав в Италию, Клавихеро потерял доступ к тем документам, с которыми он работал в библиотеках Новой Испании. Более того, при изгнании иезуитам было запрещено брать с собой любые рукописи и книги. Поэтому немаловажная проблема, которая вызывает основные вопросы критиков, — это проблема источников, на которые опирался мексиканский мыслитель. «Я прочитал и старательно изучил все, что было опубликовано до настоящего момента по теме; я сопоставил связи авторов и взвесил их авторитет на весах своей критики; я изучил множество исторических рисунков мексиканцев; я пользовался их манускриптами, прочитанными ранее, когда я находился в Мехико, и я советовался со многими людьми из тех мест»²⁴⁵ - эту информацию Клавихеро даёт в самом первом абзаце пролога «Древней истории Мексики», ставя тем самым во главу угла своего исследования работу с источниками, трудами предшественников и современников.

Исследователи по-разному относятся к методу и качеству работы Клавихеро с источниками и достоверности приведенных им данных. Например, Чарльз Ронан утверждал, что Клавихеро умалчал о том, что получил информацию преимущественно из вторичных источников, из-за чего у читателей сложилось впечатление, что он ознакомился с множеством оригинальных документов²⁴⁶. По его мнению, Клавихеро в основном опирался на информацию, почерпнутую из чужих исторических трудов. Другие исследователи, напротив, ссылаются на

²⁴⁵ Ibid. P. XXI

²⁴⁶ См.: *Ronan Ch. E. Op. cit. P. 469.*

феноменальную память Клавихеро и настаивают, что заслугой историка является оригинальность трактовки разнородного первичного материала. Так, по мнению Кармен Х. Алехос-Грау, Клавихеро, основываясь на фактах, собранных из различных источников, разрабатывал собственные идеи, которые позволяли читателю получить достоверную картину мексиканской истории²⁴⁷.

После завоевания Нового Света испанцами некоторые индейские кодексы и документы, связанные с эпохой Конкисты, были перевезены в Испанию, а затем часть из них попала в архивы и библиотеки других стран Европы. Однако неизвестно, какие именно источники и в каком количестве были доступны Клавихеро. Его биограф Феликс де Себастьян написал, что тот пользовался библиотеками и архивами Феррары и Модены²⁴⁸, а Хуан Луис Манейхро упомянул частные коллекции книг графов Криспи²⁴⁹. Сам Клавихеро отметил, что ему с большим трудом удалось собрать необходимый материал, и жаловался на то, что работа над «Древней историей Мексики» принесла ему не только много трудностей, но и много расходов²⁵⁰. Он утверждал, что заказывал у знакомых книги из Кадиса, Мадрида и разных городов Европы. Исходя из этого, можно предположить, что Клавихеро удалось найти некоторые документы по истории доколумбовых цивилизации и Конкисты. Но информацию, которую он когда-то получил из источников, находящихся в Новой Испании, он был вынужден восстанавливать по памяти. Среди использованных источников индейского происхождения Клавихеро указал коллекцию Мендосы, состоящую из 63 рисунков и опубликованную в Париже в 1692 году; Венскую коллекцию, один из рисунков которой он нашёл в «Истории Америки» Робертсона; коллекцию

²⁴⁷ См.: *Alejos-Grau C.J.* El método histórico en Francisco Javier Clavijero (1731-1787). // *Qué es la historia de la Iglesia. XVI Simposio Internacional de Teología de la Universidad de Navarra.* Pamplona, 1996. P. 730.

²⁴⁸ См.: *Sebastian F. de, S. J.* Vida de Francisco Xavier Clavigero, Estudio de Elías Trabulse. México, 1987. P. 45.

²⁴⁹ *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 154.

²⁵⁰ См.: *Clavijero F.J.* Op. cit. P. XXI.

Сигуэнсы-и-Гонгоры, несколько томов которой изучил ещё в 1759 году в библиотеке коллегии Святых Петра и Павла; коллекцию Ботурини, хранившуюся в архиве вице-короля в Новой Испании²⁵¹. По сведениям Клавихеро, последняя была опубликована в Мехико в 1770 году вместе с письмами Кортеса. Он также упомянул о коллекции Ватикана, о которой прочитал у Акосты, однако отметил, что не смог добраться до Рима, чтобы найти ее²⁵². В изгнании у Клавихеро действительно не было доступа ко многим первичным источникам. Но он подошел к сбору информации, пусть и из вторичных источников, серьезно, насколько это позволило его положение.

Клавихеро осознавал ценность исторических источников – памятников письменности автохтонных американских цивилизаций. Он сожалел, что многие кодексы были уничтожены испанцами: «эта потеря так печальна...», и добавлял, что уничтожение документов оказало дополнительный негативный эффект, «поскольку обладатели древних рисунков стали ревниво охранять их и прятать от чужих глаз...»²⁵³. Большинство работ XVIII-XIX веков мексиканских историков было написано на базе испанских источников. Авторами использовался лишь узкий круг доступных свидетельств индейского происхождения. Современный мексиканский историк Мигель Леон-Портилья обращает внимание на то, что из-за отсутствия переводов с науатля значительная часть документов долго оставалась источником, недоступным и почти неизвестным колоссальному количеству исследователей²⁵⁴. На наш взгляд, это избыточное требование к историографии XVII-XVIII веков. Многие работы указанного периода освещали историю древней Мексики с точки зрения европейцев не только из-за отсутствия материалов индейского происхождения, но и потому, что такое видение истории вписывалось в устоявшуюся традицию историописания. Помимо этого, история, написанная

²⁵¹ Ibid. Pp. XXXV-XXXVII.

²⁵² Ibid. P. XXXV.

²⁵³ См.: *Clavijero F.J. Historia antigua de México. México, 1974. P. 248*

²⁵⁴ См.: *Леон-Портилья М. Философия Науа. Исследование источников. М., 2010. С. 49.*

авторами-креолами, потомками европейцев, отвечала интересам их социальной группы, никак не ассоциировавшей себя с индейской частью колониального общества.

Клавихеро сопровождал итальянский вариант «Древней истории Мексики» посвящением Университету Мехико, датированным 13 июня 1780 года. В нем Клавихеро жаловался на «лень и небрежность нашего старшего поколения в отношении истории нашей родины»²⁵⁵. Он сожалел, что его образованные соотечественники попустительствовали потере коллекции манускриптов, собранной Сигуэнсой-и-Гонгорой, а также о том, что в Университете Мехико больше нет специалиста по древностям: «Из-за отсутствия знатока индейских древностей нет того, кто понимает рисунки древних мексиканцев, а из-за потери письменных свидетельств стало очень сложно, если не невозможно изучать историю Мексики»²⁵⁶. Таким образом, мексиканский мыслитель обращал внимание на специфику индейских источников, их отличие от европейских и сложность работы с ними. Он предлагал создать в университете музей, где бы были собраны «древние статуи, которые сохранились, или те, что будут обнаружены при раскопках; оружие, мозаики и другие похожие объекты; мексиканские рисунки... и, прежде всего, манускрипты, как миссионеров и прочих испанских авторов, так и индейцев»²⁵⁷. Эта инициатива не просто свидетельствует о заботе мексиканского мыслителя об историческом наследии Новой Испании, но и вписывается в рамки просветительской практики.

Что касается теоретической и методологической составляющей исторических изысканий Клавихеро, то он не занимался их специальной разработкой, однако придерживался ряда определенных установок. В письме

²⁵⁵ Dedicatoria a la Real y Pontificia Universidad de México. Bolonia, 13 de junio de 1780 // *Clavijero F.J. Historia antigua de México*. México, 1974. P. XVIII.

²⁵⁶ *Ibid.* P. XVIII.

²⁵⁷ *Ibid.* P. XVIII.

мексиканскому историку Мариано Фернандесу Эчеверрии-и-Вейтии он описал свой рабочий процесс следующим образом: «я придерживался чистоты и точности в языке и орфографии, наибольшей лаконичности, ясности, порядка и, прежде всего, беспристрастности и аккуратности в повествовании»²⁵⁸. Для Клавихеро процесс исторического исследования был процессом выявления правды. Он утверждал, что всегда придерживался двух непреложных законов истории: «не осмеливаться лгать и не бояться говорить правду»²⁵⁹. Следуя этой идее, которая прослеживалась еще со времен Цицерона, Клавихеро старался быть объективным в своих исследованиях: «Я оставляю факты в той степени точности или правдоподобности, в какой я их нахожу: там, где я не могу выявить ход событий из-за разногласия авторов, ..., я честно излагаю различные взгляды, не опуская при этом предположений, которые диктует разум»²⁶⁰. В этих утверждениях проявились зачатки современного научного подхода. Хуан Луис Манейро отметил, что Клавихеро много раз проверял написанный материал и в тех моментах, когда не был уверен в подлинности информации, «предпочитал промолчать или честно признаться, что не смог вскрыть правду»²⁶¹.

В «Древней истории Мексики» наглядно проявились стремление мексиканского мыслителя к объективности и его критический подход к источникам. К примеру, Клавихеро постарался объективно оценить количество жертвоприношений, осуществляемых древними мексиканцами, и пришел к выводу, что в данном вопросе нельзя приводить конкретные цифры, поскольку «нет сомнений, что жертв всегда было много, потому что войны ради добычи новых пленников велись часто»²⁶². Однако, по мнению мыслителя, речь шла не об астрономических цифрах, которые так любили приводить некоторые авторы.

²⁵⁸ Veytia M. *Historia antigua de México*. T. I. México, 1836. P. XXIX-XXX.

²⁵⁹ Clavijero F.J. *Historia antigua...* P. XXII.

²⁶⁰ Ibid. P. XXII.

²⁶¹ Maneiro J.L., Fabri M. *Op. cit.* P. 162.

²⁶² Clavijero F.J. *Historia antigua...* P. 173.

Клавихеро, признавая заслуги своих предшественников, подходил критически к анализу содержания их работ, демонстрируя тем самым характерный для нового научного знания отказ от веры в авторитеты. К примеру, разбирая этимологию названия Тлателолько, Клавихеро указал на ошибку своего предшественника, Августина Бетанкура, считавшего, что это слово происходит от *tlatelli*, указывавшего на наличие в том месте рынка²⁶³. Опираясь на собственный опыт работы с источниками и знание индейской письменности, Клавихеро пояснил, что это название связано с территориальным расположением поселения, и возникло ещё до того, как там появился рынок.

В своей работе Клавихеро продемонстрировал скрупулёзность и стремление к максимальной достоверности реконструкции. Он подробно описал систему летоисчисления, связанные с ней обряды и календарные праздники. Он много работал над календарем ацтеков и консультировался с другими мыслителями, к примеру, с Лоренсо Эрвасом Пандуро.

Таким образом, в методе Клавихеро следует выделить следующие элементы: 1) опора на здравый смысл, который мексиканский мыслитель называл разумом, подразумевая внутреннюю непротиворечивость высказывания, проверяемую логически (поскольку опыт над прошлым невозможен); 2) неприятие авторитета: для реконструкции прошлого Клавихеро прибегал к сопоставлению рассказов разных авторов, активно критикуя предшественников и современников; 3) стремление к беспристрастности. Главным требованием мексиканского мыслителя к реконструкции истории было ее разумное правдоподобие: отсутствие внутренних противоречий, ясная логическая связь повествования и выводов, ясность слога – отсутствие туманных выражений,

²⁶³ Ibid. P.72-72.

смысл которых не поддается однозначной трактовке, а выводы должны были быть толкуемыми однозначно.

Этика исторического исследования у Клавихеро состояла в непредвзятости и политической беспристрастности историка, а не только в научной объективности. Поэтому в разборе событий Конкисты Клавихеро, по его словам, отстранялся как от панегирической работы Солиса, так и от обвинительной – Лас Касаса: «Но мне, врагу любого обмана, лжи и недомолвок, кажется, что правда тем красивей, чем более она обнажена»²⁶⁴. Очевидно, соединение исследовательских и этических принципов было для Клавихеро неразрывным единством, поэтому можно заключить, что, занимаясь историей, он учил истине, а стремление к истине само по себе воспринималось как добродетель. Поскольку Клавихеро посвятил свою работу истории Новой Испании, патриотизм для него оказался неразрывно связан с этими двумя категориями. Подобный исторический подход также отразил влияние миссионерских практик иезуитов.

Клавихеро разделил политическую историю на по периодам царствования их правителей. В этом плане он следовал европейской традиции историописания. Однако несколько книг «Древней истории» он посвятил религии и культуре древних мексиканцев, которые рассмотрел статично, в виде отдельных категорий, не делая строгую привязку во времени. Располагая доступными ему на тот момент данными археологии и документами, Клавихеро начинал повествование о жителях долины Анауак с тольтеков с VI века н.э., не имея информации о народах, ранее заселявших эти земли. Однако Клавихеро удалось написать работу, которая дала читателю полноценную панораму жизни индейских племен Мексики.

²⁶⁴ Ibid. P. XXII.

Считая религию древних мексиканцев жестокой и полной ошибок, Клавихеро при этом отметил, что греки и римляне были не менее кровожадными. Он полагал, что христианство стало для индейцев прекрасным даром: их потомки осознали все преимущества истинной веры, оставив старшее поколение «погибать во тьме заблуждений»²⁶⁵.

По мнению мексиканского историка Энрике Флорескано, «Древняя история Мексики» - это «рассказ о мешиках (науа), свободный от сатанинского клейма и провиденциализма», который предлагали его предшественники, религиозные хронисты²⁶⁶. В отличие от своих предшественников, оценивавших древних мексиканцев с библейской точки зрения, Клавихеро сосредоточился на анализе событий их истории и их естественном окружении. Однако, в отличие от Флорескано, американский исследователь Чарльз Ронан отметил, что, несмотря на рациональное зерно, для Клавихеро Священное Писание и теология являлись ориентиром в познании и оказывали решающее влияние на его суждения²⁶⁷. Эту идею подтверждают многочисленные обращения Клавихеро к Ветхому завету как авторитетному свидетельству для объяснения сложных исторических проблем. Мексиканский мыслитель описал как знания мексиканцев о создании мира, о Всемирном потопе, разделении языков и народов²⁶⁸. На вопрос о происхождении животных на американском континенте Клавихеро ответил следующим образом: «Уважение к священным книгам обязывает меня думать, что млекопитающие и рептилии Нового Света происходят от тех, что спаслись на Новом ковчеге во время Всемирного потопа»²⁶⁹. Таким образом, Клавихеро пытался соотнести историю индейских цивилизаций с библейским повествованием. Но в отличие от

²⁶⁵ Ibid. P. 200.

²⁶⁶ Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 277.

²⁶⁷ Ronan Ch. E. Ob. cit. P. 469.

²⁶⁸ Clavijero F.J. Op. cit. P. 148.

²⁶⁹ Ibid. P. 476.

своих предшественников, не пытался сделать ее полноценной частью библейской истории.

Несмотря на внимание к Священному Писанию, Клавихеро оказался одним из немногих исследователей, которые впервые постарались взглянуть на проблему автохтонных цивилизаций с рациональных позиций: не очернять, но и не приукрашивать жизнь и культуру древних мексиканцев. Прекрасным примером его критического подхода служит пояснение к работе Торквемады, приведенное в «Древней истории Мексики»: «Тот замечательный автор, возможно, понял буквально некоторые аллегорические рисунки, на которых тольтеки изобразили голод и болезни, от которых умирали; ведь дьявол не обязателен для уничтожения народа»²⁷⁰. В этой цитате мы видим, как моральные смыслы уступили место рациональному объяснению причин и следствий.

Описывая религию науа, Клавихеро начал повествование с несовершенной идеи абсолютной и независимой высшей сущности (Ser Supremo). Его не изображали графически (до наших дней все же дошли изображения Ометеотля) и называли просто божеством, а также давали различные эпитеты: Irapnemoani, тот, ради кого живем, Tloque Nauaque (тот, который содержит в себе все)²⁷¹. По мнению Клавихеро, мексиканцы верили, что это было злое божество, которое приносило людям вред. Несмотря на то, что данная точка зрения спустя века изменилась, важен сам факт упоминания единого божества. В попытках разобраться в религии коренного населения Клавихеро смог выявить эту информацию и даже заострил внимание читателя на ней. Для него было важно подчеркнуть «предрасположенность» индейцев к восприятию истинной идеи Единого Бога – Творца всего сущего. Однако так же естественна была его уверенность, что даже если у индейцев существовало представление о

²⁷⁰ Ibid. P. 50.

²⁷¹ Ibid. P. 147.

единобожии, то несомненно, оно было извращенным, поскольку бог язычников не мог быть благой сущностью.

Клавихеро опроверг мнение Акосты о том, что у древних мексиканцев не было слова, обозначающего Бога, которое, якобы, принесли испанцы. Мексиканский мыслитель прибег к языковому сравнению, указав, что мексиканское слово *Teotl* полностью соответствовало греческому *Theos* и испанскому *Dios*²⁷². Клавихеро также пояснил, что многие миссионеры не хотели употреблять слово *teotl* для объяснения христианской доктрины, поскольку коренное население использовало его для обозначения собственных богов. По мнению Клавихеро, самые сложные моменты христианской религии хорошо объяснялись на науатле без необходимости заимствовать слова из другого языка. Мексиканский мыслитель продемонстрировал, что науатль отлично подходит для объяснения абстрактных понятий, составив список из 54 слов, в который включил такие слова как «правда», «божественность», «сомнение», «время», «вечность», «разум», «душа» и другие²⁷³. Клавихеро подчеркнул, что всё, что было им описано в отношении науатля, в равной степени применимо и к остальным индейским языкам региона, таким как отоми, сапотекским, тотонакскими и прочим. Следует обратить внимание, что речь шла не просто о языке, а о природе религиозности древних мексиканцев и об их предрасположенности к христианству. Благодаря наличию абстрактных понятий многие христианские догматы были прекрасно переданы на языке коренного населения. Миссионеры использовали науатль в качестве одного из инструментов христианизации. Подтверждая эту идею, Клавихеро добавил к шестому «рассуждению» (*disertación*), посвящённому опровержению заблуждений касательно религии древних мексиканцев, каталог авторов, писавших о христианской доктрине и морали на индейских языках. Стремление к миссионерской деятельности, которое

²⁷² Ibid. Pp. 239-240.

²⁷³ Ibid. P. 546

Клавихеро так и не удалось реализовать в период жизни в Новой Испании, впоследствии оставило след в его исторических трудах.

Особый интерес для Клавихеро представляли язык, искусство, наука и образование древних мексиканцев. Рассказ об индейской культуре Клавихеро начал с воспитания и образования. Он писал о том, что «образование молодежи, которое является основой государства и позволяет лучше узнать характер народа, у древних мексиканцев было таким, что оно может напугать критиков, загнанных в рамки европейского сознания»²⁷⁴. По мнению автора, опыт древних мексиканцев в воспитании своих детей мог бы пригодиться и современным родителям. Ценность этого опыта, согласно Клавихеро, заключалась в общественной направленности воспитания, ориентации на стремление приносить благо обществу: дети изучали дело своих родителей и продолжали его, таким образом, принося не малую пользу государству²⁷⁵. Индивидуальные усилия должны были быть ориентированы на благо общества. Именно на базе такого образования выросло мощное ацтекское государство. Здесь отчетливо прослеживается значимость для Клавихеро коллективных ценностей, его общественная, а не индивидуалистическая этика.

Клавихеро восхищался языком и поэзией древних мексиканцев: «у нации, которая обладала таким красивым языком, не могло быть недостатка в ораторах и поэтах»²⁷⁶. При этом он не превозносил древних мексиканцев, но считал их достойными уважения, прежде всего, благодаря их культурным достижениям. По мнению Брэдинга, работа Клавихеро была построена на позициях неоклассицизма: единство человеческой природы в сочетании с признанием

²⁷⁴ Ibid. P. 201.

²⁷⁵ Ibid. P. 207

²⁷⁶ Ibid. P. 241.

европейского прошлого в качестве ориентира цивилизации²⁷⁷. Это спорное утверждение, поскольку, признавая достижения европейской Античности, мексиканский мыслитель не считал ее идеалом, к которому следовало стремиться. Более того, Клавихеро неоднократно указывал, что европейцы в древности обладали теми же пороками, что и древние мексиканцы.

Книги VIII, IX и X «Древней истории» посвящены событиям Конкисты. Клавихеро полагал, что «Божественное Провидение избрало испанцев в качестве инструмента своей справедливости... для тех [индейских] народов, наказывая в них суеверия и жестокость...»²⁷⁸. Подобное видение истории в рамках провиденциализма было характерно для испанских и латиноамериканских авторов XVI-XVIII веков. Более того, этот подход отчасти сохранялся и в XIX веке: аналогичное мнение о Конкисте и судьбе индейского населения высказал спустя век другой мексиканский историк, Х. Гарсия Икасбальсета: «Единственная цель истории – поиск правды; тот кто ищет ее без тени страсти, пусть не осмеливается писать»²⁷⁹. При этом Клавихеро осудил некоторые действия конкистадоров, к примеру, обман правителя Мехико Куаутемоцина, которого испанцы, после взятия города, пленили вопреки данному обещанию, жестоко пытали, чтобы узнать о местонахождении богатств города, а затем повесили после трех лет заточения²⁸⁰. Рассказ о Конкисте мексиканский мыслитель завершил следующими словами: «Мексиканцы вместе со всеми остальными [индейскими] народами, способствовавшими их поражению, несмотря на христианские и разумные законы Католических королей, оказались брошены в нищете, угнетении и презрении, не только со стороны испанцев, но и со стороны африканских рабов

²⁷⁷ *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 51.

²⁷⁸ *Clavijero F.J.* Historia antigua... P. 344.

²⁷⁹ *García Icazbalceta J.* Estudio histórico. // Obras de D.J. García Icazbalceta. T. VI. México, 1898. P. 25.

²⁸⁰ *Clavijero F.J.* Historia antigua... P. 417.

и собственных потомков»²⁸¹. С одной стороны, Клавихеро сочувствовал древним мексиканцам, а с другой - все, что с ними произошло, расценивалось автором как закономерность и Божественное Провидение. Он критиковал как языческие верования коренного населения, так и алчные мотивы конкистадоров, толкавшие их на насильственное завоевание Нового Света.

Любопытно, что взгляды Клавихеро на индейцев во многом были схожи с взглядами знаменитого испанского хрониста, монаха-доминиканца Бартоломе де Лас Касаса, но их точки зрения на некоторые события Конкисты не совпадали. Лас Касас выступал с позиций жесткой критики действий конкистадоров в Новом Свете. Он, как и другие, более поздние авторы анти-испанских сочинений, опирался на восходящую к Аристотелю философскую традицию, согласно которой политические притязания должны были иметь моральные обоснования²⁸². Поэтому ключевой категорией в оценке действий испанских завоевателей у Лас Касаса стала категория нравственности. Позиция Клавихеро вызвала недоумение у его коллеги Хосе Альсате, разделявшего идеи хрониста-доминиканца: «Не знаю, почему наш автор выступает против мнения сеньора де Лас Касаса»²⁸³. Можно предположить, что причина крылась в явной предвзятости Лас Касаса и в его небрежном обращении с источниками. Клавихеро, много внимания уделявший источниковедческой критике, мог отрицательно воспринять избирательность своего предшественника в отношении исторических фактов.

Подводя краткий итог, следует отметить, что Клавихеро, сочетая эмпирический и традиционный подходы в науке, не видел в этом противоречия.

²⁸¹ *Ibíd.* P. 418.

²⁸² Юрчик Е.Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Выпуск 8 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000246-9-1> (дата обращения: 15.05.2018).

²⁸³ *Alzate J.R.* Las notas a la Historia antigua de Clavijero. Nota 13. / Цит. по: Moreno R. Las notas de Alzate y la Historia antigua de Clavijero // *Estudios de Cultura Náhuatl*. No. 10. México, 1972. P. 379.

При работе с историческими хрониками, заметками конкистадоров и миссионеров он использовал рациональную критику и оспаривал многие устоявшиеся идеи. При этом, в тех моментах, которые он сам не мог объяснить, он обращался к Священному Писанию.

Причины, по которым была написана «Древняя история Мексики», ее автор указал сам. По его словам, он принялся за эту работу, чтобы «избежать досадной и преступной праздности, к которой приговорен; чтобы послужить своей родине, насколько позволяют силы, и чтобы восстановить во всей ее полноте правду, которой пренебрегает невообразимое собрание современных писателей, повествующих об Америке...»²⁸⁴. Таким образом, Клавихеро представлял себя читателю как неутомимый исследователь и патриот, жаждущий справедливости по отношению к своей родине, которую он видел в Новой Испании. После упразднения Ордена у Клавихеро и его коллег действительно появилось много свободного времени, поскольку обязанности, возложенные на них Церковью, были минимизированы. Однако упоминание «преступной праздности», вероятно, является фигурой речи, указывающей на то, что Клавихеро не по своей воле был обречен жить в грехе, поскольку праздность с позиции католического вероучения расценивалась как грех. Чтобы не предаваться греху, он занялся тем делом, которое считал наиболее важным. С позиции Клавихеро борьба против клеветы иностранных авторов также была частью процесса восстановления справедливости. Поскольку земной сеньор в лице папы упорствовал в своих заблуждениях, Клавихеро как иезуит должен был доказать, что он по-прежнему добродетельный миссионер. Поэтому служение родине было для него логичным выбором.

²⁸⁴ *Clavijero F.J. Historia antigua... P. XXI.*

К упомянутому «сборищу современных писателей» относились французские авторы Бюффон и Рейналь, англичанин Робертсон и голландец К. де Поу. Они описывали вредное воздействие американского климата и природы на флору и фауну континента, а также на физиологию и умственные способности населения Нового Света. В результате этого вредного воздействия, по мнению упомянутых мыслителей, коренные жители являлись полностью деградировавшими созданиями, а потомки испанских переселенцев постепенно вырождались. Среди прочих авторов выделялся прусский аббат (голландец по происхождению) Корнелий де Поу. Его работа под названием «Философские изыскания об американцах» была написана в 1768-1769 годах. Она стремительно распространилось по Европе и достигло Италии как раз в тот период, когда Клавихеро уже начал собирать материал для своей будущей книги²⁸⁵. Поу изобразил новый континент убогим, не идущим ни в какое сравнение с Европой, а индейцев - деградировавшими созданиями. Причину автор видел во влиянии климата, который счёл настолько губительным, что, по его мнению, сами креолы начали деградировать под его воздействием: «Наконец, мы пришли к тому, что можем смело утверждать, что креолы в четвертом, пятом поколении менее умны, менее способны к наукам, чем истинные европейцы...»²⁸⁶. Эта цитата подводит нас к яркому явлению второй половины XVIII века - полемике о Новом Свете²⁸⁷.

Пolemika представляла собой интернациональную версию дискуссии о новом континенте и его особенностях. Этот спор начался гораздо раньше в рамках Испанской империи. Важным аспектом спора была концепция о вреде американского климата, которая базировалась на идее Монтескье о влиянии

²⁸⁵См.: *Maneiro J.L., Fabri M.* Op. cit. P. 158.

²⁸⁶*Pauw C. de.* Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. P. 165.

²⁸⁷ Об истории полемики о Новом Свете и участии Клавихеро в ней см. также: *Gerbi A.* La disputa del Nuevo Mundo. Historia de una polémica 1750-1900. México, 1993. Pp. 176-192; *Peterson A.* Satyrs of the New World. Clavijero rebuttal to the Old World – New World Polemic // *Colonial Latin American Review.* Vol. 3. New York, 1994. Pp. 139-158.

окружающей природы на человека. В 1648 году вышла работа монаха-доминиканца Томаса Гейджа под названием «Американский англичанин: его работы о море и земле или новое признание западных Индий». Гейдж совершил путешествие в Новый Свет и, вернувшись на родину, написал большую работу об американском континенте. В главе, посвященной описанию Мехико, он отметил, что продукты, которыми они питались в вице-королевстве, ничем не уступали по вкусу испанским, однако насыщали лишь на короткое время. Гейдж обратился за разъяснением к местному доктору. Тот подтвердил его наблюдение и объяснил эту проблему влиянием местного климата. Более того, «так же как с мясом и плодами, обманчивыми на вид, то же самое происходит с людьми, рожденными там: снаружи они красивы, а внутри обманчивы и пусты»²⁸⁸. Работа Гейджа быстро приобрела популярность в Европе. Клавихеро сетовал, что многие его европейские современники цитируют Гейджа «как оракула, хотя нет человека, писавшего об Америке, который бы лгал с большим нахальством»²⁸⁹. Гейдж способствовал переходу полемики о Новом Свете с внутрииспанского уровня на мировой.

Предшественник Клавихеро, мексиканский мыслитель Сигуэнса-и-Гонгора одним из первых выступил против предубеждений европейцев относительно жителей Нового Света и, прежде всего, креолов. По этому поводу он писал следующее: «... думают в некоторых частях Европы..., что не только индейцы, коренные жители этих стран, но и мы, рожденные в них от испанских родителей, либо ходим на двух ногах благодаря божьей милости, либо, как это оценивают через английские микроскопы, в нас едва можно разглядеть рациональное»²⁹⁰.

²⁸⁸ *Gage T.* El inglés americano: sus trabajos por mar y tierra o un nuevo reconocimiento de las Indias Occidentales (1648). México, 2001. P. 131.

²⁸⁹ *Clavijero F.J.* Historia antigua de México. México, 1974. P. XXXIII.

²⁹⁰ Цит. по: *Navarro B.* Filosofía y cultura novohispanas. México, 1998. P. 195.

Интерес к Америке, ее природе и к индейским древностям со стороны европейцев был обусловлен интересом к экзотическим культурам. При этом многие европейские авторы, писавшие об американском континенте, никогда не были на нем. Они использовали рассказы и заметки путешественников. В XVIII веке с изменением подхода к истории некоторые европейские авторы попытались переосмыслить место Америки в мировом историческом процессе. Работы по истории Нового Света, написанные такими авторами, как Робертсон, вписывались в «великий проект Просвещения» - историю человечества в целом, и Америка «могла бы занять полноправное место в историческом сознании Европы»²⁹¹. Однако ряд европейских мыслителей отводили американскому континенту и ее жителям довольно скромное место в истории.

Основным объектом критики Клавихеро в рамках полемики стала работа К. де Поу. Мексиканский мыслитель объяснил выбор этого автора тем, что в его работе собраны все невероятные домыслы об американцах. В качестве опровержения Клавихеро написал девять кратких заметок, озаглавленных как «рассуждения» (*disertaciones*), которые впоследствии добавил к основной части своей работы. Он с сарказмом писал о Поу и его книге, называя его «модным философом»²⁹². Мексиканского мыслителя беспокоили произведения европейцев, наполненные заблуждениями относительно его родины. Исторические фальсификации вызывали в нем искреннее негодование: «... в век, когда опубликовано больше ошибок, чем за все предыдущие века, все врут бессовестно...»²⁹³. Данная цитата подтверждает важность этической составляющей в исторической концепции Клавихеро.

²⁹¹ *Armitage D.* The New World and British Historical Thought: from Richard Hakluyt to William Robertson // *America in European Consciousness* / ed. Karen Ordahl Kupperman. Williamsburg, 1995. P. 67.; О Клавихеро и Робертсоне см. также: *Sebastiani S.* Las escrituras de la historia del Nuevo Mundo: Clavijero y Robertson en el contexto de la Ilustración europea // *Historia y Grafía*, №37. México, 2011. P. 203-236.

²⁹² *Clavijero F.J.* Historia antigua... P. 422.

²⁹³ *Ibid.* P. 422.

В опровержение слов Поу Клавихеро привел массу выдержек из работ различных мексиканских авторов, из свидетельств миссионеров и конкистадоров, таких как Лас Касас, Акоста, Сепульведа, Кортес и других. Клавихеро считал, что «европейцы никогда не делали меньшей чести своему разуму, чем тогда, когда сомневались в разумности американцев»²⁹⁴. В основе исследования мексиканского мыслителя прослеживается гуманистическая идея равенства людей, которая исходила из представления о естественном равенстве. Можно предположить, что в некоторой степени благодаря Клавихеро и другим мыслителям его эпохи распространение этой идеи дало толчок дальнейшим политическим и социальным преобразованиям в Мексике.

Критикуя Поу, Клавихеро подчеркивал, что его целью не является апология Америки и американцев. Однако некоторые авторы, к примеру, Франсуаза Карнер де Матео, считают иначе. Историк отметила, что по особым причинам Клавихеро не смог полностью посвятить свою работу апологии культуры мексиканцев, однако он постарался смягчить, насколько это было возможно, ее негативные черты и выделить позитивные²⁹⁵. Под особыми причинами исследовательница, очевидно, подразумевала христианские, миссионерские взгляды Клавихеро, который считал религию древних мексиканцев заблуждением.

Работа Клавихеро имела большой успех в Европе несмотря на то, что некоторые ученые и критики приняли ее неоднозначно. В одной из рецензий на работу Клавихеро было указано, что «если Робертсон слишком принизил ум

²⁹⁴ Ibid. P. 45.

²⁹⁵ См.: *Camer de Mateo F. Clavijero, historiador de la cultura // Historia mexicana. Vol. 2. No. 2. México: Colegio, 1970. P. 197.*

американцев, то Клавихеро, возможно, повинен в обратном»²⁹⁶. Некоторые критики заподозрили Клавихеро в излишней предвзятости в отношении коренного населения и их культуры. Чуть позже «Древняя история Мексики» дошла до Новой Испании, где также вызвала живой интерес среди местных интеллектуалов.

В исторических работах Клавихеро, как и в его философских трудах, проявились новые тона, не характерные для трудов его предшественников. «Древняя история Мексики» уже не была апологией деятельности Церкви в Новом Свете. Она стала ответом на труды европейцев, очернявших Америку и ее жителей. Клавихеро обратил внимание на индейское наследие с позиции рациональной критики. Он постарался продемонстрировать читателям, что «вся древняя история мексиканцев показывает, что они умеют размышлять и организовывать свои идеи, ... и что европейцы не имели перед ними никакого преимущества, кроме более развитого производства»²⁹⁷. Однако в его работе все еще четко просматривался схоластический взгляд на исторический процесс. Клавихеро считал, что поражение мексиканцев в Конкисте стало проявлением Божественной справедливости и «неустойчивости земных королевств»²⁹⁸.

Повышенный интерес к доиспанской культуре в среде образованных мексиканцев XVIII века был связан со стремлением наделить креолов собственным прошлым. Авторы эпохи Просвещения посмотрели на индейца по-новому, отыскивая нить, связавшую эпохи. Кроме того, они нашли в прошлом господство иррационального, тем самым подчеркнув достижения их собственного

²⁹⁶ *Espíritu de los mejores diarios literarios que se publican en Europa*. 13 de octubre de 1788. Num. 150. Madrid, 1788. P.5.

²⁹⁷ *Clavijero F.J. Historia antigua*. P. 519.

²⁹⁸ *Ibid.* P. 418.

времени²⁹⁹. Наиболее ярко в своей работе это продемонстрировал Клавихеро. Данная проблема подводит нас к вопросу о самоидентификации мексиканского мыслителя, которая будет рассмотрена в следующей главе.

Подводя итоги главы, следует отметить, что в своем творчестве Клавихеро успешно сочетал традиционный схоластический подход и методы рациональной критики. В работе мексиканского мыслителя прослеживается преемственность мексиканской традиции историописания, оформившейся в XVII веке. При этом труд Клавихеро серьезно отличается от трудов его предшественников. В нем ярко проявились характерные для нового исторического мышления элементы: критика источников, авторитетов и осознание пользы исторического знания для современности. Работа Франсиско не была написана с позиции индейцев, однако она уже не была изложением событий в интересах испанской Короны или Церкви. Клавихеро написал историю древней Мексики, посмотрев на нее глазами американца. Он сумел повлиять на развитие исторической науки Новой Испании, даже будучи в изгнании. Благодаря тому резонансу, который вызвала публикация «Древней истории Мексики» в Европе, а также инициативе самого Клавихеро, мексиканские интеллектуалы смогли познакомиться с работой своего коллеги и по достоинству оценили ее.

²⁹⁹См.: *Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 541.*

Глава 3. Актуализация исторического знания в трудах Ф.Х. Клавихеро

Цель данной главы - охарактеризовать интеллектуальную деятельность Клавихеро в рамках магистральных течений общественной мысли поздней колониальной эпохи и определить его роль в формировании мексиканского национального самосознания.

В первом параграфе в рамках актуализации основных принципов исторической концепции Клавихеро анализируются общественно-политические и социально-экономические идеи мексиканского мыслителя и их отличительные особенности.

Во втором параграфе выявляется вклад Клавихеро в формирование креольского патриотизма Новой Испании на основе обращения к сформировавшимся национальным символам и доколумбовому прошлому страны. Помимо этого, уделяется внимание проблеме самоидентификации мексиканского мыслителя.

3.1 Общественно-политические идеи Ф.Х. Клавихеро

Учитывая комплексную природу общественной мысли эпохи Просвещения, с характерной для нее взаимосвязью различных отраслей знания, следует обратить внимание на неразрывную связь исторических представлений Клавихеро и его социально-экономических и политических идей. С XVII по XIX века история превращается в науку об обществе в широком смысле, и в этой трактовке она перестает быть знанием, относящимся исключительно к прошлому³⁰⁰. Знание прошлого становится прикладным, приносящим пользу обществу. В рамках этой парадигмы история в трудах Клавихеро объясняла прошлое, но была неотделима от настоящего.

Интерес к новым научным знаниям у колониальной элиты был связан с экономическим подъемом, который переживали колонии во второй половине века XVIII века: так, например, изобретения и новые технологии оказались востребованными в горных разработках, динамично развивающейся отрасли хозяйства Новой Испании. Появились специализированные образовательные учреждения профессиональной подготовки. В 1792 году в Мехико открылся колледж горного дела. Помимо работ, полезных с практической точки зрения, появилось немало трудов, поднимающих философские и общественно значимые темы. Интеллектуальный прогресс в латиноамериканских колониях совпал с переориентацией колониальной политики Испании. Несмотря на это, политическая тематика крайне редко встречалась в работах мексиканских авторов-предшественников Просвещения, а также деятелей «креольского» этапа, охватывавшего 1768-1788 годы³⁰¹. Основное внимание уделялось экономическим

³⁰⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 54

³⁰¹ Морено де лос Аркос дает следующую периодизацию мексиканского Просвещения: 1768-1788 гг. – креольский этап, 1788-1803 гг. – официальный или испанский этап, 1803-1821 гг. – этап синтеза, консолидации взглядов. См.: *Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados*

и социальным проблемам. Мексиканские ученые проявили интерес к вице-королевству Новая Испания как к собственной стране, к ее истории, географии, флоре и фауне.

Клавихеро, как и многие его современники, демонстрировал интерес к самым разным областям знания. В своей исторической концепции мексиканский мыслитель указал, что религия, политика и экономика являлись тремя главными вещами, которые характеризуют нацию³⁰². Благодаря мексиканскому историку Мариано Куэвасу увидели свет две небольших работы Клавихеро, под названием «Товары, которыми торгует или может торговать Новая Испания» и «Полезные проекты для развития торговли Новой Испании»³⁰³. Эти работы позволяют реконструировать экономические, социальные и политические взгляды автора, которые до этого момента отечественная и зарубежная историографии обходили стороной. Его экономические предложения представляют особый интерес в контексте отношений между латиноамериканскими колониями и испанской Коронай в поздний колониальный период.

Труд Клавихеро под названием «Полезные проекты для развития торговли Новой Испании» включает четыре основных и два дополнительных предложения по улучшению экономического положения колонии. Первое предложение заключалось в создании навигационного пути, связывающего два [Тихий и Атлантический] океана³⁰⁴. Эта идея была сама по себе не нова. Предложения о строительстве канала впервые зазвучали еще в XVI веке, с того момента, как

novohispanos // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 530.

³⁰² *Clavijero F.J.* Historia antigua... P. 147.

³⁰³ *Clavijero F.J.* Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España // *Cuevas M.* Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 363-387; *Idem.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // *Cuevas M.* Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. Pp. 391-398.

³⁰⁴ См.: *Idem.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // *Cuevas M.* Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 391.

Васко Нуньес де Бальбоа пересек перешеек, разделявший два океана. Испанская корона была заинтересована в нем прежде всего из-за того, что он смог бы упростить транспортировку драгоценных металлов из Перу в метрополию. Уже в 1534 году Карл V повелел найти экспертов, которые должны были изучить возможности и стоимость создания такого канала, используя естественное русло реки Чагрес³⁰⁵. Однако проект так и не был реализован. Одной из первых причин стала потенциальная угроза со стороны французов и португальцев в этом регионе. Впоследствии к идее канала не раз обращались видные умы Европы и Америки.

Клавихеро отверг идею искусственно созданного канала, отмечая трудоемкость и дороговизну подобного предприятия. Вместо этого он предложил два естественных пути. Первый, располагавшийся на территории Никарагуа, вел от Гранады по реке Сан-Хуан до одноименного порта на побережье Атлантического океана. Второй пролегал от Теуантепека через реку Коацакуалькос до Мексиканского залива. По мнению Клавихеро, второй возможный путь имел определенные преимущества перед первым, такие как близость к Мехико и Веракрусу и простота в транспортировке из одной акватории в другую³⁰⁶. При этом главный недостаток состоял в том, что оба пути не подходили для навигации крупных кораблей, хотя сам автор не видел в этом проблем. Перевозка могла осуществляться на небольших судах с неизбежными переходами по суше.

Клавихеро также отметил перспективность региона Никарагуа и выразил сожаление по поводу того, что «так заброшена земля, которая могла бы принести

³⁰⁵ См.: Araúz C. A. Un sueño de siglos: El Canal de Panamá // Revista Tareas №. 123. Panamá, 2006. — P. 2
URL: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/panama/cela/tareas/tar123/02arauz.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

³⁰⁶ См.: Clavijero F.J. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 392.

столько выгоды»³⁰⁷. Мексиканский мыслитель неоднократно сетовал на пустоту и заброшенность перспективных районов. Спустя два столетия на наличие проблем в освоении и использовании земель в Латинской Америке, связанных с огромными пространствами и дикой природой, обращал внимание читателей Фернан Бродель³⁰⁸. Развивались лишь те регионы, в которых Испания была особо заинтересована как в источниках своего дохода. В описании городов и провинций Новой Испании, составленном Клавихеро, хорошо видна разница между районами в зависимости от их расположения и специализации. К примеру, рассказывая читателю о порте Акапулько, автор с грустью замечает: «насколько хорош порт, настолько царит разруха в самом поселении, где в домах из грязи и соломы живут мулаты»³⁰⁹. Город оживал лишь с приходом галеона с Филиппин, который привозил пряности и другие ценные товары в Америку и уплывал, нагруженный мексиканским серебром. Таким образом, природа и география континента, а также экономические интересы колонистов во многом обусловили его историческое развитие.

Следующее предложение Клавихеро заключалось в развитии морской торговли Новой Испании вдоль побережья Тихого Океана³¹⁰. Доводы автора о преимуществах, которые этот шаг мог бы принести, сводились к следующему:

1) Защита берегов Тихого океана от враждебных действий английских пиратов. Тихоокеанские поселения испанских колоний действительно страдали от периодических нападений корсаров еще с того момента, как Френсис Дрейк, пройдя в 1578 году через Магелланов пролив в Тихий океан и поднявшись вдоль

³⁰⁷ *Ibid.* P. 392.

³⁰⁸ См.: Бродель Ф. *Мировая цивилизация, экономика и капитализм. Т. III. Время мира.* М, 2007. С.398-400.

³⁰⁹ *Clavijero F.J.* Descripción de la ciudad de La Puebla de los Ángeles o Angelopolis // Cuevas M. *Tesoros documentales de México, siglo XVIII.* México, 1944. P. 346.

³¹⁰ *Idem.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. *Tesoros documentales de México, siglo XVIII.* México, 1944. P. 393.

побережья, разграбил ряд испанских поселений и кораблей. Но пиратство в этой части Нового Света никогда не достигало столь широких размахов, как на атлантическом побережье. Западное побережье Новой Испании было не слишком притягательным для пиратов. Главной целью обычно становились галеоны, идущие из Манилы³¹¹. Но затраты на снаряжение вооруженных экспедиций и трудности долгого пути зачастую обесценивали полученную добычу. С середины XVIII века вооруженные нападения полностью уступают место контрабандной торговле.

2) Упрощение транспортировки необходимых товаров в отдаленные провинции, такие как Сонора, Синалоа и другие. Из-за отсутствия морского пути транспортировать товары приходилось на мулах на расстояние свыше 400-500 лиг, что влекло за собой серьезные расходы. Здесь следует оговориться, что указанные провинции представляли для Клавихеро особый интерес, как для члена ордена иезуитов. Во многом благодаря им были освоены земли Калифорнии. Более того, Клавихеро посвятил этому направлению деятельности ордена вторую по масштабности из своих работ – «Историю древней или нижней Калифорнии». Недаром, предложив проекты по развитию торговли Новой Испании, он вынес этот регион в отдельный раздел, внимание на который в данном диссертационном исследовании будет обращено чуть позже.

3) Коммуникация с Филиппинами для сообщения важной информации, к примеру, о начале войны или заключении мира. Этот довод был тесно связан с ограничениями и запретами в сфере торговых сношений между колониями. Сама идея о стимулировании торговли вдоль тихоокеанского побережья отразила потребность растущего населения колоний в развитии внутренних и межрегиональных экономических отношений.

³¹¹ См.: Герхард П. Пираты Новой Испании (1575-1742). М., 2004. С. 236-237.

Третье предложение Клавихеро состояло в восстановлении торговли между Новой Испанией и южноамериканскими колониями, которая была запрещена из-за жалоб испанских негоциантов³¹². Запрет повредил экономике обеих регионов. Сильно пострадала Пуэбла: «Сегодня невозможно пройти по улицам того большого и густонаселенного города, не столкнувшись с уроном, который нанесла нужда»³¹³. Внося это предложение, мексиканский мыслитель подчеркивал, что есть много товаров, которыми могут торговать между собой регионы, не нанося при этом вред торговле Испании. Из-за ограничений и запретов со стороны метрополии в межатлантической и межколониальной торговле стремительно рос контрабандный обмен товарами. При этом контрабанда вредила испанской казне не меньше, чем повредил бы внутренний обмен между колониями.

В своей небольшой работе «Товары, которыми торгует или может торговать Новая Испания» Клавихеро составил подробный список продукции региона. Основным товаром на экспорт было минеральное сырье: золото, серебро, драгоценные камни и, в меньшей степени, различные металлы. Помимо этого, вывозилась различная сельскохозяйственная продукция: какао, хлопок, ваниль, сахар, табак и т.д. Клавихеро обращал внимание на то, что культивация многих сельскохозяйственных культур Новой Испании осуществлялась еще древними мексиканцами. Тем самым он отмечал некоторую преемственность в хозяйственной деятельности между индейцами и собственными современниками. В этой работе Клавихеро также неоднократно сетовал, что главным препятствием для развития производства и торговли тем или иным товаром чаще всего

³¹² См.: *Clavijero F.J. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 393.*

³¹³ *Ibid.* P. 394.

становился запрет короны, «которая не хочет вредить европейской торговле»³¹⁴. Речь шла об обязательном «посредничестве» Испании в товарообороте между колониями и другими европейскими державами. Ключевыми проблемами, кроме ограничений со стороны метрополии, становились некомпетентность колониальных чиновников, ошибки в ведении хозяйства и отсутствие стимулов для развития производства.

Четвертое предложение Клавихеро заключалось в назначении премий изобретателям различных полезных механизмов, тем, кто способствовал развитию искусств и ремесел, улучшал инфраструктуру и другим энтузиастам³¹⁵. Отсутствие материального поощрения со стороны властей было одной из причин медленного развития науки и технологий. Само по себе такое предложение выглядело новаторским и вполне соответствующим духу Просвещения в Новой Испании. На официальном уровне в коллегиях и университетах передача знаний происходила при строгом соблюдении традиционного подхода и скептическом отношении ко всему новому. Распространение передовых идей современников в основном осуществлялось в частной среде, где большую роль играли личные библиотеки. Книги, многие из которых из-за своего содержания попали в Новый Свет контрабандным путем, передавались из рук в руки. Однако Клавихеро и его коллеги-иезуиты попытались вывести научное знание из закрытых образовательных учреждений и сделать его более доступным образованной публике.

Во второй половине XVIII века к персональному интересу в отношении науки добавилась идея о преобразовании общества с помощью «полезных

³¹⁴ *Clavijero F.J.* Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 366.

³¹⁵ *Idem.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 394.

технологий»³¹⁶. Возникло стремление к применению знаний на практике. По мнению Клавихеро, следовало развивать технологии, которые принесли бы пользу государству, поскольку «культура подданных – это часть благополучия Короны»³¹⁷. Здесь мексиканский мыслитель следовал за европейскими и, в частности, испанскими просветителями, поддерживавшими идею пользы научного знания для преобразования общества. Он предложил преодолеть существующие барьеры путем экономического стимулирования.

Отдельный проект Клавихеро посвящен мексиканской провинции Сонора, уже упомянутой ранее³¹⁸. Эта провинция была богата залежами золота и серебра. Однако власти не извлекали из нее той пользы, которую она могла бы принести. Главными факторами здесь были низкая концентрация населения, набеги апачей и других диких индейских племен, а также отсутствие ртути, необходимой для амальгамирования серебра. Ее приходилось везти из Мехико, что требовало больших затрат и делало нерентабельным добычу драгоценного металла.

Медленное заселение северных земель Новой Испании, сопряженное с рядом проблем, частично перечисленных Клавихеро, возвращает к мысли о важности географического фактора в освоении американского континента. Фернан Бродель подчеркивал, что Европе «потребовались столетия, чтобы воспроизвести себя на другой стороне Атлантики»³¹⁹. О многом говорит тот факт, что северные районы Мексики фактически не были освоены даже к середине XIX века. С медленным освоением огромных территорий связано позднее формирование региональных рынков. Их очертания проявляются лишь к концу

³¹⁶ *Saldaña J.J.* Ilustración, ciencia y técnica en América // *La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica.* Madrid, 1995. P. 29.

³¹⁷ *Clavijero F.J.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // *Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII.* México, 1944. P. 397.

³¹⁸ См.: *Idem.* Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // *Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII.* México, 1944. P. 395.

³¹⁹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.3 *Время мира.* М., 2006. С. 398.

XVII века. Однако уже в XVIII столетии в Новом Свете наблюдалось смещение торговой активности из центральных районов к периферийным, приграничным зонам. Проекты Клавихеро в некоторой мере отразили эти процессы, в которых проявились интеграционные тенденции. Мексиканский мыслитель призывал обратить внимание на малонаселенные районы (Сонора, Синалоа, Никарагуа и др.), к которым постепенно начинали проявлять интерес не только миссионеры, но и предприниматели, искавшие новые объекты материальных вложений для дальнейшего получения выгоды. Предложение развития периферийных зон было оригинальным. Оно подразумевало создание и укрепление внутренних экономических связей между регионами. Однако Клавихеро не заходил дальше в своих рассуждениях, несмотря на то что такое экономическое сплочение могло бы привести к политическому обособлению региона.

Для улучшения положения региона Сонора Клавихеро предложил выращивать там лен и коноплю для изготовления пеньки³²⁰. Такой выбор был обусловлен благоприятными климатическими условиями. Однако существовал запрет на выращивание в колониях льна, винограда и других культур, которые могли бы навредить экономике Испании. В случае снятия такого ограничения культивация этих растений принесла бы большую выгоду провинции и привлекла бы предпринимателей и работников. Клавихеро подчеркивал, что в данной ситуации, во избежание вреда собственной торговле, Испания могла запретить Новой Бискайе торговать указанными товарами с другими провинциями.

Помимо этого, Клавихеро осторожно указывает, что Филиппины могли бы снаряжать раз в два-три года галеон в эту провинцию, помимо того, который ежегодно прибывал в Акапулько³²¹. Такое предложение создавало бы прецедент

³²⁰ См.: *Clavijero F.J. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 396.*

³²¹ *Ibid.* P. 396.

для расширения межколониальной торговли. Поэтому Клавихеро спешил заметить, что данное предприятие могло принести пользу не только упомянутой провинции, но также Филиппинам и испанской короне.

Последнее предложение Клавихеро по улучшению экономического положения Новой Испании заключалось в развитии науки и техники. В нем автор рассуждал о том, почему следовало разрешить использование в Новой Испании технологий, которые могли принести пользу колонии, но были запрещены метрополией. В связи с этим Клавихеро сформулировал ключевой вопрос: «до какой степени должна доходить зависимость Новой Испании от Старой»³²². Сам автор, указывая сложность проблемы, ссылаясь на то, что недостаточно владел материалом для ответа. Клавихеро был убежден, что нельзя запрещать технологии первой необходимости, а также те, «чье отсутствие больше способствует преимуществу иностранцев, чем нашей собственной нации»³²³. Этот фрагмент свидетельствует о происходившем в креольской среде процессе поиска собственной идентичности. В нем присутствует четкое разделение на «своих» и «чужих». Автор осознавал свою принадлежность к конкретному сообществу – к жителям Новой Испании, которых он отделял от других наций.

Несомненно, экономические интересы стали одной из причин сопротивления метрополии. Однако в том, что это сопротивление приняло национальные формы, особую роль, по мнению Б. Андерсона, сыграли «креольские паломники-функционеры и провинциальные креольские печатники»³²⁴. Для мексиканских иезуитов печать стала инструментом миссионерской и образовательной деятельности. Однако с печатью, столь важной для обмена информацией, в Новой Испании были сопряжены определенные

³²² Ibid. P. 397.

³²³ Ibid. P. 397.

³²⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 88.

проблемы, одной из которых стало отсутствие необходимой техники. В качестве примера Клавихеро привел производство литейных форм для книгопечатания³²⁵. Те, что привозились из Европы, стоили баснословных денег. В результате, стоимость печати многократно возрастала. Кроме того, сама бумага оставалась дорогим товаром.

Клавихеро также отмечал, что нельзя запрещать технологии, «отсутствие которых дает преимущество небольшому числу американцев или отдельным городам и социальным группам»³²⁶. В этом предложении отразилась идея о социальной справедливости, характерная скорей для сторонников гуманизма, чем для креольской среды вообще. В целом же предложения по развитию технологий соответствовали духу испанского Просвещения, расценивавшего естественные и прикладные науки как общественно полезное знание.

Проанализировав все предложения автора, необходимо еще раз обратить внимание на то, что их лейтмотивом являлось развитие внутренней экономики региона. С этой позиции мексиканский мыслитель отчасти выступал как протекционист в отношении экономики вице-королевства. Безусловно, Клавихеро, как уроженец Новой Испании, ратовал, прежде всего, за ее благополучие и представлял ее торговые интересы. При этом все проекты автора, так или иначе способствующие развитию внутреннего рынка и коммуникаций между районами, были сделаны с оговорками на то, что они не должны повредить экономике метрополии.

Во всех случаях, когда его предложения затрагивали интересы Короны, Клавихеро высказывался очень осторожно. В его работах не было явных

³²⁵ См.: *Clavijero F.J. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 397.*

³²⁶ *Ibid.* P. 397.

антииспанских настроений. Итальянский историк Джованни Марчетти полагает, что Клавихеро не призывал бороться за независимость, а предлагал пойти путем компромиссов, чтобы снять противоречия, возникшие в колониальный период³²⁷. Исследователь Ринальдо Фрольди в своих рассуждениях о политических настроениях мексиканского мыслителя уходит еще дальше, и указывает, что Клавихеро был «убежденным роялистом и защитником аристократии»³²⁸. Последнее утверждение о столь категоричных политических взглядах является спорным. В письме Клавихеро, опубликованном Фрольди, мексиканский мыслитель действительно критиковал правителей Испании, Франции и Португалии, называя их «королями-разрушителями», однако делал это скорее из-за того, что они одобряли преследования иезуитов, чем из-за собственного предубеждения против монархии: «И если я не проявляю должного уважения к ныне царствующим особам, то лишь потому, что представил, что перенесся во времена наших внуков: ... вы увидите, что я не сказал [о правителях] и части того, что они [внуки] опубликуют без какой-либо вежливости»³²⁹. Помимо этого, интересен сформулированный мексиканским мыслителем риторический вопрос: вспомнят ли последующие поколения о том, что Карл III сам по себе был «приятным, благочестивым и справедливым» правителем после того, как он изгнал иезуитов»³³⁰. Исходя из этих высказываний можно заключить, что Клавихеро положительно относился к монархии, но был глубоко разочарован позицией Карла III в отношении Общества Иисуса.

К концу жизни Клавихеро также в некоторой степени разочаровался в Просвещении: «Наш век, считающийся превосходящим все те, что ему

³²⁷ См.: *Marchetti G.* Cultura indígena e integración nacional. La "Historia antigua de México" de F.J. Clavijero. México, 1986. P. 138.

³²⁸ *Froldi R.* Una carta inédita de Francisco Javier Clavijero, en torno a la supresión de la Compañía de Jesús // *Revista de literatura*, LXIII, №126. Madrid, 2001. P.522.

³²⁹ Carta de N. sobre el juicio que formará la posteridad de la destrucción de los Jesuitas / *Froldi R.* Una carta inédita de Francisco Javier Clavijero, en torno a la supresión de la Compañía de Jesús // *Revista de literatura*, LXIII, №126. Madrid, 2001. P. 526.

³³⁰ *Ibid.* P. 526.

предшествовали, и называющийся преимущественно эпохой Просвещения и гуманизма... будет ли он казаться таковым в XXII веке?»³³¹. Причиной столь негативной оценки эпохи, как и в случае с правителями-современниками, стало преследование Общества Иисуса. Размышляя о несчастьях, постигших Орден иезуитов, Клавихеро демонстрировал веру в историческую справедливость. По его мнению, последующие века «назовут вещи своими именами»³³². В этих установках отразился взгляд Клавихеро на историю как на знание, неразрывно связанное с настоящим.

Рассмотренные выше социально-экономические предложения Клавихеро были частично реализованы, но без участия автора. Проекты мексиканского мыслителя так и остались его личными заметками, которые он никогда не предоставлял публике или чиновникам. То, что испанская колониальная реформа реализовала принципы, содержащиеся в работах Клавихеро, свидетельствует о том, что его предложения находились в русле общего развития экономических идей и в метрополии.

В эпоху Просвещения установилась прочная связь между экономической свободой и свободой политической, гражданской. В этом ключе социально-экономические предложения Клавихеро представляют особую ценность, поскольку отражают точку зрения человека, родившегося в Новом Свете и смотревшего на все политические и экономические события эпохи глазами латиноамериканца. Помимо информации о том, какие экономические проблемы волновали население Новой Испании, работы автора дают представление о креольском взгляде на эти проблемы, и свидетельствуют о зарождении национального самосознания. Но Клавихеро уже не видел, какие процессы

³³¹ Ibid. P.524.

³³² Ibid. P. 523.

происходят в Новой Испании. Его обеспокоенность шла из воспоминаний, из опыта, полученного еще во время пребывания на родине.

Основные принципы исторической концепции Клавихеро были актуализированы через его общественно-политические взгляды. Социально-экономические предложения мексиканского мыслителя не были радикальными, за исключением нескольких особенностей, на которые мы обратили внимание выше. В целом в его работах отразились общие настроения, царившие в креольской среде Новой Испании во второй половине XVIII века. Оригинальной идеей Клавихеро было предложение развития периферийных зон, направленное на создание и укрепление внутренних экономических связей между регионами и превращение колоний в сплоченное целое. Интерес к периферийным зонам также был обусловлен миссионерскими взглядами Клавихеро. Кроме того, следует отметить гуманистический пафос Клавихеро, проявившийся в его рассуждениях об избавлении от бедности и обеспечении достатка нуждающимся.

3.2. Вклад Ф.Х. Клавихеро в формирование креольского патриотизма Новой Испании

Термин «креольский патриотизм» активно используется в мексиканской и зарубежной историографии с 1970-х годов. Он прочно вошел в обиход, прежде всего, благодаря британскому историку Дэвиду Брэдингу. По мнению исследователя, креольский патриотизм возник еще на рубеже XVI-XVII веков, когда в среде потомков испанских конкистадоров, рожденных в Новом Свете, возникло недовольство тем, что Корона не сдержала свое обещание создать особое дворянское сословие в колониях³³³. Креол оказался «обездоленным наследником». С течением времени к этому противоречию добавились и другие. Уже в XVIII веке обозначилось явное пренебрежение европейцев в отношении креолов, ставшее еще одним импульсом к обособлению потомков испанцев в Новом Свете. По мнению Брэдинга, именно на базе креольского патриотизма впоследствии вырос мексиканский национализм. Мексиканский историограф Энрике Флорескано, также активно используя понятие «креольский патриотизм», выделяет три важнейшие составляющие его формирования: осознание связи с определенной территорией, обращение к индейскому прошлому и создание собственных национальных символов³³⁴.

Несмотря на активное использование понятия «креольский патриотизм», оно остается дискуссионным. Особенности самоидентификации мексиканских интеллектуалов в научной литературе описываются различными терминами. Мексиканская исследовательница Маргарита Морено Боннет, изучая мексиканский национализм, обошла стороной термин «креольский патриотизм». Она оценивала творчество креольских авторов второй половины XVIII века, в частности, Мариано Фернандеса де Эчеверрии-и-Вейтии, как проявление

³³³ См.: *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 14-16.

³³⁴ См.: *Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 270.

«скрытого национализма»³³⁵. По мнению испанского исследователя Хуана Хосе Салданы, благодаря работам мексиканских авторов второй половины XVIII века к патриотическому чувству креолов добавился «научный национализм», способствовавший еще большему отдалению от Испании³³⁶. Тем самым испанский исследователь ввел еще один термин, характеризующий процессы самоидентификации, протекавшие в креольской среде. Хорхе Канисарес Эсгерра, назвал временной отрезок 1750-1780 годов периодом создания в Новой Испании «патриотической эпистемологии» - особого дискурса «старого порядка», воспроизводившего и усиливавшего устоявшуюся социально-расовую организацию общества и корпоративные привилегии³³⁷. Основными его носителями стали креолы-выходцы из церковной среды, к которым Эсгерра отнес и Клавихеро.

В данном диссертационном исследовании мы будем определять креольский патриотизм как комплекс идей и поведенческих моделей, возникший у креолов в процессе самоидентификации, осознание себя как отдельной группы с собственной культурой и территорией, а также желание защищать интересы этой группы. Креолы являлись белыми потомками конкистадоров и испанских переселенцев и изначально обладали в колониях тем же статусом, что и испанцы. Для того, чтобы начался процесс самоидентификации, должны были возникнуть веские социально-политические причины. Эти причины крылись в конфликте внутри колониальных элит, обусловленном конкретными историческими событиями и особенностями испанской коллективной психологии.

³³⁵ *Moreno Bonnet M.* Nacionalismo novohispano. México, 2000. P. 279.

³³⁶ См.: *Saldaña J.J.* Ilustración, ciencia y técnica en América // *La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica.* Madrid, 1995. P. 34.

³³⁷ *Cañizares Esguerra J.* Cómo escribir la historia del Nuevo Mundo: historiografías, epistemologías e identidades en el mundo del Atlántico del siglo XVIII. México, 2007. P. 361.

Ключевым элементом самоидентификации стала история. Особую роль в этом процессе сыграли мексиканские интеллектуалы. В колониальный период при помощи истории представители разных социальных групп отстаивали свои социальные и политические интересы. Они излагали события прошлого, «претендуя на место в новом обществе и на признание в обществе будущем»³³⁸. Монахи-хронисты посвящали свои труды проблемам христианизации коренного населения и укреплению церкви в Новом Свете. Потомки индейской знати и конкистадоры оставляли воспоминания о завоевании и колонизации региона. К XVII веку эти типы произведений постепенно исчезли. В историографии Новой Испании стали преобладать провинциальные хроники религиозных орденов и записи миссионеров и колонизаторов периферийных регионов. Оставив в прошлом интерес к природе индейца, авторы церковных хроник обратились к традициям и верованиям коренного населения для того, чтобы продемонстрировать их несостоятельность и заблуждения. Подобные тексты продолжали появляться вплоть до середины XVIII века. Но затем вектор историописания в Новой Испании изменился. Появились работы креольских авторов, по-иному взглянувших на исторический процесс. Их труды, посвященные истории континента в целом и конкретно истории Мексики, отразили растущий интерес к древней истории региона. Этот процесс можно объяснить не только секуляризацией сознания, развитием исторической науки, но и стремлением найти маркер, отличающий новую, формирующуюся нацию от других народов. Влияние на этот процесс оказал и Клавихеро.

Как уже было отмечено в предыдущей главе, свою «Древнюю историю Мексики» Клавихеро написал в ответ на работы европейцев, представлявших Америку и ее жителей в дурном свете. Мексиканский мыслитель беспокоился, что книга Поу может оказать дурное влияние на читающих, создать неверное

³³⁸ *Camelo R.* La historiografía colonial en Nueva España // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México, 2012. P. 36.

представление о Америке и ее жителях. Он постарался сделать все, чтобы изменить представление европейцев об Америке, и, в частности, о Мексике. Энрике Флорескано назвал «Древнюю историю Мексики» «манифестом креольского сознания»³³⁹. Опираясь на источники и личный опыт, Клавихеро показал европейцам, что жители Америки ничуть не хуже их, а древние индейские культуры сопоставимы с европейскими культурами Античности. По мнению итальянского исследователя Стефано Тедески, Клавихеро посредством истории пересмотрел саму суть мексиканского общества, а также восстановил «потерянное достоинство» перед лицом европейцев³⁴⁰. Можно утверждать, что интерес к собственной истории в среде мексиканских интеллектуалов возник, в том числе, из-за работ европейцев, которые представляли Америку и ее жителей в дурном свете. Эта идея возвращает нас к полемике о Новом Свете. Ключевым ее элементом стала апелляция к авторитету прошлого.

К началу XVIII века полемика о Новом Свете, вышедшая за пределы испанской империи, набрала обороты. Диспут развернулся между теми, кто, вместе с Руссо, защищал «доброе дикаря», и теми, кто заявлял о превосходстве белого человека³⁴¹. Американский материал в этом случае стал не целью, а лишь средством решения проблемы. Во второй половине XVIII века временная оппозиция в гуманистической философии сменилась оппозицией пространственной³⁴². Вместо «тогда и сейчас» стали использовать категории «здесь и там», сравнивая два континента. Однако эта новая оппозиция была основана на старых аргументах.

³³⁹ *Florescano E.* Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 279.

³⁴⁰ *Tedeschi S.* La riscoperta dell'America: l'opera di Francisco Javier Clavigero e dei gesuiti messicani in Italia. Roma, 2006. Pp. 127-128.

³⁴¹ См.: *Kohut K.* Clavijero y las disputas sobre el Nuevo Mundo en Europa y América // *Destiempos*, №14. México, 2008. P. 62.

³⁴² *Ibid.* P. 63.

Помимо Клавихеро во второй половине XVIII века в полемике о Новом Свете участвовали и другие видные мексиканские мыслители. Мариано Фернандес де Эчеверрия-и-Вейтия, последователь Ботурини, практически одновременно с Клавихеро написал собственную «Древнюю историю Мексики», которая была опубликована чуть позже, чем работа Франсиско. Узнав о деятельности Вейтии от маркиза де Монкады, который был проездом в Болонье, Клавихеро написал Вейтии письмо, в котором рассказал о своей работе и спрашивал, что тот о ней думает³⁴³. Однако контакт установить не удалось. Вейтия вскоре скончался. Тем не менее, Клавихеро был не одинок в своих взглядах и сам искал единомышленников.

С выходом работ мексиканских авторов во второй половине XVIII века полемика о Новом Свете стала двухвекторной: мексиканские патриоты выступили против очернения Америки со стороны европейцев, а испанские авторы, в свою очередь, отреагировали на работы мексиканцев, обвинив их в создании негативного образа Испании. Как справедливо отметил мексиканский историк Хосе Ортега-и-Медина, «Древней истории Мексики» с момента ее появления хватало критики, как среди европейских исследователей, труды которых опроверг Клавихеро, так и среди его коллег-иезуитов, защищавших конкистадоров³⁴⁴. Его обвиняли в плагиате Торквемады, в преуменьшении заслуг Кортеса и его сподвижников, а также в отсутствии должного внимания божественным причинам Конкисты. Мотивы этой критики были в основном идеологическими. В пятом «рассуждении» (*disertación*), отвечая на замечания Поу об умственных способностях мексиканцев, Клавихеро добавил: «... очень сложно, если не сказать невозможно, сделать прогресс в науках, если находишься в нищете, грязи и

³⁴³ См.: *Veytia M. Historia antigua de México*. T. I. México, 1836. P. XXXI.

³⁴⁴ См.: *Ortega y Medina J.A. Clavijero ante la conciencia historiográfica mexicana // Estudios de historia novohispana*. Vol.10. México, 1991. P. 290.

постоянных неудобствах»³⁴⁵. Подобные утверждения были расценены некоторыми испанскими мыслителями не только как констатация факта плохого обращения с индейцами, но и как намек на отрицательные стороны политики Короны в вице-королевстве. Естественно, что подобные замечания вызвали волну критики со стороны испанских мыслителей и чиновников.

Одним из ярких критиков «Древней истории Мексики» стал испанский мыслитель Рамон Диосдадо Кабайеро. Бывший иезуит, как и Клавихеро, он находился в изгнании в Италии и жил в Риме. В 1784 году под псевдонимом Филиберто де Паррипальма он написал работу «Американские замечания и критическое приложение к истории бывшего иезуита Франсиско Хавьера Клавихеро». Работа Клавихеро вызвала у Диосдадо столь сильное негодование, что он направил свои замечания по ней в Мадрид. В своем письме к главе Совета по делам Индий, Хосе Антонио де Гальвесу, Диосдадо утверждал, что «Древняя история Мексики», написанная Клавихеро, возмутила многих испанцев, поскольку «об их нации написали неподобающим образом»³⁴⁶. В том же письме он сообщил, что закончил первую и вторую части своей работы, и приступил к третьей. К письму прилагалось оглавление всех трех частей³⁴⁷. Первая была посвящена разбору заблуждений Клавихеро в отношении индейцев, вторая повествовала о благах, которые испанцы дали индейцам, а третья обличала клевету Клавихеро в отношении испанцев в Новом Свете. Диосдадо считал, что Клавихеро оклеветал конкистадоров, написав об их жестоком обращении с коренным населением. По его мнению, представление событий в таком свете могло повредить репутации всей нации.

³⁴⁵ *Clavigero F.J.* Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. II. México, 1844. P. 224.

³⁴⁶ Sobre elaboración de la obra "Observaciones americanas...". AHN. Diversas colecciones, 29. N.21. Fol. 1.

³⁴⁷ *Ibíd.* Fol. 5-8.

Королевский Совет по делам Индий заинтересовался «Древней историей Мексики». Было сформировано архивное дело, состоявшее из официальных рецензий разных экспертов. Среди них были как чиновники, так и видные испанские историки, такие как Хуан Баутиста Муньос и Франсиско Серда-и-Рико. В качестве одного из защитников работы Клавихеро выступил Мануэль де Сардисабаль, с которым сотрудничал издатель Антонио Санча. Он прочитал работу и отметил, что она «написана с умом, мудростью»; что среди произведений по этой теме нет ничего подобного и что публикация работы «будет очень полезна нации»³⁴⁸. Однако испанские мыслители сочли некоторые идеи Клавихеро, на которые обратил внимание Рамон Диосдадо Кабайеро, вредными. Замечания Диосдадо заставили чиновников задуматься о «неверности работы», вследствие чего рекомендовалось не публиковать ее, по крайней мере, без разрешения короля³⁴⁹. Предлагалось также найти подходящего человека, который исправит работу Клавихеро, «руководствуясь инструкцией, содержащей мнения о деле, как со стороны Муньоса и Серда, так и со стороны чиновников и самого Совета»³⁵⁰. История Клавихеро побудила испанские власти дать официальный ответ. По заказу Короны Хуан Баутиста Муньос написал «Историю Нового Света». В ней он описал индейцев доколумбова периода как абсолютно диких созданий, едва ли достигших цивилизованного уровня³⁵¹. Муньос со своей позиции раскритиковал работу Клавихеро за недостатки в методологии и нехватку исторических документов.

Любопытно, что в этом противостоянии исторических подходов в Испании выделялись не две стороны, а целых четыре³⁵². Первую группу представляли просвещенные министры в лице Кампоманеса и его последователей, которые

³⁴⁸ Historia de México de Javier Clavigero. AGI. Patronato, 296 A. R. 1. Fol. 12.

³⁴⁹ Ibid. Fol. 7.

³⁵⁰ Ibid. Fol. 179, 180.

³⁵¹ См.: Muñoz J.B. Historia del Nuevo-Mundo. Escribála d. Juan Baut. Muñoz. T. I. Madrid, 1793. P. 11-12.

³⁵² См.: Cañizares Esguerra J. Op. cit. México, 2007. P. 354-355.

оценивали историю как знание, полезное для общественных преобразований. Ко второй группе относились каталонские иезуиты во главе с Рамоном Диосдадо Кабайеро, упорно защищавшие испанский колониализм. Третий, эрудитский, подход представляли Хуан Баутиста Муньос и его коллеги, испанские историки, призывавшие реконструировать прошлое путем скрупулезной работы с источниками. Последнюю, четвертую группу составляли латиноамериканские иезуиты-креолы, к которым относился Клавихеро. В рамках этого противостояния работа Диосдадо не увидела свет, как и труд Клавихеро, из-за критических комментариев Муньоса. Как и Диосдадо, Муньос ставил своей целью написать правдивую, по его мнению, историю Конкисы и колонизации Америки испанцами. Стремясь разрешить ситуацию в свою пользу, Муньос высказал мнение, что его конкуренту не хватает умения, чтобы выполнить эту задачу надлежащим образом³⁵³. Однако Диосдадо получил за неопубликованную работу 600 дуро от Совета по делам Индий, что вдохновило автора, «в надежде на бóльшие вознаграждения, продолжать защищать (нашу) нацию и правительство»³⁵⁴. Учитывая тяжелое финансовое положение иезуитов в изгнании, такое признание Диосдадо не выглядело чем-то из ряда вон выходящим. Как отметила Елена де Лоренцо Альварес, подобные цитаты свидетельствовали о наличии практики поощрения работ по истории Индий со стороны государства³⁵⁵. Речь, разумеется, шла о работах надлежащего содержания. Такое поощрение было необходимо для того, чтобы привлечь к полемике о Новом Свете новых авторов, которые бы выступили в защиту Испании. Однако последующие труды Диосдадо также были отвергнуты, и автор не получил за них денег. В случае с изгнанным испанским иезуитом сыграла роль

³⁵³ Las polémicas de Juan Bautista Muñoz / J.B. Muñoz, Carlos W. de Onis. Madrid, 1984. P. 17.

³⁵⁴ Memoria de trabajos hcos. y literarios de Ramón Caballero. AHN. Diversas colecciones, 30. N. 8. Fol. 1.

³⁵⁵ См.: *De Lorenzo Alvares E. La América censurada del siglo XVIII. En torno a las apologías y proyectos de Ramón Diosdado Caballero // América sin nombre. № 18. Alicante, 2013. P. 116.*

личная позиция Гаспара Мельчора де Ховельяноса³⁵⁶. Испанский просветитель не согласился с позицией Дьосдадо Кабайеро, поскольку считал, что для опровержения «черной легенды» нужны факты, а не слепая апология испанцев.

Уже в XVII веке начали появляться первые работы, обосновывающие преимущество Америки по отношению к Европе. В 1648 году был опубликован труд Мигеля Санчеса под названием «Образ Девы Марии, Матери Божьей Гваделупской, чудесным образом явившейся в Мехико»³⁵⁷. В этой и других подобных работах прослеживалось возникшее в креольской среде убеждение о том, что Америка была истинным местом положения Рая, и ее предназначение заключалось в спасении от разложения и жестокости, от которых страдала Европа. В представлении Санчеса Конкиста стала сражением между силами зла в лице индейцев и божественными посланниками в лице конкистадоров. Последним в битве покровительствовала Дева Мария. Речь шла о той самой Деве Марии Гваделупской, которая по легенде явилась впоследствии мексиканскому крестьянину индейского происхождения Хуану Диего. Работа Санчеса была традиционной апологетикой деятельности Церкви в Новом Свете. При этом он популяризировал образ Девы Марии – защитницы Мексики.

Кульм достиг своего апогея в 1746 году, когда делегаты от всех диоцезов Новой Испании собрались, чтобы объявить Деву Марию Гваделупскую своей общей покровительницей³⁵⁸. Решение было одобрено Святым Престолом в 1754 году. Одобрение папы было своеобразным признанием локальных особенностей Новой Испании. Несмотря на библейский образ Девы Марии, этот символ трудно назвать заимствованным, поскольку речь шла о явлении Богородицы на

³⁵⁶ *Ibíd.* P. 117-121.

³⁵⁷ См.: *Sánchez M.* Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. México, 1648. 217 p.

³⁵⁸ См.: *Brading D.A.* Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VI. Birmingham, 1995. P. 2.

территории самой Новой Испании. Свой вклад в распространение этого образа вносили не только религиозные деятели, но и ученые Новой Испании. К примеру, Карлос Сигуэнса-и-Гонгора, столь уважаемый Клавихеро, также написал небольшую работу, посвященную культу Девы Марии Гваделупской³⁵⁹. Образ Девы Марии Гваделупской стал одним из важнейших символов для будущей нации, в котором проявилось обращение к ценностям «крестового похода».

Последняя работа Клавихеро, написанная незадолго до смерти, представляла собой краткое повествование о явлении Девы Марии Гваделупской, распространении ее почитания и чудесах, творимых ее образом. Эта работа раскрывает два важных аспекта: патриотическое чувство, проявившееся у Клавихеро, а также его глубокое почитание религиозных символов. Франсиско отметил, что «можно бесконечно перечислять все благодеяния, которыми Мексика обязана Деве Марии Гваделупской»³⁶⁰. Работа была опубликована на итальянском языке. Таким образом, Клавихеро, как и другие авторы-иезуиты в изгнании, посредством зарождавшихся мексиканских символов, утверждал своеобразие Новой Испании.

Помимо оригинальных были также заимствованные и впоследствии адаптированные символы. Один из примеров - Святой Ян Непомуцкий. Его фигура приобрела особое значение в среде иезуитов Новой Испании к середине XVIII века. История жизни чешского Святого Иоанна Непомуцкого привлекла внимание мексиканского иезуита Хуана Антонио де Овьедо³⁶¹. В 1727 году он написал и опубликовал житие мученика. Его коллега-иезуит Антонио Темпис,

³⁵⁹ См.: *Sigüenza y Góngora C. de. Glorias de Querétaro en la nueva congregación eclesiástica de María Santísima de Guadalupe, con que se ilustra y en el sumptuoso templo que dedicó a su obsequio* D. Juan Cavallero Yocio. México, 1680. 80 p.

³⁶⁰ *Clavigero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico*. Cesecna, 1782. P. XXXV.

³⁶¹ См.: *Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno*// *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. Vol. XXXIII. Num. 99. México, 2011. P. 147.

находившийся в миссии в Калифорнии, проповедовал Священное Писание среди индейцев перику. К 1736 году волнения среди индейцев прекратились. Темпис отметил, что в деле христианизации ему помогла история жизни Яна Непомуцкого³⁶². Популярность культа Святого быстро росла. Он распространился из миссий с севера страны в церкви крупных городов, а затем проник и в повседневную жизнь жителей колонии. В описи живописи, оставшейся после смерти Бласа Клавихеро, фигурируют несколько изображений Святого Яна Непомуцкого³⁶³. Чешский мученик стал защитником от клеветы, наговоров и оскорблений. Для иезуитов он стал особенно важен после их изгнания и дальнейших преследований Ордена. Образ Святого Яна Непомуцкого – пример заимствования и последующей адаптации культа, с добавлением собственных ритуалов. Это была распространенная для иезуитов практика³⁶⁴. С одной стороны, она способствовала культурному обмену, а с другой порождала символы, помогавшие закрепить самоидентификацию.

Во второй половине XVIII века метрополия приложила усилия для установки четких границ Новой Испании. Были ликвидированы английские поселения на берегу Москитов, а также отправлены экспедиции в северные провинции Сонора, Калифорния и Техас³⁶⁵. Эти процессы были связаны с внешнеполитической стратегией Испании. Поскольку период экспансии был завершен, Испания, не желая конфликтовать с другими державами, стремилась четко определить свои границы. Однако для креолов этот процесс воспринимался как ужесточение административного контроля над территорией, ограничение мобильности населения и увеличение налогового бремени. На фоне колониальной

³⁶² *Ibíd.* P. 149.

³⁶³ Autos de inventarios y aprecio de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero... // *Castro Morales E.* Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla, 1970. P. 67.

³⁶⁴ См.: *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // *Destiempos*, №14. México, 2008. P. 403.

³⁶⁵ *Brading D.A.* Bourbon Spain and its American Empire // *The Cambridge History of Latin America*. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge, 1984. P.401.

политики, направленной на упорядочение владений, в самом вице-королевстве начался процесс осознания собственной территории и своего места в мире. Сбор информации о территории, флоре и фауне Нового Света, шедший на протяжении двух предыдущих столетий, с середины XVIII века развернулся еще шире на волне растущего интереса образованного креольского населения. Интерес этот был обусловлен рядом факторов. С одной стороны, - практическими соображениями, поскольку освоение новых земель сулило экономическую выгоду. С другой стороны, - научным интересом. Увеличилось число экспедиций в отдаленные, приграничные районы страны, проводились картографические работы. В 1748 году была впервые опубликована карта территории Мексики, составлением которой еще в предыдущем веке занимался мексиканский эрудит Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора. Позже современник Клавихеро Хосе Антонио Альсате добавил в нее новые данные и в 1768 году отправил в Королевскую Академию наук в Париже³⁶⁶. В процесс собора данных, составления карт и списков растений и животных креолы Новой Испании начали осознавать эту землю своей, связывать себя с ней. Толчком к изучению естественной истории также послужили публикации европейских авторов. Многие из них никогда не были в Америке и описывали ее климат, флору, фауну и местных жителей, основываясь на фантастических заметках путешественников.

География и природа Новой Испании не являлись основной темой для Клавихеро. Включить ее в «Древнюю историю Мексики» его убедили друзья. Следуя за общими настроениями, а также опровергая домыслы европейцев, он посвятил первую книгу работы естественной истории региона. Сам автор не видел необходимости в этом разделе, и полагал, что некоторые персоны «сочтут его неуместным»³⁶⁷. Чтобы не отступать от темы, Клавихеро постарался вписать природные ресурсы, флору и фауну в исторический контекст, уделив внимание

³⁶⁶ См.: *Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. México, 2002. P. 271.*

³⁶⁷ *Clavijero F.J. Historia antigua de México. México, 1974. P. XXI.*

тому, как их использовало коренное население. Мексиканский мыслитель отметил, что даже для сбора таких отрывочных сведений ему пришлось приложить много усилий, поскольку его личный опыт и знание региона оказались недостаточными³⁶⁸. По мнению Клавихеро, тема географии и природы заслуживала отдельного серьезного исследования.

В данном диссертационном исследовании были рассмотрены три главных аспекта формирования креольского патриотизма, которые позволили жителям Новой Испании обозначить свою территориальную, духовную и историческую автономию. Также была осуществлена попытка выявить роль Клавихеро в этом процессе. Однако остается не прояснённым еще один важный вопрос, связанный с поставленной проблемой: насколько Клавихеро осознавал себя мексиканцем?

Главной предпосылкой для отдаления от Испании стало смешение культур. В первой главе уже упоминалось, что Клавихеро, как и многие креолы, рос в условиях, формировавших двойную идентичность. Он находился в прямом контакте как с европейскими, испанскими ценностями, так и с индейскими. Еще одним стимулом для рефлексии о собственной идентичности было отношение испанцев к креолам. Они смотрели на креолов свысока, что побуждало креолов видеть в испанцах чужаков. Клавихеро, безусловно, признавал свою принадлежность к креольской прослойке мексиканского общества. В своих заметках он неоднократно употреблял слово «родина» в отношении Новой Испании. В своем обращении к Университету Мехико он написал, что его «Древняя история Мексики» - это «история Мексики, написанная мексиканцем»³⁶⁹. Однако далее, на протяжении всего повествования, он употреблял слово «мексиканец» только в отношении индейцев. В одном из своих «рассуждений» Клавихеро подчеркнул: «Я рожден от испанских родителей и не

³⁶⁸ *Ibid.* P. XXI.

³⁶⁹ *Ibid.* P. XVII.

имею никакого родства с индейцами, и не ожидаю никакой выгоды от их несчастного положения»³⁷⁰. В связи с этим возникает более сложный вопрос: насколько Клавихеро отделял себя от испанцев? В прологе к «Древней истории Мексики» он соотнес себя как с креолами, так и с испанцами, называя и тех, и других «соотечественниками»³⁷¹. При этом в тексте присутствует четкое разделение между указанными группами. Жак Лафайе справедливо поясняет, что в данном случае Клавихеро определил себя испанцем по крови, но мексиканцем-креолом по территориальному происхождению³⁷². Кроме того, Клавихеро относил себя к креолам, как к отдельной социальной прослойке. В его восприятии мексиканское общество представляло собой некую общность, объединяющую разные социальные группы. Почему же тогда он назвал себя «мексиканцем» в обращении к университетским коллегам? По всей видимости, Клавихеро специально подчеркнул, что является «мексиканцем», чтобы обозначить свою тесную связь с Новой Испанией и ее жителями. Таким способом он демонстрировал, что может рассказать правдивую историю страны, в которой родился и жил долго время, в отличие от европейских авторов, которые никогда не были в Новом Свете.

Как отметил Мигель Батлори, латиноамериканские иезуиты, креолы по происхождению, находились в «преднациональной регионалистской фазе»³⁷³. Жак Лафайе уточнил, что это высказывание верно, если мы подразумеваем под «нацией» особого рода общность, «характеризующуюся интеграцией различных этнических сообществ, объединенную добровольными политическими узами, общими интересами и общим эмоциональным наследием»³⁷⁴. Замечание Батлори о «преднациональной регионалистской фазе» верно и для Клавихеро. В отличие

³⁷⁰ *Ibid.* P. 503.

³⁷¹ *Ibid.* P. XXI.

³⁷² См.: *Lafaye J.* Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531-1813. Chicago, 1976. P. 108.

³⁷³ *Batllori M.* La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. Madrid: Gredos, 1967. P. 578.

³⁷⁴ *Lafaye J.* Op. cit. P. 109.

от Батлори и Лафайе, Кармен Ровира Гаспар полагает, что Клавихеро и другие изгнанные иезуиты уже не были американскими испанцами³⁷⁵. Они ощущали себя мексиканцами. Главный довод в пользу этой гипотезы – поиск собственной идентичности через обращение к доколумбовому прошлому и явное неприятие действий испанцев в Новом Свете. Однако наиболее вероятным является то, что Клавихеро переживал процесс осознания собственной идентичности. В виду этого нельзя однозначно ответить на вопрос, считал ли он себя американским испанцем или же американцем.

Благодаря публикациям и персональным контактам изгнанных иезуитов Мексика заняла свое место среди других наций как «автономное географическое и культурное образование, наделенное престижным прошлым и обещанием богатого будущего»³⁷⁶. Мексиканские историки второй половины XVIII века «присвоили» доколумбово прошлое, попытались доказать его исключительность, и, раскрывая связь времен, превратили его в собственные корни. В своей работе «Корни мексиканского национализма» Дэвид Брэдинг пришел к выводу, что Клавихеро писал свою историю не только для того, чтобы опровергнуть Поу, Райналя, Робертсона и других европейских авторов, но и для того, чтобы дать креольским патриотам историю, которая обеспечила бы им легитимность³⁷⁷. Однако, с нашей точки зрения, ошибочно приписывать ему подобные стремления, чрезмерно полагаясь на ретроспективный подход.

Клавихеро сознавал себя уроженцем Мексики и питал к ней особые теплые чувства. Но помимо этого, он в равной степени сознавал себя членом Ордена иезуитов, человеком, принадлежащим католической церкви. Пример Клавихеро – один из многих, показывающих, что национальное самосознание было лишь на

³⁷⁵ См.: *Carmen Rovira Gaspar M.del.* Filosofía y humanismo. La obra de los jesuitas criollos mexicanos // Revista de hispanismo filosófico. Núm. 14. Madrid, 2009. P. 19.

³⁷⁶ *Lafaye J.* Op. cit. P. 111.

³⁷⁷ См.: *Brading D.A.* Los orígenes del nacionalismo mexicano. México, 1973. P. 58.

стадии зарождения, а процесс секуляризации сознания шел медленно. В случае Клавихеро, любовь к стране, в которой он родился, все еще занимала вторичное положение по отношению к любви к Богу и преданности Ордену. При этом следует отметить, что это все же были разные уровни самоидентификации.

Клавихеро обрел известность еще при жизни. Его «Древняя история Мексики» заинтересовала европейских издателей и быстро стала популярной. Сам Клавихеро отметил, что реакция на его работу в Европе превзошла все его ожидания³⁷⁸. «Древняя история Мексики» была опубликована на итальянском, английском и немецком языках еще до ее выхода на испанском. Работа, действительно нашла живой отклик в европейском интеллектуальном сообществе. Некоторые критики оценили ее как «наиболее правдоподобную и правильную из стольких написанных»³⁷⁹. Кроме того, росту интереса к личности и творчеству Клавихеро способствовала биография, написанная его другом Хуаном Луисом Манейро. В 1803 году Александр Гумбольдт посетил Новую Испанию. Он исследовал географию региона, его флору и фауну; собирал информацию о индейских древностях, местном населении, культуре, экономике и политике. Гумбольдт стал первым европейцем, позволившем читателю составить современное научное представление об американской природе. В своей работе немецкий ученый неоднократно ссылаясь на труд Клавихеро³⁸⁰. Поскольку работа Гумбольдта получила широкое распространение и вызвала немалый интерес как в Европе, так и в Америке, имя Клавихеро обрело еще большую известность, чем ранее. Однако в мексиканскую историографию XX века Клавихеро вошел не как

³⁷⁸ Francisco Xavier Clavigero, al Señor Rector y Claustro de la Real y Pontificia Universidad de México, carta en que da razón del envío de 50 ejemplares de la obra *Historia Antigua de México*, destinados al propio rector, a la librería pública y a los catedráticos de dicha institución. Bolonia, 29 de febrero de 1784. AGN. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 4000-4999. Caja 4429. Expediente 039. Fol. 2

³⁷⁹ *Espíritu de los mejores diarios literarios que se publican en Europa*. 13 de octubre de 1788. Num. 150. Madrid, 1788. P. 3.

³⁸⁰ См.: *Humboldt A. von. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne*. Paris, 1827. T.I. P. 196; *Ibid.* T. II. P. 42, 56, 74, 241.

эрудит и просветитель, а, прежде всего, как основоположник мексиканского национализма.

Образ Клавихеро - сторонника освобождения латиноамериканских колоний от испанского господства родился из-за внимания к его работе Франсиско Миранды, одной из ключевых фигур войны за независимость Латинской Америки. Распространению этого мифа способствовали многие американские историки. Легенда о дружбе Миранды с иезуитами (вплоть до формирования ложи сторонников независимости) была широко распространена вплоть до середины XX века, особенно среди венесуэльских историков³⁸¹. Кроме того, после изгнания и упразднения Ордена, многие иезуиты сотрудничали с такими противниками Испании, как Англия, Австрия и Россия, с целью получить их поддержку³⁸². На основе этого некоторые историки делали вывод о желании иезуитов освободить американцев от испанского и португальского господства. Миранда был знаком с «Древней историей Мексики». Во время своего пребывания в России в 1786-1787 годах, он подарил князю Потемкину экземпляр работы³⁸³. Этот эпизод свидетельствует о том, что будущий руководитель войны за независимость высоко ценил творчество своего соотечественника. С того момента в трудах мексиканских историков Клавихеро стал позиционироваться как первый представитель формирующегося мексиканского сознания и сторонник независимости. В течение XIX столетия данная точка зрения укрепилась, и продолжала поддерживаться большинством мексиканских авторов вплоть до середины XX века. Работы Клавихеро были интерпретированы последователями в рамках антииспанских настроений на рубеже XVIII-XIX веков во многом из-за тематики, выбранной мексиканским мыслителем. Таким образом, связь

³⁸¹ См.: *Batllori M.* La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. Madrid, 1967. P. 576.

³⁸² См.: *Torales Pacheco M.C.* Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // *Destiempos*, №14. México, 2008. P. 398.

³⁸³ См.: *Gómez Robledo A.* La conciencia mexicana en la obra de Francisco Javier Clavijero // *Historia Mexicana*. Vol. 19. №3. México, 1970. P. 355.

исторический идей Клавихеро и креольского патриотизма во многом была обусловлена историографической традицией.

Содержание исторических идей Клавихеро приобрело особое значение в контексте социальных настроений, царивших в вице-королевстве в позднюю колониальную эпоху. Процесс формирования мексиканской национальной идентичности шел очень медленно, на протяжении нескольких столетий. Зародившись в колониальный период на основе противоречий внутри колониальной элиты, он продолжился после завоевания независимости. Во второй половине XVIII века эти противоречия нашли выход в работах на историческую тематику. Через свои исторические труды Клавихеро внес опосредованный вклад в формирование национальной идентичности. Его работы были так или иначе связаны со всеми тремя рассмотренными составляющими креольского патриотизма, в меньшей степени с осознанием собственной территории и символов, в большей – с «присвоением» индейского прошлого и его постановкой в один ряд с древними европейскими культурами. В попытке продемонстрировать европейскому обществу, что мексиканское общество ничем не хуже, Клавихеро неосознанно провел еще более отчетливую границу между ними. Будет несправедливым назвать его одним из основоположников мексиканского национализма, поскольку сам он не высказывал никаких радикальных идей и не поддерживал антииспанские настроения. Однако его работы сыграли важную роль в процессе восприятия мексиканцами собственного исторического наследия и дали пищу для размышлений будущим идеологам независимости страны.

Заключение

Данное диссертационное исследование раскрывает вклад Клавихеро в развитие мексиканской традиции историописания, а также его роль и место в мексиканской историографии второй половины XVIII века. Большой научный интерес представляет процесс складывания основных факторов, повлиявших на становление личности мексиканского мыслителя, а также его научных и социально-политических взглядов. К ним относились: воздействие двух культур, испанской и индейской, влияние отца и друзей-интеллектуалов, а также образование, полученное в иезуитских коллегиях Новой Испании. С самого раннего детства Клавихеро оказался погружен в смешанную культурную среду. Европейские и, в частности, испанские традиции, к которым ему привили любовь в семье, сочетались с индейской культурой, окружавшей его в повседневной жизни. Большое влияние на мексиканского мыслителя оказал его отец, Блас Клавихеро, прививший ему любовь к истории и иностранным языкам. У Клавихеро были непростые отношения с высшим духовенством. Его церковную карьеру нельзя однозначно назвать успешной, поскольку в ряде случаев ему приходилось отстаивать свои идеи перед вышестоящими сановниками. Однако Общество Иисуса открыло перед ним большие возможности. Благодаря пребыванию в нем с ранних лет Клавихеро получил хорошее образование, познакомился с молодыми мексиканскими мыслителями и впитал интеллектуальные традиции иезуитов.

В ходе исследования были выявлены основные интеллектуальные течения эпохи, в рамках которых сформировались научные взгляды Клавихеро. К ним относятся испанский гуманизм, критический рационализм, католические обновленческие течения, а также миссионерские традиции Общества Иисуса. Клавихеро жил в эпоху взаимного проникновения старых и новых научных

взглядов. Идеи Просвещения постепенно проникали в Новую Испанию и адаптировались мексиканскими мыслителями с учетом местных интеллектуальных традиций. Мексиканских мыслителей XVII-XVIII веков стали занимать вопросы рационального познания мира и научного подхода, социальные проблемы общества. Отсюда проистекала критика образования, рабства и социального неравенства.

Для Клавихеро и его коллег-иезуитов были характерны попытки примирить науку и религию, рациональное и религиозное мировоззрение. В результате столкновения традиционных и новых идей, философия, преподаваемая в мексиканских коллегиях, приобрела эклектичные черты. Изгнание иезуитов положило конец этим попыткам создать синтез старой и новой философии. Однако деятельность иезуитов-мыслителей дала толчок движению, широко развернувшемуся впоследствии: настоящему расцвету научного знания в Новой Испании. В плане философии он означал переход от просвещенной схоластики к зрелой философии Нового времени. При этом с позиции Церкви Клавихеро и другие иезуиты-мыслители выполняли двойную функцию: с одной стороны, отсеивали лишнее, «вредное» знание, ставившее под сомнения религиозные догматы, а с другой поддерживали интеллектуальную гегемонию Ордена в испанских колониях.

Клавихеро был человеком переходного периода, заключавшегося в движении от средневековых схем познания к рациональному мышлению. Несмотря на традиционную религиозную базу своего образования, он открыл для себя критический подход в науке. Клавихеро не видел противоречия в сочетании критицизма, эмпирического и схоластического подходов. При работе с историческими хрониками, заметками конкистадоров и миссионеров он использовал рациональную критику и оспаривал многие устоявшиеся идеи,

однако в тех моментах, которые он сам не мог объяснить, он обращался к авторитету Священного Писания. В изгнании у Клавихеро не было доступа к первичным источникам, но он подошел к сбору информации серьезно, изучив и осуществив критический анализ большого корпуса документов, пусть и вторичных по своему характеру. Работа Клавихеро отразила основные тенденции зарождавшейся мексиканской исторической науки.

В ходе исследования были проанализированы социально-политические и экономические взгляды Клавихеро, в которых актуализировались основные принципы исторической концепции мыслителя. Анализ работ Клавихеро показал, что его политические и социально-экономические взгляды не были радикальными. В своих размышлениях об экономических отношениях между метрополией и колониями Клавихеро пытался сгладить острые углы и призывал стремиться к взаимовыгодному компромиссу в решении тех или иных вопросов. Его негативная оценка в отношении короля Испании Карла III была связана с изгнанием иезуитов, а не с колониальной политикой Испании в целом. Работы Клавихеро позволили составить представление о креольском взгляде на проблемы, волновавшие мексиканское общество.

Полемичность суждений Клавихеро о древней истории Мексики была обусловлена противоречивыми последствиями колониальных преобразований XVIII века. Реформы, проведенные в Индиях, вызвали недовольство креольской элиты, выразившееся, в частности, в процессе интеллектуального обособления от испанцев-жителей метрополии, которое переросло в поиск национальной самоидентификации, описываемой в историографии как креольский патриотизм. Характерными проявлениями этого процесса стали смещение акцентов в трактовке интерпретации прошлого Новой Испании и выраженная полемичность содержания исторических трудов. В рамках этого течения на примере Клавихеро

был исследован механизм поиска национальной идентичности. Обратившись к национальным символам и индейскому прошлому страны, мексиканский мыслитель косвенно, через свои работы, внес вклад в формирование креольского патриотизма. Однако в попытке доказать, что мексиканское общество ничем не хуже европейского, он неосознанно провел еще более отчетливую границу между двумя мирами. Клавихеро сложно назвать одним из основоположников мексиканского национализма, поскольку сам он не высказывал никаких радикальных идей и не поддерживал антииспанские настроения. Однако его работы сыграли важную роль в процессе восприятия мексиканцами собственного исторического наследия и дали пищу для размышлений будущим идеологам независимости страны.

Исторические труды Клавихеро оказали существенное влияние на мексиканскую общественную и научную мысль, как своего времени, так и последующих эпох, о чем свидетельствует неугасающий интерес к фигуре мексиканского мыслителя в современной мексиканской историографии. Клавихеро откликнулся на внешние вызовы своего времени и в результате оказал влияние на последующие поколения интеллектуалов, продолжив преемственность традиции историописания.

Результаты данной работы позволяют расширить представления о развитии мексиканской общественно-политической и исторической мысли, о позднем колониальном периоде в истории Мексики в целом, а также об особенностях мексиканской историографии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I ИСТОЧНИКИ

A Архивные источники

Архив Индий, г. Севилья, Испания

1. AGI. Archivo General de Indias. Patronato, 296 A. R. 1. Historia de México de Javier Clavigero.
2. AGI. Archivo General de Indias. Contratación, 5478. N. 1. R. 6. Contratación de Blas Clavijero.

Генеральный Архив Нации, г. Мехико, Мексика

3. AGN. Archivo General de la Nación. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 2000-2999. Caja 2301. Expediente 014. Traducción literal hecha a la obra Historia de México de Francisco Xavier Clavigero, del tomo 2 páginas 45 a 48, sobre el sacrificio común de las víctimas humanas.
4. AGN. Archivo General de la Nación. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 4000-4999. Caja 4429. Expediente 039. Francisco Xavier Clavigero, al Señor Rector y Claustro de la Real y Pontificia Universidad de México, carta en que da razón del envío de 50 ejemplares de la obra Historia Antigua de México, destinados al propio rector, a la librería pública y a los catedráticos de dicha institución. Bolonia, 29 de febrero de 1784.
5. AGN. Archivo General de la Nación. Instituciones Coloniales. Indiferente Virreinal. Cajas 5000-5999. Caja 5322. Expediente 119. Informe al señor juez de Capellanías del Obispado de Puebla, sobre el nombramiento de patrono y capellán que dió Vuesta Merced, en el ex-jesuita don Iganacio Eduardo Clavigero, de la capellanía de misas que fundó don Manuel Clavigero, su hermano. México. 1792.

Национальный Исторический Архив, г. Мадрид, Испания

6. AHN. Archivo Histórico Nacional. Consejos. 5548. Exp.10. Licencia de impresión de la traducción del italiano al castellano de la obra "Historia antigua de México..." de Francisco Javier Clavigero, solicitada por el impresor Antonio Sancha.
7. AHN. Archivo Histórico Nacional. Diversas colecciones, 28. N. 48. Carta del impresor Antonio de Sancha a Francisco Cerdá Rico, primer oficial de la Secretaría de Indias, pidiéndole su parecer sobre la 'Historia de Méjico' de Clavijero.
8. AHN. Archivo Histórico Nacional. Diversas colecciones, 29. N.21. Sobre elaboración de la obra "Observaciones americanas...".
9. AHN. Archivo Histórico Nacional. Diversas colecciones, 30. N. 8. Memoria de trabajos hcos. y literarios de Ramón Caballero.

Б Опубликованные источники

I Труды Ф.Х. Клавихеро

10. Clavijero F.J. Breve descripción de la Provincia de México de la Compañía de Jesús, según el estado en que se hallaba el año de 1767 // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – Pp. 295-309.
11. Clavijero F.J. Capítulos de historia y disertaciones. – México: UNAM, 1944. – 166 p.
12. Clavijero F.J. De la Física Particular // Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. – México: UNAM, 1995. – Pp. 137-178.
13. Clavijero F.J. Descripción de la ciudad de La Puebla de los Ángeles o Angelopolis // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – Pp. 321-360
14. Clavijero F.J. Descripción de la Ciudad de México, capital de la Nueva España //

- Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – Pp. 311-320
15. Clavijero F.J. Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – Pp. 363-387
16. Clavijero F.J. Historia de la antigua o baja California. Trad. del italiano por Nicolás García de San Vicente. – México: Imprenta de Juan R. Navarro, 1852. – 123 p.
17. Clavijero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. 2 vols. / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. – México: Imp. de Lara, 1844.
18. Clavijero F.J. Historia antigua de México. – México: Porrúa, 1974. – 621 p.
19. Clavijero F.J. Memorias edificantes (1761) // Francisco Javier Clavijero, un humanista entre dos mundos: entorno, pensamiento y presencia. – México: FCE, 2015. – Pp. 207-230.
20. Clavijero F.J. Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – Pp. 391-398.
21. Clavijero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. – Cesecna, 1782. – 39 p.
22. Clavijero F.S. Storia della California. Opera póstuma. 2 vols. – Venezia: Appresso Modesto Fenzo, 1789.

III Источники личного происхождения

23. Alegre F.J. Historia de la Compañía de Jesús en Nueva España. 3 vols. – México: Imprenta de J.M. Lara, 1841-1842.
24. Alzate J.A. Descripción de las antigüedades de Xochicalco (1791) // Gacetas de

- literatura de México. T. II. Suplemento a la Gaceta de literatura. – Puebla: Reimpresas en la oficina del hospital de S. Pedro, 1831. – Pp. 1-24.
25. Alzate J.R. Las notas a la Historia antigua de Clavijero // Moreno R. Las notas de Alzate y la Historia antigua de Clavijero / Estudios de Cultura Náhuatl. No. 10. – México: UNAM, 1972. – Pp. 375-392.
 26. Boturini Benaduci L. Creencias de los pueblos nahuas durante la primera de las tres edades // León-Portilla M. De Teotihuacan a los aztecas. – México: UNAM, 1972. – Pp. 521-525.
 27. Boturini Benaduci L. Idea de una nueva historia general de la América Septentrional. – Madrid: en la imprenta de Juan de Zuñiga, 1746. – 330 p.
 28. Calino C. Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno / trad. Xavier Mariano Clavigero. – México: Imp. del Real y más antiguo colegio de S. Ildefonso, 1762. – 96 p.
 29. Campomanes P. R. Dictamen Fiscal de Expulsión de los Jesuitas de España (1766-1767). – Madrid: Fundación Universitaria Española, 1977. – 224 p.
 30. Díaz de Gamarra J.B. Tratados. – México: UNAM, 1995. – 177 p.
 31. Feijoo B.J. Teatro crítico universal. T. III. (1729). – Madrid: Por Pantaleón Aznar, 1777. – 395 p.
 32. Gage T. El inglés americano: sus trabajos por mar y tierra o un nuevo reconocimiento de las Indias Occidentales (1648). – México: Libros del Umbral, 2001. – 370 p.
 33. León y Gama A. de. Descripción histórica y cronológica de las dos piedras, que con ocasión del nuevo Empedrado que se está formando en la Plaza Principal de México, se hallaron en ella el año de 1790. – México: imprenta de A. Valdés, 1832. – 148 p.
 34. Muñoz J.B. Historia del Nuevo Mundo. Escribála d. Juan Baut. Muñoz. T. I. – Madrid: por la viuda de Ibarra, 1793. – 365 p.
 35. Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires

- intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. – Berlin, 1769. – 550 p.
36. Raynal G-T. F. Histoire philosophique et politique des établissemens & du commerce des européens dans les deux Indes. T. II. – Geneve: Chez Jean-Leonard Pellet, 1780. – 629 p.
37. Robertson W. The History of America. 3 vols. – London: Printed for W. Strahan, 1777.
38. Sánchez M. Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. – México: Imprenta de la viuda de Bernardo Calderos, 1648. – 217 p.
39. Sigüenza y Góngora C. de. Glorias de Querétaro en la nueva congregación eclesiástica de María Santísima de Guadalupe, con que se ilustra y en el sumptuoso templo que dedicó a su obsequio D. Juan Cavallero Yocio. – México: Vda. de Bernardo Calderón, 1680. – 80 p.
40. Torquemada J. de. Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblaciones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la misma tierra (1615). 8 vols. – México: UNAM, 1975.
41. Vetancurt A. de. Teatro mexicano: descripción breve de los sucesos exemplares, históricos, políticos, militares, y religiosos del nuevo mundo Occidental de las Indias. 2 vols. – México: Vda. de Juan Ribera, 1698.
42. Veytia M. Historia antigua de México. T. I. – México: Imprenta a cargo de Juan Ojeda, 1836. – 289 p.

IV Делопроизводственные источники

43. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección de Castro Morales E. – Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., sección de relaciones públicas, 1970. – 73 p.

44. Informe del fiscal del Consejo de Indias D. Manuel Pablo Salcedo: sobre el método que ha de seguirse para escribir la historia de Indias (5 de febrero de 1762) / Estudio de Chacón y Calvo J.M. // Boletín de la Biblioteca Menéndez Pelayo. Núm.2. 1932. – México: Biblioteca Menéndez Pelayo, 1932. – Pp. 285-324

V Мемуарные источники

45. Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII (1791-1792). – México: UNAM, 1956. – 292 p.
46. Sebastian F. de, S.J. Vida de Francisco Xavier Clavigero. Estudio de Elías Trabulse. – México: Novus Orbis, 1987. – 53 p.

VI Эпистолярные источники

47. Documentos sobre la Expulsión de los Jesuitas y Ocupación de sus temporalidades en Nueva España (1772-1783) / Introd. V. Rico González. – México: UNAM, 1949. – 255 p.
48. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / Estudio y selección de Romero Flores J. // Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia, I. – México, 1939-1940. – Pp. 307-335.

VII Публицистические источники

49. Espíritu de los mejores diarios literarios que se publican en Europa. 13 de octubre de 1788. Num. 150. – Madrid: imprenta de Josef Herrera, 1788. – 24 p.
50. Gaceta de literatura. 2 de octubre de 1792 // Gacetas de literatura de México. T. II. – Puebla: Reimpresas en la oficina del hospital de S. Pedro, 1831. – Pp. 449-459.
51. Sermón de Francisco Javier Clavijero dirigido a sus hermanos exiliados en Bolonia en vísperas de la supresión de la compañía de Jesús. Publicado por

Froldi R. // Bulletin Hispanique, tome 104, № 1. – Bordeaux: Université Michel de Montaigne, 2002. – Pp. 181-194.

52. Una carta inédita de Francisco Javier Clavijero, en torno a la supresión de la Compañía de Jesús / Estudio de Froldi R. // Revista de literatura, LXIII, №126. – Madrid: CSIC, 2001. – Pp. 517-533.

II ЛИТЕРАТУРА

A Зарубежная литература

53. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М: Канон-Пресс-ц, Кучково Поле, 2001. – 288 с.
54. Герхард П. Пираты Новой Испании. 1575-1742 гг. – М.: Центрполиграф, 2004. – 240 с.
55. Дель Negro П. Италия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – С- 441-449.
56. Леон-Портилья М. Философия Нагуа. Исследование источников. – М.: Постум, 2010 – 480 с.
57. Малерба Ж. История в Латинской Америке: очерк историографической критики. – М.: Канон-Плюс, 2011. – 176 с.
58. Сеа Л. Философия истории Латинской Америки. – М.: Прогресс, 1984. – 352 с.
59. Ферроне В. Наука // Мир Просвещения. Исторический словарь /Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. –С. 342-350.
60. Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь /Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – С. 31-41.

61. Abellán J.L. Historia crítica del pensamiento español. T. III. Del barroco a la Ilustración (siglos XVII-XVIII). – Madrid: ESPASA-CALPE, 1981. – 918 p.
62. Alba-Koch B. de. Providence, Indigenous Protagonism, and Enlightenment: Clavijero's Rendition of the Conquest of México // *Lumen: Selected Proceedings from the Canadian Society for Eighteenth-Century Studies*. Vol. 24. – Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2005. – Pp. 49-63.
63. Alejos-Grau C.J. El método histórico en Francisco Javier Clavijero (1731-1787). // *Qué es la historia de la Iglesia. XVI Simposio Internacional de Teología de la Universidad de Navarra*. – Pamplona: eds. Josep Ignasi Saranyana, 1996. – Pp. 727-736.
64. Alfaro A. Los jesuitas y la construcción de la nación mexicana // *Análisis plural. Segundo semestre 2010*. – Tlaquepaque: ITESO, 2010. – Pp. 143-152.
65. Araúz C. A. Un sueño de siglos: El Canal de Panamá // *Revista Tareas* №. 123. Panamá: CELA, 2006. – P. 2 URL:
<http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/panama/cela/tareas/tar123/02arauz.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).
66. Armitage D. The New World and British Historical Thought: from Richard Hakluyt to William Robertson // *America in European Consciousness* / ed. Karen Ordahl Kupperman. – Williamsburg: University of North Carolina Press, 1995. – Pp. 52-75.
67. Batllori M. La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. – Madrid: Gredos, 1967. – 698 p.
68. Barandas J.M. The Catholic Church in colonial Spanish America // *The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Pp. 511-540.
69. Beorlegui C. Historia del pensamiento filosófico latinoamericano: una búsqueda incesante de la identidad. – Bilbao: Universidad de Deusto, 2010. – 895 p.

70. Beristaín de Souza J.M. Biblioteca hispanoamericana septentrional. T.I. Seg. ed. – México: Tipografía del Colegio católico, 1883. – 476 p.
71. Beuchot M. Filosofía y ciencia en el México dieciochesco. – México: UNAM, 1996. – 169 p.
72. Beuchot M., Navarro B. Dos homenajes: Alfonso de la Veracruz y Francisco Xavier Clavigero. – México: UNAM, 1992. – 105 p.
73. Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Pp. 389-440.
74. Brading D.A. Los orígenes del nacionalismo mexicano. – México: Secretaría de Educación Pública, 1973. – 223 p.
75. Brading D.A. Orbe indiano: de la monarquía católica a la República criolla, 1492 – 1867. – México: FCE, 1991. – 770 p.
76. Brading D.A. Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VI. – Birmingham: The University of Birmingham, 1995. – Pp. 1-18.
77. Brading D.A. Tridentine Catholicism and Enlightened Despotism in Bourbon Mexico // Journal of Latin American Studies, Vol. 15, No. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – Pp. 1-22
78. Burrus E. Clavigero and the Lost Sigüenza y Góngora Manuscripts // Estudios de Cultura Náhuatl. No. 1. – México: UNAM, 1959. – Pp. 59-90.
79. Bustamante C.M. de. Cuadro histórico de la Revolución mexicana, comenzada en 15 de septiembre de 1810 por el ciudadano Miguel Hidalgo y Costilla, cura del pueblo de Dolores, en el obispado de Michoacán. T. I-V. – México: Imprenta de J. Mariano Lara, 1843-1846.
80. Cacho X., S.J. Francisco Xavier Clavigero, S. J. 1731-1787 // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A.URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier->

clavijero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_16.html#I_13_ (дата обращения: 14.05.2018).

81. Camelo R. La historiografía colonial en Nueva España // Historiografía mexicana. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. – México: UNAM, 2012. – Pp. 17-38.
82. Cañizares Esguerra J. Cómo escribir la historia del Nuevo Mundo: historiografías, epistemologías e identidades en el mundo del Atlántico del siglo XVIII. – México: Fondo de la Cultura Económica, 2007. – 638 p.
83. Carner de Mateo F. Clavijero, historiador de la cultura // Historia mexicana. Vol. 2. No. 2. – México: Colegio de México, A.C., 1970. – Pp. 171-198.
84. Carmen Rovira Gaspar M. del. Ontología de un humanismo salvador // Estudios. ITAM. Vol. XII. – México: ITAM, 2014. – Pp. 110-128.
85. Carmen Rovira Gaspar M. del. Filosofía y humanismo. La obra de los jesuitas criollos mexicanos // Revista de hispanismo filosófico. Núm. 14. – Madrid: FCE, 2009. – Pp. 7-23.
86. Castro E. El humanismo mexicano de Clavijero y Alegre // Ensayos histórico-filosóficos. – México: UNAM, 1962. – Pp. 135-163.
87. Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. – Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., sección de relaciones públicas, 1970. – 73 p.
88. Chatterjee P. The Nation and Its fragments. Colonial and postcolonial histories. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 282 p.
89. Crossen J.F. Francisco Javier Clavijero and the Founding of the Literary West // The Human Tradition in the American West / Ed. By Benson Tong and Regan A. Lutz. – Wilmington: Scholarly Resources Inc., 2002. – Pp. 1-16.
90. Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno // Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas. Vol. XXXIII. Num. 99. – México: Instituto de Investigaciones Estéticas, 2011. – Pp. 137-179.

91. Cuevas M. Historia de la nación mexicana. T. 1. – México: Buena Prensa, 1952. – 592 p.
92. Cuevas M. Prólogo // Clavijero F.J. Historia antigua de México. – México: Porrúa, 1974. – 621 p.
93. Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944. – 405 p.
94. Dávila y Arrillaga J.M. Continuación de la Historia de la Compañía de Jesus en Nueva España del Padre Francisco Javier Alegre. T. II. – Puebla: Imp. del Colegio Pío de Artes y Oficios, 1889. – 370 p.
95. Decorme G. La obra de los Jesuitas Mexicanos durante la época colonial 1572-1767 (compendio histórico). T. I. Fundaciones y obras. – México: Porrúa, 1941. – 635 p.
96. De Lorenzo Alvares E. La América censurada del siglo XVIII. En torno a las apologías y proyectos de Ramón Diosdado Caballero // América sin nombre. № 18. – Alicante: Universidad de Alicante, 2013. – Pp. 114-124.
97. Domínguez B.H. Clavijero's Perception of the America and American's from the exile perspective // Locus. Revista de historia. V. 12. Núm. 2. – Juiz de Fora: Universidade Federal de Juiz de Fora, 2006. – Pp. 99-115.
98. El entrecruce de la racionalidad en el siglo XVIII novohispano: tradición, modernidad y ética / coord. Esquivel Estrada N. H., Díaz Ávila A. – México: UAEM, 2014. – 492 p.
99. El pensamiento filosófico latinoamericano, del Caribe y "latino" (1300-2000): historia, corrientes, temas y filósofos / editado por Enrique Dussel, Eduardo Mendieta, Carmen Bohórquez. — México: Siglo XXI, 2009. – 1117 p.
100. Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. – México: UNAM, 1995. – 205 p.
101. Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. – México: Taurus, 2002. – 530 p.

102. Florescano E. Memoria mexicana. – México: Fondo de Cultura Económica, 1994. – 676 p.
103. Florescano E. Semblanza de Francisco Javier Clavijero // La Jornada Semanal, núm. 369. 31 de marzo del 2002. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2002/03/31/sem-florescano.html> (дата обращения: 14.05.2018).
104. García R. “Bio-bibliografía” del historiador Francisco Javier Clavijero. – México: Departamento del Distrito Federal, 1931. – 22 p.
105. García Icazbalceta J. Historiadores de México // Obras de D.J. García Icazbalceta. T. VIII. – México: Imp. De V. Agüeros, 1898. – Pp. 267-298.
106. García Icazbalceta D.J. Estudio histórico // Obras de D.J. García Icazbalceta. T. VI. – México: Imp. De V. Agüeros, 1898. – Pp. 5-67.
107. Gerbi A. La disputa del Nuevo Mundo. Historia de una polémica 1750-1900. – México: Fondo de Cultura Económica, 1993. – 681 p.
108. Gómez Fregoso J. Clavijero, aportaciones para su estudio y ensayo de interpretación. – Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1979. – 180 p.
109. Gómez Robledo A. La conciencia mexicana en la obra de Francisco Javier Clavijero // Historia Mexicana. Vol. 19. №3. – México: Colegio de México, A.C., 1970. – Pp. 347-364.
110. González L. Un mexicano en Europa // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_28_ (дата обращения: 14.05.2018).
111. González Obregón L. Cronistas e historiadores. – México: Ediciones Botas, 1936. – 227 p.
112. Grajales G. Nacionalismo incipiente en los historiadores coloniales. Estudio historiográfico. – México: UNAM, 1961. – 135 p.

113. Gruzinski S. La guerra de las imágenes. De Cristóbal Colón a “Blade Runner” (1492-2019). – México: Fondo de Cultura Económica, 1990. – 224 p.
114. Hernández Sotelo A. Francisco Javier Clavijero: una revisión historiográfica. P. I // Boletín cultural de la Escuela Nacional de Antropología e Historia. – México: ENAH, 2002. – Pp. 3-8.
115. Hernández Sotelo A. Francisco Javier Clavijero: una revisión historiográfica. P. II // Boletín cultural de la Escuela Nacional de Antropología e Historia. – México: ENAH, 2002. – Pp.22-27.
116. Herrejón Peredo C. Reseña de “Francisco Xavier Clavigero, SJ, ilustre universitario constructor de la patria mexicana” de Juan Luis Maneiro, SJ. // Tzintzun. Revista de estudios históricos. Núm. 41. – Morelia: Universidad Michoacana de San Nicolás de Hidalgo, 2005. – Pp. 145-151.
117. Hernán Perrone N. Una mirada a la comunidad de jesuitas americanos expulsos a través de las obras de Lorenzo Hervás y Panduro S.J. (1735 – 1809). URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/una-mirada-a-la-comunidad-de-jesuitas-americanos-expulsos-a-traves-de-las-obras-de-lorenzo-hervas-y-panduro-sj-1735-1809/html/adac72c4-bec7-4251-9b17-c24786d54327_3.html#I_0_ (дата обращения: 14.05.2018).
118. Hernández Murillo A. Francisco Javier Clavijero. – Toluca: ed. Toluca, 1979. – 45 p.
119. Humboldt A. von. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne. – Paris: Chez Antoine-Augustin Renouard, 1825. 4 vols.
120. Horta A. Mexicanos ilustres: bosquejos biográficos para el uso de los establecimientos de instrucción pública. – México: imprenta del “Hijo del trabajo”, 1883. – 128 p.
121. Kohut K. Clavijero y las disputas sobre el Nuevo Mundo en Europa y América // Destiempos, №14. – México: Destiempos, 2008. – Pp. 52-81.

122. Lafaye J. Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531-1813. – Chicago: The University of Chicago Press, 1976. – 336 p.
123. Las polémicas de Juan Bautista Muñoz / J.B. Muñoz, Carlos W. de Onis. – Madrid: Ediciones José Porrúa Turanzas, S.A., 1984. – 105 p.
124. Le Riverend Brusone J. La historia antigua de México del Padre Francisco Javier Clavijero // Estudios de historiografía de la Nueva España. – México: El Colegio de México, 1945. – Pp. 295-323.
125. León-Portilla M. De Teotihuacan a los aztecas. – México: UNAM, 1972. – 611 p.
126. León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. – México: UNAM, 2012. – Pp. 605-642.
127. León-Portilla M. Humanistas de Mesoamérica. T. II – México: Fondo de la Cultura Económica, 1997. – 68 p.
128. Liss P.K. Jesuit Contributions to the Ideology of Spanish Empire in Mexico: Part II. The Jesuit System of Education and Jesuit Contributions to Ongoing Mexican Adhesion to Empire // The Americas. Vol. 29, Núm. 4. – Cambridge: Cambridge University Press, 1973. – Pp. 449-470.
129. Lockhart J., Schwarts S.B. América Latina en la Edad moderna: una historia de la América Española y el Brasil coloniales. – Madrid: Akal, S.A., 1992. – 440 p.
130. Los jesuitas en España y en el mundo hispánico / coord. Egidio T. – Madrid: Marcial Pons Historia, 2004. – 511 p.
131. MacCormack S. Limits of Understanding: Perceptions of Greco-Roman and American Paganism in Early Modern Europe // America in European Consciousness / ed. Karen Ordahl Kupperman. – Williamsburg: University of North Carolina Press, 1995. – Pp.79-129

132. Maneiro J.L., Fregoso J.G. Francisco Javier Clavijero, SJ: ilustre universitario constructor de la patria mexicana. – México: Universidad Iberoamericana, 2004. – 85 p.
133. Maravall J.A. Estudios de la historia del pensamiento español (siglo XVIII). – Madrid: LAVEL, 1991. – 588 p.
134. Marchetti G. Cultura indígena e integración nacional. La “Historia antigua de México” de F.J. Clavijero. – México: Xalpa, 1986. – 144 p.
135. Martínez Rosales A. La cultura ítalo-mexicana de los jesuitas expulsos // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_24_ (дата обращения: 14.05.2018).
136. Mendez Plancarte G. Humanistas del siglo XVIII. – México: UNAM, 1941. – 199 p.
137. Mestre Sanchis A. Apología y crítica de España en el siglo XVIII. – Madrid: Marcial Pons Historia, 2003. – 372 p.
138. México a través de los siglos. Historia general y completa del desenvolvimiento social, político, religioso, militar, artístico, científico y literario de México desde la antigüedad más remota hasta la época actual. T. II. El virreinato / Vicente Riva Palacio. – México: Ed. Cumbre, S.A., 1953. – 930 p.
139. Miranda J. Clavijero en la Ilustración mexicana // Cuadernos Americanos. Vol. XXVIII. – México: Fondo de Cultura Económica, 1946. – Pp. 180-196.
140. Monguió L. “Las Luces” and the Enlightenment in Spanish America // The Ibero-American Enlightenment / ed. by A. Owen Aldridge. – Chicago: University of Illinois Press, 1971. – Pp. 211-233.

141. Moreno R. Indigenismo de Clavijero y Alzate // Estudios sobre política indigenista española en América. Núm. 3. – Valladolid: Universidad de Valladolid, 1977. – Pp. 43-52.
142. Moreno R. La filosofía de la Ilustración en México y otros escritos. – México: UNAM, 2000. – 311 p.
143. Moreno R. Las notas de Alzate y la Historia antigua de Clavijero // Estudios de Cultura Náhuatl. No. 10. – México: UNAM, 1972. – Pp. 359-392
144. Moreno Bonnet M. Nacionalismo novohispano. – México: UNAM, 2000. – 350 p.
145. Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T.1. La creación de una imagen propia. La tradición española. – México: UNAM, 2012. – Pp. 523-541.
146. Navarro B. Cultura mexicana moderna en el siglo XVIII. – México: UNAM, 1983. – 231 p.
147. Navarro B. Filosofía y cultura novohispanas. – México: UNAM, 1998. – 250 p.
148. O'Neill Ch.E., Domínguez J.M. Diccionario histórico de la Compañía de Jesús. T. II. Costa Rossetti-Industrias. – Madrid: Univ Pontifica Comillas, 2001. – 4110 p.
149. Ortega y Medina J.A. Clavijero ante la conciencia historiográfica mexicana // Estudios de historia novohispana. Vol.10 – México: UNAM, 1991. – Pp. 291-307.
150. Pacheco J.E. La patria perdida (notas sobre Clavijero y la cultura nacional) // Aguilar Camín H. En torno a la cultura nacional. – México: INI, 1976. – 261 p.
151. Pagden A. Spanish Imperialism and the Political Imagination. – Yale: Yale University Press, 1990. – 184 p.

152. Palomera E.J. La obra educativa de los jesuitas en Guadalajara, 1586-1986: visión histórica de cuatro siglos de labor cultural. – Guadalajara: ITESO, 1986. – 430 p.
153. Pasquel L. Bibliografía de Clavijero. – México: Editorial Citlaltépetl, 1971. – 157 p.
154. Peralta Ruiz V. Patriotismo y reinos integrados. La historiografía americanista a fines del siglo XVIII // Relaciones sociales e identidades en América. – Barcelona: Universidad de Barcelona, 2004. – Pp. 301-314.
155. Peterson A. Satyrs of the New World. Clavijero rebuttal to the Old World – New World Polemic // Colonial Latin American Review. Vol. 3. – New York: City University of New York, 1994. – Pp. 139-158.
156. Prescott W.H. History of the conquest of México. – Philadelphia: J.B. Lippincott, 1873. – 522 p.
157. Rico Gonzalez V. Historiadores mexicanos del siglo XVIII: estudios historiográficos sobre Clavijero, Veytia, Cavo y Alegre. – México: UNAM, 1949. – 218 p.
158. Rivera-Ayala S. La “reconquista” de América en la Historia antigua de México de Francisco Javier Clavijero // Revista iberoamericana. Vol. LXXIV. Num. 222. Enero-marzo, 2008. – Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2008. – Pp. 1-16.
159. Rodríguez Perez O. El hispanoamericanismo de los Jesuitas expulsos en Italia // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VII. – Birmingham: The University of Birmingham, 1995. – Pp. 240-248
160. Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731-1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. – Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. – 535 p.
161. Saladino García A. Libros científicos del siglo XVIII latinoamericano. – México: UAEM, 1998. – 340 p.

162. Saldaña J.J. Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. – Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. – Pp. 19-49.
163. Sanabria J.R., Beuchot M. Historia de la filosofía cristiana en México. – México: Universidad iberoamericana, 1994. – 375 p.
164. Sánchez Díaz G. Michoacan en la obra de Clavijero // Tzintzun. Revista de estudios históricos. Núm. 9. – Morelia: Universidad Michoacana de San Nicolás de Hidalgo, 1988. – Pp. 37-46.
165. Sebastiani S. Las escrituras de la historia del Nuevo Mundo: Clavijero y Robertson en el contexto de la Ilustración europea // Historia y Grafía, №37. – México: Universidad Iberoamericana, 2011. – P. 203-236.
166. Suarez M. Clavijero en la filosofía de la historia // Tempus. Revista de Historia de la facultad de Filosofía y Letras. № 2. – México: UNAM, 1993. – Pp. 115-129.
167. St. Clair Segurado E.M. Expulsión y exilio de la provincia jesuita mexicana, 1767-1820. – Alicante: Universidad de Alicante, 2005. – 488 p.
168. Tanck de Estrada D. Clavijero: defensor de los idiomas indígenas frente al desprecio europeo // Francisco Xavier Clavijero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavijero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_16.html#I_2_ (дата обращения: 14.05.2018).
169. Tarragó F.R. Science and religion in the Spanish American Enlightenment // The Catholic social science review. Num. 10. – Steubenville: Franciscan University of Steubenville, 2005. – Pp. 181-196.
170. Tedeschi S. La riscoperta dell'America: l'opera di Francisco Javier Clavijero e dei gesuiti messicani in Italia. – Roma: Aracne, 2006. – 160 p.

171. Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, №14. – México: Destiempos, 2008. – Pp. 397-412.
172. Toro Pascua A. Colección bibliográfica México-Nueva España. – México: Editorial San Esteban, 2001. – 150 p.
173. Torre Revello J. El libro, la imprenta y el periodismo en América durante la dominación española. – México: UNAM, 1991. – 288 p.
174. Trabulse E. Clavigero, historiador de la Ilustración mexicana // Francisco Xavier Clavigero en la Ilustración mexicana 1731-1787 / compilador, Martínez Rosales A. URL:http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor-din/francisco-xavier-clavigero-en-la-ilustracin-mexicana-17311787-0/html/0210e984-82b2-11df-acc7-002185ce6064_17.html#I_20_ (дата обращения: 14.05.2018).
175. Trabulse E. Los manuscritos perdidos de Sigüenza y Góngora. – México: El Colegio de México, 1988. – 144 p.
176. Trabulse E. Los orígenes de la ciencia moderna en México (1630-1680). – México: Fondo de Cultura Económica, 1992. – 294 p.
177. Trabulse E. Un airado mentís a Clavijero // Historia mexicana. № 97. – México: UNAM, 1976. – Pp. 1-40.
178. Transición y cultura política. De la Colonia al México independiente / Coord. Gómez Álvarez C., Soto M. – México: UNAM, 2004. – 306 p.
179. Trueba A. La Expulsión de los Jesuitas o el Principio de la Revolución. – México: Editorial Jus, S.A., 1957. – 56 p.
180. Velasco Gómez A. Humanismo hispanoamericano // Revista de hispanismo filosófico. Núm.13. – México: UNAM, 2008. – Pp. 13-30.
181. Villoro L. Los grandes momentos del indigenismo en México. – México: Fondo de Cultura Económica, 1996. – 303 p.

Б Отечественная литература

182. Александренков Э.Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV-XVI в. // Источники по этнической истории аборигенного населения Америки. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 6-57.
183. Александренков Э.Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе: конец XV - середина XVI века. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017. – 500 с.
184. Альперович М.С. Рождение Мексиканского государства. – М.: Наука, 1979. –168 с.
185. Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. — М.: Соцэкгиз, 1958. — 330 с.
186. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. – М.: Высшая школа, 1981. — 299 с.
187. Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики. Сб. статей. – М.: Наука, 1996. – 306 с.
188. Баглай В.Е. Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй (Доколониальный период). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 432 с.
189. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление истории. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
190. Бобкова М.С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 329 с.
191. Война за независимость Латинской Америки. – М.: Наука, 2011. – 422 с.
192. Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испанско-русских отношений. – М.: РУДН, 2011. – 628 с.

193. Всемирная история. Т.3. Мир в раннее новое время / отв.ред. Ведюшкин В.А., Юсим М.А. – М.: Наука, 2013. – 854 с.
194. Гайденко П.П. Время, длительность, вечность. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
195. Гуляев В.И. Забытые города майя. – М.: Искусство, 1984. – 184 с.
196. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. – М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2007. – 391 с.
197. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
198. История Европы. Т.3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – 656 с.
199. История Испании. Т.2 От войны за испанское наследство до начала XXI века. – М.: Индрик, 2014. – 816 с.
200. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. – М.: Наука, 1991. – 520 с.
201. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. – М.: Наука, 2010. – 810 с.
202. Карсавин Л.П. Католичество. – Петроград: Издательство «Огни», 1918. – 132 с.
203. Кинжалов Р. В. Культура древних майя. – Л.: Наука, 1971. – 364 с.
204. Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910-1917 гг. – М.: Наука, 1972. – 290 с.
205. Ларин Е.А. Всеобщая история. Латиноамериканская цивилизация. – М.: Высшая школа, 2007. – 493 с.
206. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. В 3-х т. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.
207. Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). – М.: «Весь мир», 2005. – 240 с.

208. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. № 36. – М.: РОИИ, 2011. – С. 5-11.
209. Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. – СПб.: Наука, 2003. – 632 с.
210. Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
211. Юрчик Е.Э. Испанское просветительское движение // Общественно-политическая мысль европейского просвещения / под ред. Мещеряковой Н.М. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 216-276.
212. Юрчик Е.Э. Представления о нации и национальное сознание в Испании // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / отв. ред. Бондарчук В.С. – М.: Издательский дом «Вече», 2005. – С. 231-286.
213. Юрчик Е.Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Выпуск 8 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000246-9-1> (дата обращения: 15.05.2018).